

Вестник института

научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попов В. В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Шамсунов С. Х. — заместитель директора ФСИН России, доктор юридических наук;

Бровкин В. Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Волох А. И. — начальник УФСИН по Северо-Западному федеральному округу, кандидат педагогических наук;

Дебольский М. Г. — заместитель начальника Управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Дубровицкий Л. П. — первый заместитель начальника Правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Емельянова Е. В. — начальник лаборатории изучения проблем управления и правового обеспечения деятельности УИС НИИ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент;

Зубков А. И. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР;

Игнатъевский В. А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук;

Конасов В. Б. — профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, профессор;

Крымов А. А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Малахов Р. А. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Матвеев А. Г. — начальник управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России;

Михлин А. С. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Нагорных Р. В. — начальник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (ответственный секретарь);

Оботурова Н. С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Поздняков В. М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Полозюк В. Л. — начальник Управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Попова И. Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Старостин С. А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Ячин Ю. Н. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер научно-практического журнала «Вестник института: преступление, наказание, исправление». Его появление закономерно. В последние годы институт активно и позитивно развивается.

В 1994 г. в учебном заведении началась подготовка юристов, в 2001 г. — психологов, в 2004 г. — специалистов в области технологии и оборудования лесозаготовки и деревообработки, а также менеджеров в области управления персоналом, в 2005 г. в образовательную деятельность вуза введена специальность «Социальная работа». В 2007 г. началась подготовка будущих юристов с применением технологий дистанционного обучения. На сегодняшний день общее количество обучающихся в институте превышает три тысячи человек.

Образовательный процесс в вузе организуют и ведут 5 факультетов, 17 кафедр. На них работают 30 докторов наук и профессоров, свыше 100 кандидатов наук и доцентов. В 2003 г. в институте создана адъюнктура по трем научным специальностям. Обучение в ней прошли 10 человек, из них 5 защитили диссертации.

На базе института проводятся международные, российские и региональные научные мероприятия. Осуществляются совместные международные проекты, происходит обмен опытом работы в пенитенциарной сфере с образовательными и практическими учреждениями Беларуси, Казахстана, Норвегии, Польши, Украины, Швейцарии. Ежегодно издается более 50 монографий, учебных пособий, сборников научных работ, материалов научно-практических конференций и семинаров.

Издание журнала направлено на дальнейшее развитие образовательного процесса в вузе, повышение качества научно-методического обеспечения деятельности учреждений и органов ФСИН России. На страницах журнала планируется публикация статей по актуальным вопросам совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, реформирования уголовно-исполнительной системы России и зарубежных стран.

Важное место займут публикации, посвященные проблемам назначения и исполнения различных видов уголовных наказаний, педагогической, психологической и социальной работы с различными категориями осужденных, профилактики и коррекции противоправного поведения несовершеннолетних, производственно-хозяйственной деятельности предприятий УИС в условиях их реформирования.

При взаимодействии с территориальными органами в журнале будут освещаться актуальные проблемы практической деятельности органов и учреждений ФСИН России и других правоохранительных органов. Одним из значимых тематических направлений нового издания станет методика преподавания в вузе, а также освещение основных достижений института.

Поздравляю учредителей журнала, его редколлегию, авторов и читателей с выходом первого номера. В добрый путь, коллеги и единомышленники!

Начальник Вологодского института права и экономики ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

В. В. ПОПОВ

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 4

А. И. ЗУБКОВ. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период . . 4

М. Г. ДЕТКОВ. Проблемы производства и труда в процессе реформы системы исполнения уголовных наказаний в Российском государстве 10

В. И. СЕЛИВЕРСТОВ. Доктринальное и нормативное определения помилования. 16

А. С. ШАТАЛОВ, А. А. КРЫМОВ. Общая характеристика процессуальных процедур решения судом вопросов на стадии исполнения приговора 22

С. В. ЧУБРАКОВ. Проблемы определения содержания уголовного наказания в виде обязательных работ. . 26

В. Р. ШМИДТ. Оценка потребностей несовершеннолетнего заключенного как основа планирования мероприятий по интеграции 29

Е. Я. ТИЩЕНКО . Постпенитенциарная социальная реабилитация освободившихся лиц. 33

В. В. ПОПОВ. О работе Вологодского института права и экономики ФСИН России по реализации российско-швейцарского проекта «Совершенствование системы подготовки и практической деятельности специалистов в области социальной работы в УИС» 36

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ 41

О. В. ФИЛИМОНОВ. Основные направления правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы и пути его дальнейшего совершенствования. 41

Ф. В. РУЧКИН. Актуальные проблемы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы 46

П. А. КОЛМАКОВ. О существующих проблемах при производстве судебно-психиатрических экспертиз . . . 48

Н. Д. ГОМОНОВ. Симуляция психических заболеваний лицами, отбывающими уголовные наказания в виде лишения свободы: анализ практики 52

С. Ю. ВЕДРОВ. К проблеме информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков 54

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 56

Н. Г. КАЛАШНИК, О. Б. ЯНЧУК. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы на Украине 56

А. П. ПАЦКЕВИЧ, С. Н. СТОРОЖЕНКО. Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь 59

И. В. ИВАНЬКОВ. Роль и значение первой кодификации уголовного и исправительно-трудового законодательства Украины для организационно-правовых основ деятельности органов и учреждений исполнения наказаний 63

И. В. БОДНАР. Распределение осужденных по учреждениям исполнения наказаний на современном этапе реформирования пенитенциарной системы Украины 67

Е. О. АЛАУХАНОВ. Развитие казахской криминологии 70

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 74

В. Ф. ЛАПШИН. Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества 74

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ. 76

В. Б. КОНАСОВ. Генерал-лейтенант Леонтьев 76

А. Л. КУЗЬМИНЫХ. Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа 78

ПАМЯТИ Л. И. КУЗЬМИНЫХ 85

А. Л. КУЗЬМИНЫХ, Д. С. ВИШНЕВСКАЯ. Учитель с Большой Буквы 85

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 87

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 87

А. А. КРЫМОВ. Международное сотрудничество Вологодского института права и экономики ФСИН России 87

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 89

РЕЦЕНЗИИ 91

Б. Б. КАЗАК. Рецензия на монографию Голодова П. В. «Правовое регулирование и организация деятельности руководителя учреждения уголовно-исполнительной системы». 91

О. С. СОКОЛОВА. Рецензия на монографию Кондратовской С. Н. «Правовые проблемы пресечения недобросовестной конкуренции на товарных рынках» . . . 92

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 94

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 94

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период

А. И. ЗУБКОВ — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР

1. Если проанализировать развитие пенитенциарной системы России за последние сто лет, то можно констатировать, что она находится в состоянии постоянного реформирования, хотя интенсивность этого процесса в те или иные периоды была неодинаковой: были периоды относительной стабильности (до февраля 1917 г., начало 30-х — первая половина 50-х гг., 60–70-е гг. XX в.); но были и периоды бурного реформирования, обусловленные как революционными преобразованиями в стране, так и резкой сменой карательной политики в те или иные годы (связанной не только и не главным образом с культом личности и массовыми репрессиями). При этом зачастую опыт прошлых лет (не только положительный, но и отрицательный) воспринимается некритично, все начинаем по-новому, как бы с «чистого листа», но неизменно повторяя старые ошибки. Хотя пенитенциарное дело — это довольно консервативный сегмент государственной и общественной деятельности (практики), где нововведения являются не нормой, а скорее исключением.

Поэтому, когда твердят о постоянном реформировании пенитенциарной системы, то нередко желаемое выдают за действительное, стремясь подать систему в более выгодном свете. В принципе, в любой пенитенциарной (тюремной) системе с глобальной точки зрения мало что можно кардинально изменить. Сроки наказания в виде лишения свободы, степень изоляции осужденных, возможности применения различных форм досрочного освобождения и, наконец, количество арестантов и их состав определяются прежде всего уголовным законодательством, практикой его применения, а не пенитенциарным (уголовно-исполнительным) законодательством. Условия функционирования уголовно-исполнительной системы, насыщенность различными воспитательными средствами, обеспеченность системы квалифицированными кадрами и уровень стимулирования их работы, степень разнообразия и полноты материально-технического обеспечения осужденных и сотрудников зависят от экономических и финансовых возможностей государства выделять в те или иные периоды необходимые для УИС ресурсы. Поэтому собственных внутрисистемных резервов постоянного реформирования в УИС имеется не слишком много (хотя они, разумеется, имеются). Выявить эти резервы, ранжировать их по значимости и очередности реализации (с учетом имеющихся возможностей) как раз и является неотложной задачей науки и практики. Рассмотрим их.

2. Прежде всего, хотя бы кратко следует обратиться к истории развития УИС начиная с царского периода ее функционирования. Отметим, что Россия во второй половине XIX — начале XX в. представляла собой достаточно прогрессивное государство в плане постановки тюремного (пенитенциарного) дела, где внедрялись передовые по тем временам формы и методы содержания арестантов и обращения с ними (особенно это относилось к несовершеннолетним правонарушителям). Мировое признание этого факта выразилось, в частности, в том, что Россия была избрана местом проведения в Петербурге очередного третьего тюремного Конгресса в 1890 г. И действительно, в России интенсивно развивались учреждения для содержания несовершеннолетних правонарушителей, в местах заключения для взрослых арестантов практически повсеместно оборудовались производственные мастерские, хорошо технически оборудованные (некоторые из них еще долгие годы в советское время исправно функционировали), интенсивно развивались библиотечное дело, художественная самодеятельность, обучение грамоте, ремеслу.

При этом следует учитывать, что УИС царской России базировалась в основном на учреждениях тюремного типа (тюрьмы губернские, областные и уездные тюремные замки, исправительные тюрьмы, исправительные арестантские отделения, тюрьмы для содержания осужденных к каторжным работам, пересыльные тюрьмы и др.). Поэтому в тюремных условиях широких возможностей для развития различных направлений самодеятельности и полезной инициативы осужденных не имелось. Если сравнить положение дел в тюрьмах времен Ф. М. Достоевского, которое он описал в романе «Записки из мертвого дома» (первая половина XIX в.), а также жизнь каторжан середины XIX в., детально описанную в романе П. Ф. Якубовича (Мельшина) «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», бытие ссыльно-каторжных конца XIX в. на Сахалине в известном произведении А. П. Чехова «Остров Сахалин», то мы увидим существенные различия в системе методов воздействия на заключенных.

Временное правительство в силу своего кратковременного существования (февраль–октябрь 1917 г.) не успело кардинально изменить прежнее законодательство и практику его применения, однако попытки в этом направлении были предприняты весьма существенные. Они коснулись не только проведе-

ния массовой амнистии заключенных: имело место стремление демократизировать условия и порядок исполнения наказаний, установить общественный контроль за местами лишения свободы, организовать на качественно новой основе подготовку тюремной администрации.

Пришедшая на смену Временного правительства советская власть взяла курс на отказ от тюремного заключения и ориентацию на развертывание исправительно-трудовой системы, ориентированной на полусвободный режим содержания осужденных, вовлечение их в трудовые процессы на предприятиях фабрично-заводского типа и сельскохозяйственных колоний, обучение профессии и в общеобразовательных школах, развертывание инициативы и самодеятельности осужденных, участие общественности в контроле за местами лишения свободы. Все эти положения были детально регламентированы в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. Пенитенциарная политика советской власти в первые десять лет не только отвечала международным стандартам того времени, но и в ряде случаев существенно превосходила их в плане развертывания широкого комплекса воспитательных мероприятий в местах лишения свободы. Однако в 1928 г. карательная политика государства была резко изменена в сторону ужесточения. Основными местами лишения свободы стали не колонии, а исправительно-трудовые лагеря, имеющие жесткую централизованную систему управления и жесткий режим отбывания наказания.

Систему отбывания наказания в виде лишения свободы в лагерях обычно оценивают с негативных позиций, вкладывая сюда в том числе и политическую составляющую разновидности форм подавления инакомыслящих, как места, где в концентрированном виде проявлялись негативные стороны культуры личности. Однако оценки ряда ученых, досконально изучающих архивы лагерей (доктора юридических наук, профессора М. Г. Деткова, С. И. Кузьмина и др.), являются более взвешенными: они отмечают как негативные стороны, так и положительные моменты (особенно в сфере труда, обучения, развития самодеятельности и т.д.), соотнося свои выводы с общей социально-экономической и общественно-политической обстановкой в стране и конкретном регионе. Тем не менее опыт деятельности системы исправительно-трудовых лагерей в целом вряд ли может быть признан в качестве эффективной формы исполнения наказаний в виде лишения свободы даже в отношении общеуголовных элементов, не говоря уже о репрессированных лицах. Система исправительно-трудовых лагерей была ликвидирована в середине 50-х гг. прошлого столетия как следствие восстановления законности и ликвидации последствий культуры личности.

Со второй половины 50-х гг. основным местом отбывания наказания в виде лишения свободы вновь становятся исправительно-трудовые колонии, восстанавливаются и активно функционируют наблюдательные комиссии за местами лишения свободы, активным и значимым становится прокурорский надзор. Это было весьма интересное время, я могу об этом компетентно свидетельствовать, так как сам принимал активное участие в этих процессах с 1958 г. Будучи еще студентом юридического факультета, я был включен в состав наблюдательной комиссии за

местами лишения свободы, работая последовательно в районных, городской и областной наблюдательной комиссии Томской области. В этих комиссиях я проработал почти семнадцать лет, так что могу судить о многих процессах, проходивших за эти годы в местах лишения свободы; практически одновременно я стал заниматься и научной работой, изучая сферу пенитенциарной деятельности.

3. Говоря о внешних факторах реформирования УИС, следует отметить, что в период с 60–80-е гг. прошлого столетия было сделано исключительно много по налаживанию достойной системы исполнения наказаний в стране: была разработана и принята современная правовая основа функционирования УИС (были приняты Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, разработаны и приняты в каждой республике свои Исправительно-трудовые кодексы, иные нормативные правовые акты, регулирующие исполнение наказаний), по существу, заново создана материальная и производственная базы, воспитательный процесс был поставлен на научную основу, в массовом порядке были подготовлены кадры пенитенциарных работников. Это был период массовых экспериментальных работ по совершенствованию пенитенциарной практики и поиска новых путей нормативного закрепления наиболее положительных их результатов. Достаточно назвать лишь такие эксперименты: Вологодский опыт по развитию разных форм внутриколлективного самоуправления осужденных, Кемеровский опыт по отработке строго регламентированного внутреннего распорядка, Саратовский опыт по работе со злостными нарушителями режима, Белорусский опыт проведения углубленной индивидуальной воспитательной работы со злостными нарушителями и многие другие. Проводился масштабный эксперимент по созданию и функционированию производственных объединений в рамках исправительных учреждений региона. По результатам эксперимента были созданы и успешно функционируют колонии-поселения для лиц, осужденных за преступления, совершенные по неосторожности. Экспериментально была отработана законодательная новелла по досрочному освобождению женщин, имеющих малолетних детей, от отбывания наказания и многие другие новеллы.

Многочисленные зарубежные организации (в том числе и контролирующие) неизменно отмечают достижения страны в развитии пенитенциарной практики. Однако следует отметить, что в результате неправильного определения приоритетов развития пенитенциарной политики и практики оказалась практически не развитой система следственных изоляторов и тюрем: здесь мы отстали от развитых стран на многие десятки лет, что привело к кризису системы в конце 90-х гг., когда на одного «сидельца» в следственных изоляторах приходилось в ряде случаев менее одного метра жилой площади. УИС России оказалась в это время в тяжелейшем, кризисном положении: к чрезмерному переполнению следственных изоляторов добавились еще и последствия дефолта 1998 г., когда на питание осужденных из казны в течение ряда месяцев выделялось менее одного рубля. Система выжила благодаря имеющейся производственной базы, когда, по существу, все доходы от нее были пущены на питание осужденных. Потребовались экстренные меры со стороны Правительства, Президента, Совета Федерации и Государ-

ственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, чтобы нормализовать обстановку. Автору пришлось принимать непосредственное участие в «разруливании» этой ситуации, будучи в то время заместителем начальника ГУИН Минюста России.

4. Хотелось бы кратко остановиться на вопросе формирования правовой основы функционирования УИС. Прежде всего, необходимо сделать одно весьма важное замечание, касающееся правового поля этой сферы деятельности в целом. Дело в том, что пенитенциарное законодательство (понимаемое в широком смысле) формируется не само по себе, а прежде всего базируется на уголовном законодательстве с учетом международных стандартов в сфере борьбы с преступностью и обращения с правонарушителями. УК РФ определяет цели наказания, виды и систему наказаний, детально регламентирует их содержание (суровость, размер, длительность сроков, виды исправительных учреждений и порядок размещения в них осужденных), виды и возможность досрочного освобождения от наказания и многое другое. Уголовно-исполнительное законодательство лишь развивает и детализирует эти положения, но кардинально изменить их не может. Поэтому часто возникают коллизии между потребностями пенитенциарной практики в изменении тех или иных правовых норм и уголовной политикой в целом и уголовным законодательством, которое является более консервативным, чем законодательство уголовно-исполнительное. Как правило, требуются многие годы и масса усилий для того, чтобы внести необходимые изменения в те нормы УК РФ, которые являются базовыми для уголовно-исполнительного законодательства.

Понимание необходимости приведения советского исправительно-трудового законодательства к международным нормам и стандартам обращения с осужденными (особенно ослабления степени его суровости) возникло еще в середине 80-х гг. прошлого столетия. В МВД СССР была создана комиссия (во главе рабочей группы вначале стоял профессор Н.А. Стручков, а позднее автор этих строк), которая подготовила проект новых Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, которые не были приняты в связи с распадом СССР (хотя новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик принять все же успели, но они так и не вступили в действие).

С распадом Союза работа над новым уголовно-исполнительным законодательством была продолжена. Эту работу курировали от Верховного Совета РСФСР Р. Абдулатипов и депутат А. Бир — шахтер из Кузбасса, ранее отбывавший лишение свободы, рабочую группу по-прежнему возглавлял я. К июню 1992 г. был подготовлен новый проект ИТК РСФСР, но в связи с тем что проект нового УК не был подготовлен, решили внести существенные изменения в действующий ИТК, что и было сделано. Но комиссия продолжала свою работу. Теперь ее курировал депутат профессор В. Д. Филимонов. В 1996 г. новый УИК РФ был принят и вступил в действие с 1 июля 1997 г. По отзывам наших и зарубежных экспертов, этот кодекс был признан наиболее демократичным и в наибольшей степени отвечающим международным стандартам обращения с осужденными.

Тем не менее за неполные десять лет в его содержание было внесено множество изменений и допол-

нений. Достаточно сказать, что вышло в свет уже пять изданий Комментария к УИК РФ под моей редакцией (1997 г., 2001 г., 2004 г., 2005 г., 2006 г.); необходимость новых изданий диктовалась появлением массы законодательных новелл. Следует отметить, что далеко не все из них были обусловлены объективными потребностями практики или кардинальным изменением уголовной и уголовно-исполнительной политики; отдельные из них были обусловлены корпоративными интересами определенного круга лиц, желанием встать на одну линию с зарубежной практикой (без учета российской действительности), иными субъективными факторами.

Необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, весьма характерное для современного состояния уголовно-исполнительного законодательства и практики его реализации. Это, прежде всего, стремление поставить реформирование УИС как бы на научно-плановую основу путем принятия различного рода концепций реформирования системы в целом или отдельных направлений ее деятельности. В принципе, это можно приветствовать, если в них более или менее точно дан прогноз развития, они детально разработаны, а главное, сама практика нацелена на развитие именно в таком направлении, как это определено в той или иной концепции; главное, чтобы они принимались не ради галочки как дань моде.

5. Современное состояние УИС существенно отличается от советского периода. С одной стороны, мы многое потеряли, с другой, наоборот, приобрели многие новые качества и характеристики. Если в 70–80-е гг. прошлого столетия УИС имела мощный экономический потенциал, занимая 5–7 место по объему производимого валового продукта среди всех промышленных министерств и ведомств страны и почти четверть всех строительно-монтажных работ, то теперь все это ушло в прошлое, и система вновь стоит на путях ликвидации промышленного производства и перехода на учебный труд осужденных. В современной истории это уже вторая попытка лишить УИС промышленно-производственного потенциала. Первая была в середине 50-х гг. прошлого столетия в связи с ликвидацией лагерей: тогда было передано в народное хозяйство около 20 находящихся в составе ГУЛАГа промышленных главков. В УИС тогда осталось лишь так называемое собственное производство, технически исключительно плохо оснащенное. Труд осужденных тогда главным образом использовался на строительных объектах других министерств и ведомств на основе хозяйственных договоров (на так называемых контрагентских началах).

Созданию мощной производственной базы УИС способствовало активное развитие кооперированных связей с предприятиями других министерств и ведомств, которые на свои средства построили в колониях производственные площадки, оснастили их достаточно современной техникой, снабдили сырьем и материалами, а администрация организовывала производственный процесс, следила за выводом осужденных на работу, поддерживала среди них дисциплину и порядок. Изготовленная руками осужденных продукция полностью передавалась кооператору. Подобная форма организации труда осужденных оказалась весьма удачной, хотя и противоречила известной Конвенции Международной организации труда о запрещении принудительного труда осужденных, запрещающая использовать их труд для извлечения

экономической выгоды. Лица, осужденные условно к лишению свободы (или условно освобожденные от этого наказания), привлекались к обязательному труду, как правило, на строительстве газо-нефтепроводов, других крупных стройках народного хозяйства.

С вступлением России на путь рыночных реформ кооперированные связи УИС и договорные отношения со строителями практически прервались, система вновь встала перед выбором пути. Было принято, с моей точки зрения, неправильное решение: выбран путь вхождения УИС в систему рыночных отношений в качестве составной и равноправной части этого процесса. Я и некоторые другие ученые предупреждали о тупиковом характере этого пути: как только рыночные отношения окрепнут и заработает новый хозяйственный механизм, производству УИС «перекроют дыхание», так как конкуренция свободного труда не потерпит использования дешевой рабочей силы из числа осужденных. Так оно и случилось: на производство УИС был распространен механизм банкротства предприятий. И теперь встал вопрос не о производительном труде на предприятиях УИС, а лишь об организации учебного труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ориентация на создание в УИС неких учебно-производственных комплексов (с неясной правовой природой, не прописанных ни в каких документах, регламентирующих производственно-хозяйственную деятельность в стране в условиях рыночных отношений) с надеждой в какой-то степени вновь вернуться к производительному труду осужденных может себя оправдать лишь в течение весьма непродолжительного времени (пока не разберутся в сути проблемы и при условии нормального финансирования самой исправительной системы). Если же в стране будут экономические осложнения и не будет возможности финансирования УИС хотя бы на сегодняшнем уровне, то тогда вновь вынуждены будут обратиться к производительному труду осужденных, так как такое большое их количество государством за счет своего бюджета не сможет обеспечивать и поддерживать на достаточно приемлемом для международного сообщества материально-бытовом уровне. Но даже если таких форс-мажорных ситуаций и не возникнет (на что хотелось бы очень надеяться), тем не менее финансовые возможности УИС по сравнению с нынешней ситуацией все равно будут более скромными; это мы наблюдали во время эксперимента по созданию и функционированию производственных объединений, когда администрация колоний кроме бюджетных денег вообще не имела никаких средств и зачастую даже возможности произвести мелкий ремонт жилых помещений, охранных сооружений (не на что было покрасить забор).

С переходом УИС на учебный труд осужденных придется менять и его правовую базу, смещая акцент с обязанности трудиться на их право на учебный труд, меняя формы стимулирования этого труда, его недельные и месячные нормы, продолжительность рабочего дня и т.п. Осужденные за свой учебный труд будут получать не заработную плату, а материальное вознаграждение в весьма скромных размерах, в связи с чем не смогут возмещать расходы за свое питание и вещевое довольствие (в том числе и за предоставленные им средства личной гигиены), выплачивать задолженности по исполнительным листам, широко пользоваться правом покупки в магазинах учреждений продуктов питания и предметов первой необходимости. Государству придется

пересмотреть в сторону расширения ассортимента продуктов питания, предметов первой необходимости, средств индивидуальной гигиены, предоставляемых осужденным бесплатно. Все это нужно будет скрупулезно посчитать с тем, чтобы после «не прослезиться». Может быть, лучше будет оставить все без изменений, введя государственную гарантию от банкротства, но сохранив механизм покрытия части расходов на содержание осужденных за счет производственной деятельности и труда осужденных.

Таким образом, есть два варианта решения данной проблемы: 1) ввести учебный труд и полностью перевести содержание осужденных на бюджет, но для этого необходимо в несколько раз сократить численность «сидельцев», чтобы оно не превышало 200–250 тыс. чел. (а сейчас их, как известно, около 1 млн), чего в нынешней криминогенной ситуации достичь невозможно; 2) оставить в УИС производительный труд, обеспечив имеющееся у нее производство государственными гарантиями от банкротства. В этом случае не будет «чистоты рыночного механизма», но зато будет сохранено нормальное функционирование системы, ориентированной на стимулирование осужденных к исправлению. В этом отношении интересна реакция осужденных граждан бывшего Союза, отбывающих наказание в виде лишения свободы в зарубежных пенитенциарных учреждениях. Они в один голос утверждают, что их раздражает равнодушие администрации по поводу «ходишь ты на работу или нет, что-то ты там смастерил или просидел без дела весь день, администрацию тюрьмы это не волнует, она к осужденному безразлична, ты все необходимое для жизни все равно получаешь по норме».

6. Доктрина российской пенитенциарной педагогики как раз и базируется на стимулировании законопослушного поведения, на сочетании коллективных и индивидуальных форм воздействия на личность осужденных, на развитии у них трудовой инициативы и заинтересованности в достижении общих положительных результатов коллектива. Всего этого можно достичь лишь на базе хорошо организованного производительного труда. Эту мысль необходимо настойчиво доводить не только до законодателей и правительственных чиновников, но и широкой общественности. Общество должно быть в целом заинтересовано, чтобы после отбытия наказания из мест лишения свободы люди приходили адаптированными к условиям жизни на свободе, с достаточной трудовой подготовкой.

К сожалению, мы очень много растеряли в системе профессиональной подготовки осужденных. Если раньше в каждой исправительной колонии имелось профессионально-техническое училище или его филиал, то теперь они повсеместно имеются лишь в воспитательных колониях, а в остальных учреждениях основными формами подготовки специалистов стали курсовая и бригадная, которые, естественно, дают более низкий уровень квалификации. Правда, в настоящее время существенно расширены возможности обучения осужденных в средних специальных и высших учебных заведениях, но это пока больше экзотика, так как обучается в таких заведениях весьма незначительная часть осужденных. Поэтому повсеместное восстановление системы государственного профессионально-технического обучения осужденных является задачей неотложной, тем более что она будет органично вписываться в создаваемые в УИС

учебно-производственные комплексы. Именно государство должно взять на себя задачу организации и содержания такой системы профессиональной подготовки рабочих кадров из числа осужденных. Частный коммерческий сектор повсеместно эту задачу не выполнит из-за отсутствия экономической выгоды; их удел — это вовлечение осужденных на коммерческой основе в систему заочного обучения в техникумах и вузах.

Успех социальной адаптации осужденных после освобождения из исправительных учреждений зависит от организации этой работы на свободе. ФСИН России свою часть работы выполняет достаточно полно как с нормативно-правовой точки зрения, так и с организационной, но возможности этой службы весьма ограничены; здесь должна быть преемственность, с тем чтобы освободившихся лиц передавали «с рук на руки», то есть необходим закон о социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших наказание и утративших социально полезные связи на свободе. Этот закон вот уже более десяти лет никак не могут принять прежде всего из-за его дороговизны — больших финансовых затрат из бюджета. Но принимать его необходимо, и главную побудительную роль здесь должна взять на себя ФСИН России, постоянно поднимая этот вопрос и мобилизуя общественность, неправительственные организации да и сам депутатский корпус на продвижение и принятие этого закона. Подобный опыт мы уже имели в 1998–2001 гг., когда разрабатывался и принимался Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» от 21.02.2001 № 25-ФЗ. Этим законом внесены изменения и дополнения в 56 норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства, реализация которых не только позволила облегчить условия содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, но и существенно сократить их численность. Следует отметить, что несогласных с принятием данного закона было достаточно много и среди силовых ведомств, и ученых, и депутатов, однако все это удалось преодолеть и принять закон.

7. Если рассматривать внутренние резервы совершенствования самой УИС и механизма ее функционирования, то, как уже отмечалось выше, они, безусловно, имеются, хотя и не столь объемные, как внешние. Здесь, прежде всего, следует отметить возможности совершенствования организационно-управленческих структур, численность персонала УИС, видовой и качественный его состав и уровень подготовки, форм и методов воспитательного воздействия на осужденных и профилактических мероприятий в плане укрепления режима исполнения и отбывания наказания и ряд других.

Организационно-штатная структура УИС является достаточно сложной, громоздкой со многими дублирующими службами, раздутым аппаратом управления. Если сравнить штатную численность аппарата ФСИН России с общей численностью аппарата управления существовавших ранее в системе МВД СССР трех главков, занимавшихся исполнением наказаний, то приоритет будет иметь сегодняшняя система службы исполнения наказаний. Причем,

даже после структурного укрупнения подразделений ФСИН России в соответствии с требованиями проводимой в стране административной реформы, все равно в ее составе осталось около 20 самостоятельных управлений, возглавляемых генералами. Системный анализ показывает, что многие функции (как основные, так и обеспечивающие, штабные) оказались раздробленными между смежными службами (или даже дублирующими, как, например, при управлениями тюрьмами, следственными изоляторами, воспитательными колониями, кадровой работой и работой с личным составом и т.д.). Одним словом, возможностей для сокращения управленческого аппарата, исключения дублирования в его работе достаточно много, была бы только на это воля и желание руководства УИС. Однако в данном случае действует известный управленческий закон Паркинсона, согласно которому созданная и функционирующая система имеет тенденцию к постоянному расширению, и самостоятельно «урезать» себя практически не может — для этого нужно активное внешнее воздействие.

Явно излишним управленческим звеном являются службы по исполнению наказаний, функционирующие в составе федеральных округов, учитывающая существующую жесткую централизацию всех подразделений, входящих в Федеральную службу исполнения наказаний России, в принципе исключаящую какое-либо негативное влияние на деятельность органов и учреждений, исполняющих наказания, со стороны конкретного субъекта Российской Федерации, на территории которого они функционируют. В данном случае речь идет не только об экономии материально-финансовых и людских ресурсов (а они немалые), но и о сути процесса управления; это, по существу, лишнее передаточное звено, удлиняющее цепочку управляющего воздействия, а следовательно, и снижающее эффективность этого процесса.

Аппараты управления служб исполнения наказания субъектов Российской Федерации и администрации конкретных исправительных учреждений также являются раздутыми (особенно на уровне руководящего звена, где только начальников и их заместителей просто великое множество). Многочисленные попытки их сокращения ни к чему не приводят. Одной из причин этого является «династическая клановость», когда тюрьма, следственный изолятор, колония во многих случаях являются не просто градообразующими, но зачастую и единственными местами, куда местному населению можно устроиться на работу. Вот и формируются династии тюремных работников в нескольких поколениях, формируя специфические, по существу закрытые, коллективы работников, тяготеющих к консервативным формам и методам работы, плохо воспринимающих любые новшества. Эта тенденция проявляется и на уровне учебных заведений ФСИН России, где подавляющую часть обучающихся (в том числе адъюнктов и докторантов) и преподавателей составляют выходцы из этого профессионального «клана».

По большому счету, подобная ситуация является не слишком благоприятной, так как она в конечном итоге может привести к застою и отставанию от общих тенденций развития общества, ослаблению восприимчивости новелл и требований международных стандартов обращения с осужденными. Мы это

в определенной мере наблюдаем уже сейчас: в УИС работает весьма значительный отряд сотрудников, имеющих степени кандидатов и докторов наук (причем не только в учебных и научных заведениях, но и практических органах); руководителями системы стало просто модным защищать диссертации. Но признанных ученых среди них исключительно немного, а когда дело касается обоснования или разработки нормативного документа на уровне закона, круг возможных исполнителей этих проектов катастрофически сужается буквально до нескольких человек (речь, разумеется, идет о добротных проектах, которые можно, например, представить в правительство). Поэтому кадровую политику УИС, с моей точки зрения, необходимо существенно корректировать. Эту позицию я неоднократно озвучивал, но в ответ даже от руководства ФСИН России слышались упреки и обиды с общим рефреном: «А чем мы или наши кадры плохие, почему нужно формировать кадры новой формации?»

Необходимо еще раз обратить внимание (я об этом говорил много раз) на сложившуюся весьма непонятную ситуацию с подготовкой социальных работников. Идею и ее организационное обеспечение в УИС России подали из-за рубежа. В ней самой ничего плохого нет, действительно, необходима специализация работников, занимающихся реабилитацией осужденных, особенно после отбытия наказания. Но у нас совершенно иная, чем, например, в той же Швейцарии (которая явилась инициатором и активным участником развертывания в России работы по подготовке социальных работников) организационная структура аппарата воспитателей осужденных. У нас центром воспитательной работы с осужденными традиционно является отряд осужденных во главе с его начальником. За многие годы накоплен богатый опыт функционирования отрядной системы. Учебные заведения УИС сейчас готовят традиционных начальников отрядов и социальных работников, но служебные функции между ними четко не разведены, они во многом дублируют друг друга. Я много раз предлагал либо четко развести эти функции, закрепив за социальными работниками сферу подготовки к освобождению, трудовое и бытовое устройство освобожденных, либо оставить какую-то одну из этих должностей.

8. В связи с ликвидацией промышленного комплекса УИС и переходом осужденных на учебный труд, по всей видимости, отпадет необходимость подготовки специалистов технологического профиля, особенно ориентированных на лесозаготовительное производство, так как учебно-производственные комплексы в этой сфере трудоустройства вряд ли могут быть образованы. По крайней мере, над этим уже сейчас необходимо думать; в противном случае труд осужденных в этой сфере деятельности мы вряд ли сможем использовать. Необходимо также изучать возможность использования труда осужденных на договорной (контрагентской) основе в данной сфере хозяйственной деятельности.

Необходимо также пересмотреть существующую номенклатуру и тарификацию должностей аттестованного состава сотрудников, которая вот уже многие годы жестко ориентирована на те или иные специальные звания, требующие в большинстве случаев наличия у работника высшего или специального среднего образования. Вот и сложилась ситуация,

когда наличие такого образования во многих случаях по роду выполняемых обязанностей объективно просто не требуется, но потолок специального звания поднимается, с тем чтобы должностной оклад по нему был выше (как известно, без наличия высшего образования не может быть присвоено специальное звание подполковника, полковника).

Дело в том, что сложившаяся система оплаты труда сотрудников УИС требует наличия не только соответствующего образования, но и специального звания. В этом смысле было бы лучше иметь не аттестованных, а вольнонаемных сотрудников, что позволило бы не только существенно поднять им уровень оплаты труда, но и снять с их деятельности далеко не всегда уместную военизацию. Что касается утверждения о том, что наличие вооруженной охраны в обязательном порядке требует одетого в специальную форму военного, то это далеко не обязательно, о чем свидетельствует мировая пенитенциарная практика.

В УИС России военная форма сотрудника внутренней службы привилась, в частности, еще и потому, что сама система большее время находилась в составе МВД (НКВД), но вот уже восемь лет она функционирует в составе гражданского ведомства — Министерства юстиции РФ (то, что сейчас это Федеральная служба исполнения наказаний, не меняет принципиально ее правового статуса как составной части Минюста России). Переход на новую униформу сотрудников ФСИН России — это существенный шаг в направлении полной ликвидации принадлежности Службы к силовым военизированным ведомствам. С точки зрения пенитенциарной педагогики для установления между сотрудниками и осужденными атмосферы доверия и партнерства наиболее приемлемым является наличие воспитателя не в погонах, а сугубо гражданского человека; в таком направлении, с моей точки зрения, и должна развиваться пенитенциарная практика.

9. Пересмотр номенклатуры должностей повлечет за собой и изменение в структуре подготовки кадров для УИС. По крайней мере, нужна четкая картина — каких и сколько нужно для УИС специалистов, с каким уровнем подготовки. С моей точки зрения, основной костяк сотрудников должен иметь среднее специальное образование, а руководители подразделений (колоний, тюрем, следственных изоляторов, исправительных центров, уголовно-исполнительных инспекций) должны иметь не только высшее образование, но и специальную управленческую подготовку, осуществляемую на Высших академических курсах Академии права и управления ФСИН России. Высшее специальное образование в обязательном порядке должны также иметь психологи, старшие воспитатели, начальники отрядов. Всем остальным специалистам целесообразно давать двухуровневую подготовку: первый уровень — обучение в среднем специальном учебном заведении (два–три года по очной форме обучения), второй уровень — обучение в высшем учебном заведении по заочной форме обучения в течение двух–трех лет для лиц, которые находятся в резерве на замещение соответствующих должностей, требующих наличия высшего образования. Обучение таких лиц должно быть бесплатным, а для всех остальных сотрудников, желающих получить высшее образование, обучение может быть платным.

Обучение в адъюнктуре и докторантуре в учебных и научных заведениях (учреждениях) УИС возможно лишь для сотрудников, проработавших на практике или на преподавательских должностях (но не на должностях преподавателей-методистов или аналогичных им) не менее 3–5 лет. Это позволит готовить более качественный состав научных кадров, обогащенный не только современными научными знаниями и достижениями, но и хорошо знающих нужды и запросы практики.

Таковы лишь некоторые наиболее значимые вопросы деятельности УИС России, требующие своего дальнейшего совершенствования. В этой статье многие из поставленных вопросов лишь обозначены. Причем предлагаемые оценки и варианты их решений зачастую носят личностный характер, они не претендуют на свою завершенность и обозначены с целью дальнейшей и более глубокой дискуссии по ним. Именно в этом автор видит свою задачу.

Проблемы производства и труда в процессе реформы системы исполнения уголовных наказаний в Российском государстве

М. Г. ДЕТКОВ — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В процессе реформирования системы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы Российского государства в постсоветский период идет активный поиск, с учетом международных принципов и норм обращения с заключенными, качественно новых и наиболее эффективных средств, форм и методов воздействия на осужденных с целью их исправления, сопровождающийся переоценкой содержания порядка и условий отбывания наказания советского прошлого. При этом нередко без достаточного критического научного анализа прошлой практики идет сплошное отрицание сформированной за годы советской власти на основе российской, советской и зарубежной науки, международного опыта системы работы с правонарушителями. Особенно это относится к использованию труда как средства исправления. Роль и значение труда, в отличие от недавнего советского прошлого, исходя из превратного понимания принципа гуманизма, современной практикой организации исполнения лишения свободы сведена на нет. Причем, инициатива в этом деле исходит от руководителей ведомства, отдельные из которых в свое время являлись убежденными сторонниками преобладающей роли труда среди других средств воздействия, предусмотренных законом.

В последнее время эта линия весьма отчетливо прослеживается на характере организационно-практических мероприятий, проводимых руководителями ведомства, исполняющего уголовные наказания.

Состоявшаяся в мае 2004 г. научно-практическая конференция «Реформа производственно-хозяйственного сектора — составная часть реформирования уголовно-исполнительной системы на современном этапе», проведенная Главным управлением исполнения наказаний и НИИ УИС Минюста России, по замыслу ее учредителей, должна была бы внести ясность в определение перспектив и основных направлений, прежде всего, в формировании на производственной базе исправительных учреждений советского периода современного производства, обеспечивающего трудовую занятость осужденных и достойный их заработок. На мой взгляд, за некоторым исключением, в частности, обсуждения вопросов целесообразности формирования центров трудовой реабилитации, перспективы которых призрачны и туманны, конференция не смогла ответить на основной вопрос времени: какими путями и способами обеспечить полную трудовую занятость осужденных, способных к труду?

Да и такой цели учредители перед участниками конференции не ставили, ибо основное назначение центров трудовой реабилитации сводилось к организации учебно-производственных мастерских. Эту тему в дальнейшем развил на страницах центральной печати заместитель директора Федеральной службы исполнения наказаний Александр Кононец, курирующий медицинские службы. В частности, позицию руководства ФСИН России по этому вопросу он изложил следующим образом: «Исправительное учреждение — это не завод, и задачи у нас совсем другие. Мы должны готовить человека к свободе, давая ему возможность получить образование, приобрести профессию. Поэтому от государственных унитарных предприятий мы будем переходить к учебно-производственным мастерским. Мы постараемся дать человеку профессию, образование, подготовить его к жизни в обществе. Результат этой работы мог бы быть весомей, если бы человек после освобождения не оставался один на один со своими проблемами. Необходимо, чтобы его встречали социальные службы, помогли ему устроиться на воле. Мы намерены расширять сеть профессионально-технических училищ в колониях»¹.

Меня, как человека, проработавшего в системе исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы около сорока лет, более двадцати лет занимающегося научными исследованиями в этой области, поражает легкость суждений руководителя, его пренебрежение историческим опытом развития системы исполнения наказаний в виде лишения свободы, противоречивость провозглашаемому ведомством курсу гуманизации процесса исполнения наказаний, непременной составляющей которого является сохранение и укрепление физического и психического здоровья осужденных. Исключение их на длительное время из процесса производства материальных благ и предоставления услуг, естественно, не способствует целям наказания, ведет к деградации личности. Поэтому, не вступая в дискуссию, хочу высказать лишь несколько общих принципиальных замечаний.

Во-первых, постановка вопроса об упразднении производства в исправительных учреждениях абсурдна и неправомерна, ибо такой подход исключает труд как средство исправления из предусмотренных законом основных средств исправления осужденных и заменяет его профессиональной подготовкой, что является грубейшим нарушением законности. Во-вторых, большинство осужденных, как правило,

имеют специальности и профессии, востребованные в народном хозяйстве. В случае отсутствия возможности применения на протяжении длительного периода времени профессиональных знаний и навыков они теряют свою квалификацию. В-третьих, многие осужденные имеют иски и выплачивают алименты, и без привлечения к производительному оплачиваемому труду других источников для погашения исков и выплаты алиментов в условиях ИУ не имеется. Далее, обучение в учебно-производственных мастерских рассчитано на непродолжительные сроки, и оно может быть эффективно лишь в отношении лиц, осужденных к кратким срокам лишения свободы. И, наконец, заработанные деньги являются источником улучшения материального положения осужденных, оказания помощи семье и близким в период отбывания наказания, а также в период решения вопросов бытового и трудового устройства после отбытия наказания. Основная же причина постановки вопроса о ликвидации производства в исправительных учреждениях заключается, на мой взгляд, в стремлении руководителей системы уйти от ответственности и избавиться от решения такой сложной проблемы, как обеспечение полной трудовой занятости всех способных к труду осужденных, требующей повседневных колоссальных усилий.

Рассматривая труд, прежде всего, как процесс использования мускульной силы, физических, психических и интеллектуальных возможностей и способностей человека по производству материальных благ, созданию духовных ценностей, а также выполнению услуг в материально-бытовой сфере, следует особо подчеркнуть, что в этом процессе наиболее ярко проявляются потребности человека в реализации своих физических, психических и интеллектуальных возможностей и способностей, на основе которых происходит самовыражение и самоутверждение личности, ее общественное признание. И в этом заключается непреходящее значение труда в формировании личности осужденного, что признавалось начиная со второй половины XIX в. на всем протяжении реформирования системы исполнения уголовных наказаний в Российском государстве. В материалах комиссии по преобразованию тюремной части и Уложения о наказаниях (1877–1879 гг.) указывалось, что полнейшая праздность в течение продолжительных сроков содержания уничтожает в преступнике привычку к труду и постепенно приводит их к падению нравственному и совершенно изнеможению физическому. «Без труда и без законной, нормальной собственности, — писал в свое время Ф. М. Достоевский, на собственном опыте испытавший всю тяжесть каторжной тюрьмы, — человек не может жить, развращается, обращается в зверя... без работы арестанты поели бы друг друга, как пауки в склянке»².

Поэтому неперенным элементом тюремной реформы конца XIX в. становится создание условий для организации труда арестантов, обеспечения их трудовой занятости. Правовой основой этой работы явился высочайше утвержденный 6 января 1886 г. Закон «О порядке занятия арестантов работами и получаемого от сего дохода». С принятием закона возникла, как и сегодня, потребность определиться с формами обеспечения трудовой занятости заключенных, в числе которых выделяются две основные — внешние и внутренние — работы. В циркуляре Главного тюремного управления от 3 марта 1888 г. говорится, что «наиболее предпочтительным родом арестантского труда должны быть признаваемы ра-

боты внутри тюремных помещений, в арестантских камерах или мастерских, как единственно вполне отвечающие понятию лишения свободы»³. Вместе с тем с течением времени взгляд на преимущество трудовой занятости внутри тюрем существенно меняется: на съезде тюремных деятелей в 1902 г. особо отмечалось влияние внешних работ на обеспечение занятости арестантов.

В обобщенном виде наиболее полно и содержательно воззрения Главного тюремного управления на содержание тюремного труда и перспективы его развития изложены в циркулярном письме от 25 апреля 1909 г. № 12. «Занятие арестантов тюремными работами, — подчеркивалось в письме, — издавна считающееся и наукой, и практикой наиболее существенным условием целесообразного тюремного заключения, с течением времени приобретало все большее и большее значение в строе тюремной жизни, указывая тот путь, по которому должна идти нормальная тюрьма для осуществления своих уголовно-исправительных задач. В воспитательном влиянии труда на волю и нравственность преступника нет никакого сомнения. Столь же ясны и результаты труда, в смысле материального подспорья в период его заключения и в смысле надежды на лучший и обеспеченный заработок в будущем. Наконец, та или иная постановка работ ближайшим образом отражается на повседневном быте тюрьмы, так как труд, заполняя арестантский день, давая ему осмысленное содержание, служит наиболее верным залогом порядка и дисциплины. ГТУ вводит в обязанность тюремных деятелей ведение энергичной борьбы с праздностью арестантов путем развития арестантских работ. С учетом местных условий представляется возможность громадного разнообразия арестантских работ, использования в этих целях всех свободных помещений, развития внешних работ; увеличения в этой связи надзора тюремной стражи за счет дохода от работ»⁴.

В то же время Главное тюремное управление, рассматривая перспективы развития системы исполнения наказаний, вынуждено было признать невозможность решения вопросов трудового использования заключенных без серьезной поддержки государства. Высказывая свое отношение к реформе в этой части, оно подчеркивало, что установление обязательности работ означает «обязанность управлений мест заключения доставить арестантам работы, обязательность же эта в высшей степени сложна и трудна... Поэтому, руководствуясь вышеприведенными соображениями, нельзя не пожелать отмены обязательности работ для присужденных как к заточению, так и к аресту, с представлением однако же управлениям мест заключения назначать на работы тех и других по собственному их желанию»⁵.

Обязательность работ по назначению администрации устанавливалась только для отдельных категорий арестантов, в их числе: подлежащих к ссылке на каторжные работы; присужденных к ссылке на поселение и водворение; присужденных к отдаче в исправительные арестантские отделения; присужденных к ссылке на житье, равно высылаемых по приговорам обществ в Сибирь; присужденных к заключению в тюрьму за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества, а также за прошение милостыни и др. Труд арестантов использовался в основном в тюремных мастерских, на строительстве

Амурской железной дороги, в рудниках, на добыче соли, заготовке дров для Северной железной дороги, на сельскохозяйственных фермах. В начале XX в. из 85 816 заключенных лишь 27 % были обеспечены работой⁶.

В процессе реформ периода Временного правительства труд заключенных рассматривался не только как элемент уголовной репрессии, усиливающий или ослабляющий ее в зависимости от тяжести работ, но и как необходимое условие исполнения уголовного наказания. По мнению руководителей ГУМЗ, организация работ должна главным образом не усиливать наказание, а преследовать воспитательные цели. В одном из циркуляров Главка 1917 г. обращалось внимание на то обстоятельство, что работы должны давать заключенным «знания, с которыми они по выходе на свободу могут найти себе подходящие занятия. Оне же доставляют некоторым заключенным значительное облегчение во время содержания под стражей»⁷. Губернским и областным комиссарам Временного правительства и общественным градоначальникам было предписано при наличии возможностей ликвидировать ассенизационные работы, выполняемые заключенными вне пределов мест заключения, и подыскивать работы, дающие профессиональные знания, востребованные после отбытия наказания. В этом же месяце из 21 095 заключенных (на работах были заняты 8560 чел., или 40,5 %, в том числе на внутренних — 1057 чел., или 5 %, на наружных — 1084 чел., или 5,1 %, на хозяйственных — 5819 чел., или 27,5%)⁸. Как в царской тюремной системе, так и в тюремной системе Временного правительства производство было примитивное, рассчитанное главным образом на использование грубой физической силы.

Первые шаги Советского государства в сфере исполнения уголовных наказаний в первую очередь были связаны с признанием труда в качестве основного средства исправления и перевоспитания заключенных. Однако при массовой безработице в стране, отсутствии развитой производственной базы, способной удовлетворить предложения в рабочей силе заключенных, их труд оставался невостребованным.

Решение вопросов регулирования спроса и задачи на работу, как квалифицированную, так и массовую, всех лиц, отбывающих принудительные работы без содержания под стражей, а также регулирование правильного использования труда содержащихся в местах заключения Совет Народных Комиссаров РСФСР своим постановлением от 28 ноября 1921 г. возложил на Народный комиссариат труда и местные отделы труда по согласованию с Народным комиссариатом юстиции и Народным комиссариатом внутренних дел⁹.

Переход мест заключения к работе в условиях новой экономической политики некоторые руководители системы исполнения наказания последовательно и настойчиво связывали с реализацией принципа самокупаемости, или «самоснабжения», этих учреждений, другие же выдвигали на первый план воспитывающую роль труда. Один из руководителей Главного управления принудительных работ В. Ушацкий считал, что труд заключенных необходимо рассматривать не как нормальное экономическое явление, а как средство борьбы с преступностью. Поэтому государство, создавая обстановку принудительного

труда как меры наказания, не должно ни в коей мере руководствоваться материальными соображениями. Исключительной целью должно быть ограждение общества от посягательства преступного элемента и исправление виновных. Подтверждение тому, по его мнению, служит то обстоятельство, что проведение в жизнь карательной политики возлагается не на производственные органы, а на специальные административные учреждения, призванные обеспечить охрану внутреннего порядка, а также мирное развитие жизни. В этой связи неизбежность расходов на реализацию карательной деятельности рассматривается вне зависимости от поступления каких-либо доходов. Арестовывая преступника, советская власть в лице ее органов принимает на себя все расходы и тяготы по его содержанию в заключении, по организации его охраны и его исправления. «Немыслимо предположить, — утверждал он, — будто можно не кормить арестованных или снять дорогостоящую охрану и даже совершенно закрыть лагерь на том основании, что заключенные не окупают себя, не приносят дохода... Производительный труд есть реальная ценность, являющаяся источником, из которого предоставляется возможным возместить государству расходы, произведенные им на содержание мест заключения. В этом смысле можно и должно говорить о необходимости лагерям окупать самих себя. Но нельзя увлекаться соблазнительной перспективой покрывать все расходы по лагерям непосредственно их силами, смешивать карательную деятельность с коммерческим делом и понимать «самоснабжение» буквально»¹⁰.

В начале 20-х гг. в лагерях принудительных работ четко определились основные формы использования труда заключенных: 1) мастерские внутри лагерей; 2) арендованные фабрики, заводы и другие предприятия вне лагеря; 3) отведенные лагерям огороды и совхозы; 4) артели из заключенных, выполняющие работы на условиях подряда. В целях обеспечения занятости заключенных производительным трудом и улучшения положения дел в местах заключения ВЦИК и СНК РСФСР декретом от 27 сентября 1926 г. распространили действие постановления ВЦИК и СНК от 10 мая 1926 г. «О подсобных предприятиях при государственных учреждениях» на НКВД РСФСР по линии Главного управления местами заключения. Основной целью подсобных предприятий являлось производство торговых, промышленных или хозяйственных операций для содействия тому государственному учреждению, при котором подсобное предприятие создано, путем непосредственного обслуживания этого учреждения или же путем работы на сторону для получения для него специальных средств. ГУМЗ, исходя из общей тенденции развития производства в стране, полагало целесообразным использование труда заключенных на предприятия местной промышленности¹¹.

Особая страница в истории использования труда осужденных связана с деятельностью системы исправительно-трудовых лагерей, в бытовальском обиходе неправомерно объединяющейся понятием ГУЛАГ НКВД МВД СССР. Одной из основных причин бурного развития этой системы, на мой взгляд, является настоятельная потребность в рабочей силе, обеспечивающей развитие всего народно-хозяйственного комплекса страны. Становлению системы предшествовали постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 13, 23 мая и 27 июня 1929 г. «Об исполь-

зовании труда уголовно заключенных» под грифом «Строго секретно». В постановлении от 13 мая предписывалось: «Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиги и др. Поручить комиссии в составе тт. Янсона, Ягоды, Крыленко, Толмачева, Угланова подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики». Политбюро ВКП(б) 23 мая приняло решение «принять предложение комиссии о поручении ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в районе Ухты. Необходимую для этого сумму определить в советском порядке». Предложения комиссии, одобренной на заседании политбюро от 13 мая, были утверждены постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. В этом же постановлении предлагалось именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями. Янсону и Ягоде поручались выработка и оформление положения об исправительно-трудовых лагерях¹².

Во исполнение указанных решений политбюро ЦК ВКП(б) высший исполнительный орган советского государства — Совет Народных Комиссаров — 11 июля 1929 г. принимает постановление «Об использовании труда уголовно заключенных», в котором излагаются основные цели, требования и условия формирования и функционирования новой государственной системы исполнения уголовных наказаний.

Совет Народных Комиссаров СССР постановил:

1. Осужденных судебными органами Союза и союзных республик к лишению свободы на сроки на три года и выше передать и передавать впредь для отбывания лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря, организуемые ОГПУ.

Предоставить судам право в исключительных случаях, при вынесении приговоров при явной непригодности для физического труда или смягчающих обстоятельствах особо оговаривать в приговоре замену исправительно-трудового лагеря другим видом лишения свободы.

Примечание. Отбор уже осужденных, передаваемых на основании этого постановления, производят на местах специальные комиссии под председательством представителя НКЮ в составе представителей ОГПУ и НКВД.

2. ОГПУ для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые исправительно-трудовые лагеря (на территории Ухты и др. отдаленных районов) в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы.

3. Для постепенной колонизации районов, в которых будут организованы исправительно-трудовые лагеря, предложить ОГПУ вместе с НКЮ РСФСР и другими заинтересованными ведомствами в срочном порядке разработать ряд мероприятий, положив в основу их следующие принципы:

а) досрочный перевод на вольное поселение в этом же районе заключенных, заслуживающих своим поведением или отличившихся на работе, хотя и не

отбывших назначенного им срока лишения свободы, с оказанием им необходимой помощи;

б) оставление на поселение в данном районе с разделением земель заключенных, отбывших положенный им срок лишения свободы, но лишенных судом права свободного выбора местожительства;

в) заселение теми заключенными, которые отбыли срок лишения свободы, но добровольно пожелали остаться на поселении в данном районе.

4. На заключенных этой группы, отбывающих изоляцию в ИТЛ ОГПУ, распространить действующее Положение о лагерях ОГПУ как по оплате труда заключенных, так и по содержанию их, режиму, внутреннему распорядку.

5. Все остальные осужденные к лишению свободы и не подпадающие под действие п. 1–4 настоящего постановления остаются в ведении НКВД союзных республик, которые должны пересмотреть свою сеть лишения свободы в целях правильного территориального размещения их применительно к следующему назначению: а) места лишения свободы для лиц, приговоренных до трех лет, б) места лишения свободы для подсудимых и в) пересыльные пункты...¹³

О дефиците рабочей силы, в частности, говорил И. В. Сталин в 1931 г., выступая на совещании хозяйственников: «Речь идет, прежде всего, об обеспечении предприятия рабочей силой. Раньше обычно рабочие сами шли на заводы, на фабрики, был, стало быть, некий самотек в этом деле. А самотек этот вытекал из того, что была безработица, было расслоение в деревне, был страх голода, который гнал людей из деревни в город... мы ликвидировали безработицу, стало быть, мы уничтожили ту силу, которая давила на «рынок труда»...»¹⁴. Выход из такого положения решала система ИТЛ, рабочая сила которой в буквальном смысле обеспечивала жизнедеятельность и развитие практически всех отраслей народного хозяйства. Заключенные, действительно, воздвигли на века памятники своему труду. Об этом надо помнить и не стесняться говорить. Беломорско-Балтийский канал, уникальный канал Москва–Волга, на сооружении которого впервые в широком объеме были применены средства механизации (1600 автомашин, 275 тракторов, 150 паровозов, 225 мотовозов, 2113 железнодорожных платформ, 240 бетономешалок, 1100 электромоторов, 5750 электромоторов и др. машины и приспособления¹⁵), Волго-Донской канал, Куйбышевская гидроэлектростанция, Обнинская атомная станция, здания МГУ на Воробьевых горах и десятки тысяч важнейших объектов государственного значения тому свидетельство. Естественно, сооружение этих объектов, не исключая использования тяжелого физического труда, требовало подготовки квалифицированных специалистов. Достаточно сказать, что только в годы Великой Отечественной войны было подготовлено 629 777 специалистов массовых профессий. Следует не забывать, что около 70 % должностей управленческого аппарата системы ИТЛ, в том числе и высшего управленческого звена, были замещены заключенными или бывшими заключенными (Френкель Н. А. — начальник Управления Бамстроя). И еще пример решения одной из острейших проблем военного времени — обеспечение продуктами питания заключенных, содержащихся в тюремной системе Советского государства, насчитывающей к 1943 г. бо-

лее 500 тюрем. Повсеместно в тюрьмах были созданы подсобные хозяйства с общей посевной площадью 23 тыс. га. Уже к 1944 г. тюрьмы полностью обеспечили себя картофелем и овощами. Об эффективности работы подсобных хозяйств свидетельствует пример Бутырской тюрьмы. Из урожая 1946 г. было заложено в хранилищах 650 тонн картофеля, 75 тонн капусты, 40 тонн столовых корнеплодов, остальная продукция (около 780 тонн картофеля, 200 тонн капусты, столовых корнеплодов) отправлена в Москву.

В послевоенные годы система ИТЛ отличается разнообразием профиля своей производственной деятельности. В 1948 г. создается Всесоюзный Магаданский НИИМВД СССР золота и редких металлов, при котором организуется лагерьный пункт для использования в научных исследованиях заключенных специалистов, отбывающих наказание в Северо-Восточных лагерях. Министерство внутренних дел СССР в части решения наиболее сложных и неотложных задач народно-хозяйственного назначения рассматривалось, прежде всего, как административно-хозяйственный орган, располагавший необходимым репрессивным аппаратом, способным путем организованного насилия обеспечить достижение поставленных перед ним целей в сфере производства. Например, создание в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 12 апреля 1949 г. в составе МВД СССР с размещением в г. Красноярске Главного управления МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае — Енисейстрой МВД СССР. Хозяйственная деятельность Енисейстроя охватывала территории 41 района края, в том числе Хакасской автономной области¹⁶. Енисейстрою были переданы Министерством геологии 33 организации; Министерством металлургической промышленности — 7 предприятий по цветным и редким металлам, в том числе все изыскательские и строительные организации; Академией наук СССР — 7 отрядов Южно-Енисейской экспедиции Совета по изучению производительных сил СССР, Восточно-Сибирская экспедиция институтов геологических наук, а также часть отрядов Западно-Сибирского филиала Академии наук.

Следует особо отметить, что только 19 марта 1950 г. Совет Министров СССР постановлением № 1065-376 ввел для оплаты труда заключенных систему заработной платы во всех ИТЛ (за исключением особых лагерей) и колониях МВД СССР.

Организация труда и трудового использования заключенных претерпевает серьезные изменения в связи с принятием постановления Совета Министров СССР от 18 марта 1953 г. о передаче предприятий и строителств из МВД в ведение других министерств. В частности, были переданы из МВД Министерству металлургической промышленности СССР Дальстрой, СГУ, Енисейстрой, ГУЛГМП, Спецуправление, прежние 6 и 7 с/о; Министерству электростанций и электропромышленности СССР — Гидропроект, Куйбышевгидрострой и Сталинградгидрострой; Министерству нефтяной промышленности СССР — Главнефтьстрой; Министерству путей сообщения СССР — ГУЛЖДС, ГУШДСДОР; Министерству лесной и бумажной промышленности — ГУЛЛП.

Принятием постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 25 октября 1956 г. положено начало ликвидации исправительно-трудовых лагерей

и формирования системы исправительно-трудовых колоний, использовавших труд на промышленной основе. С момента введения в действие указанного постановления и до середине 1959 г. на территории РСФСР было организовано 197 новых колоний. В этом же году Совет Министров РСФСР выделил на эти цели из резервного фонда 120 млн руб.

Исправительно-трудовая система Советского государства 60-х — начала 80-х гг. отличалась односторонним развитием, преимущество отдавалось производственному сектору в ущерб социально-бытовой сфере. При этом следует заметить, что процесс интеграции труда осужденных в национальную экономику государства начался задолго до рекомендаций Второго Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Лондон, 1960 г.). С течением времени эта интеграция стала носить плановый характер. Производство ИТУ органически вписалось в плановую экономику государства. При организации труда осужденного преимущество отдавалось развитию собственного производства. Если в 1970 г. в системе ИТУ функционировало 721 предприятие, в том числе 458 находились в ведении МВД СССР, то к середине 80-х гг. было создано 819 промышленных предприятий, из которых только 313 были подчинены министерствам внутренних дел союзных республик. На предприятиях ИТУ были заняты трудом более 70 % осужденных. Формирующаяся производственная база в значительной мере способствовала развитию сети профессионально-технического обучения осужденных. В 1989 г. при ИТУ функционировали 663 профессионально-технических училища и 229 их филиалов. В этом году в системе профессионально-технического обучения, включая курсовую и индивидуально-бригадную подготовку, получили профессию 377 637 осужденных (1999 г.: 256 ПТУ и 126 филиалов; подготовлено 124 тыс. специалистов). В отличие от сегодняшнего дня освобождение осужденного без специальности из исправительно-трудовой колонии рассматривалось как ЧП и было единичным (в 1998 г. без специальности освобождено из ИУ около 13 тыс. чел.; в 1999 г. — уже 16 тыс.).

Важно заметить, что обеспечение полной трудовой занятости осужденных после ликвидации системы ИТЛ всегда было ахиллесовой пятой советской исправительно-трудовой системы, хотя данные специальных переписей осужденных свидетельствовали об относительном благополучии. По переписи 1979 г., 87,6 % осужденных работали, но работой из-за отсутствия фронта работ были обеспечены не полностью, по переписи 1989 г., этот показатель составил 91,9 %. Каким способом это достигалось, нам хорошо известно: излишний вывод осужденных на работы, использование их на малоквалифицированных, примитивных работах (вязание хозяйственных сеток, изготовление почтовых конвертов и т. д.). Лучшим подтверждением тому является заработок осужденных. В 1989 г. не имели заработка 26,2 % работающих, 7,8 % имели заработок от 1 до 5 руб., 11,9 % — от 5 до 15 руб., и такой же процент — от 15 до 25 руб. На создание одного рабочего места, обеспечивающего производительный труд осужденного, в то время требовалось 10 тыс. руб.

Прожектерство, словесная шелуха вместо реальных дел нередко подменяли содержание «реформ», если их можно так называть, в сфере производства.

Концепцию перестройки трудовой занятости осужденных в прошлом заместитель министра внутренних дел Сизов Л. Г. (Мартовская записка 1987 г.) в производственно-хозяйственной сфере сводил к трем основным направлениям: 1) совершенствованию трудового использования осужденных; 2) использованию части рабочей силы из числа осужденных в Сибири и на Дальнем Востоке; 3) обеспечению всего прироста объема собственного производства и по кооперации за счет роста производительности труда, получения плановой прибыли, прежде всего, за счет снижения себестоимости продукции, формирования производственного механизма.

На рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия, в канун реформы системы исполнения уголовных наказаний, связанной с развалом Советского Союза и формированием российской государственности, именно производственная сфера и использование труда осужденных стали предметом огульного охаивания без серьезного анализа содержания этой деятельности и ее соответствия международным стандартам. Только ленивый из журналистов нового «демократического» крыла не писал об ужасах порабощения осужденных. Так, А. Иллеш на страницах газеты «Известия» от 14 августа 1990 г., ратуя за развал советской исправительно-трудовой системы, писал: «...»ГУЛАГ» не рухнет, если в корне не изменить экономику лагерей. Ведь, как ни крути, еще совсем недавно специалисты гордились тем фактом, что МВД СССР вошло по объемам производства в пятерку крупнейших министерств страны. Гордились, брали повышенные планы, забывая при этом, что подневольный (читай — рабский) труд никогда не будет производительным».

В противовес А. Иллешу я полагаю естественным при концентрации довольно значительной рабочей силы в местах лишения свободы использовать труд осужденных для производства материальных ценностей с тем, чтобы ослабить налоговое бремя на законопослушных граждан, вынужденных содержать преступников, своими деяниями принеся вред, иногда непоправимый, потерпевшим и государству, а также предоставить возможность осужденным зарабатывать, улучшить свое материальное положение, оказывать помощь родственникам, своевременно возмещать иски и выплачивать алименты. Вести же разговор о рабском труде осужденных нет оснований, ибо выработка продукции на одного осужденного в денежном выражении в 1987 г. составляла 11 583 руб., в 1988 г. увеличилась до 12 250 руб.

Что касается ломки стенового хребта ИТУ — производства, то здесь особых усилий не потребовалось: достаточно было провести глобальную приватизацию, и производство в местах лишения свободы рухнуло. Последствия такого шага сегодня ощущаются повсеместно.

Закрепляя в законе обязанность осужденных трудиться, что не противоречит нормам международного права, в частности, Конвенции МОТ от 28 июля 1930 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Минимальным Стандартным правилам обращения с заключенными, Конвенции МОТ от 25 июня 1957 г. об упразднении принудительного труда, которые обязывают заключенных трудиться не относят к категории принудительного труда, Российское государство должно в свою очередь создать условия для реализации этой обязанности. Рассматривая

проблему полной трудовой занятости заключенных и роль в этом деле государства, представитель Швеции Эрикссон на Первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гаага, 1955 г.) утверждал, что основной формулой Международного конгресса должна быть признана следующая: «Государство должно обеспечить полную занятость заключенных. Пенитенциарная администрация должна иметь конституционное право первоочередности на получение работ, которые принимает государство». В решениях Конгресса было записано: «Государство должно следить за тем, чтобы заключенные имели достаточную и соответствующую занятость. В тех странах, где необходимо избегать нежелательной конкуренции с частной промышленностью, удовлетворительным компромиссом может служить система, предусматривающая сбыт попечением государства продукции пенитенциарного труда на обязательном официальном рынке».

К сожалению, опыт решения проблем занятости осужденных в нашем государстве в условиях развития рыночных отношений отсутствует, да и научные исследования, как мне известно, в этой сфере весьма ограничены. Как мне представляется, одной из задач сегодня является обобщение положительной практики организации производства в УИС, использование возможностей предприятий и организации различных форм собственности для обеспечения не только трудовой занятости осужденных, но и достойного заработка, определение механизма этой работы на разных уровнях управления уголовно-исполнительной системы. Хорошо известно, что Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 г.) определила основные направления развития производственного сектора УИС и обеспечения трудовой занятости осужденных. Однако как в центре, так и на местах были приняты явно недостаточные меры по их реализации: не были сделаны конкретные шаги по изучению конъюнктуры рынка и развитию с учетом его результатов соответствующих производств, обеспечивающих занятость трудом осужденных. Об этом свидетельствуют данные специальной переписи осужденных 1999 г.: только немногим более 43 % из них были заняты трудом.

В этом деле наблюдаются две крайности. Если в советский период в процессе исполнения наказания прослеживалась явная переоценка труда осужденных как экономического фактора в ущерб его воспитательной роли, что, естественно, вело к развитию производственных мощностей, за счет которых, не секрет, нередко путем увеличения себестоимости продукции в нарушение финансовой дисциплины строились колонии и формировалась их социально-бытовая сфера, то в постсоветский период производство и труд в этом процессе занимают второстепенное место. Это привело к тому, что даже работников производственного сектора «посадили» на бюджетное содержание, что явилось одной из причин явного перекоса в распределении бюджетных средств на содержание осужденных и персонала УИС: доля средств на содержание осужденных в бюджете составила в 2000 г. 40,5 %, в 2002 г. — 46,3 %, в 2003 г. — 34,6 % (для сравнения: 1869 г. — 75 %, 1923 г. — 80 %, 1953 г. — 75 %).

Мне сегодня сложно оценивать реальное положение производственной сферы УИС и обеспечение не только обязанности трудиться, но и права осужденных

на труд, ибо требуется серьезная исследовательская база их современного состояния, которой я, к сожалению, не располагаю. Поэтому выскажу лишь некоторые свои соображения, основанные на собственном опыте и материалах отдельных исследований. Прежде всего, о концептуальном подходе к решению проблем управления организацией производства и обеспечения трудовой занятости осужденных. Здесь, как ни в какой сфере деятельности УИС, наиболее четко прослеживается приверженность «руководящим» плановым началам советского периода. Чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать содержание деятельности управленческих структур системы. Да иначе и быть не может, ибо это связано с проблемой кадров, их подготовкой, расстановкой и научно-методическим обеспечением их работы. На моей памяти никогда не проводились научные исследования эффективности деятельности управленческих структур разного уровня системы исполнения уголовных наказаний и их соответствия требованиям того или иного периода развития государства. Особенно это важно сегодня, после создания федеральных окружных управлений, чтобы разобраться с их правовым положением и соотношением в этом деле с управлениями УИС в субъектах Федерации. В настоящее время зависимость деятельности органов и учреждений системы исполнения уголовных наказаний от властных структур субъектов РФ, в том числе и в решении проблем производства, существенно ослаблена, а с учреждением федеральных управлений появилась реальная возможность их решения на региональном уровне. Поэтому, на мой взгляд, за счет сокращения функций и численности производственного аппарата в управлениях УИС целесообразно усилить федеральное управленческое звено, возложив на него обязанность изучения и анализа состояния производительных сил и производства в регионах и организации производств УИС замкнутого цикла. При этом представляется необходимым разработать для каждого уровня управления критерии оценки эффективности его работы.

Необходимо менять тактику и методику инспектирования деятельности системы исполнения уголовных наказаний. Традиционная, оставшаяся с советских времен, методика инспектирования, когда проверка исправительных учреждений начиналась и заканчивалась оценкой деятельности на уровне ни-

зового звена, явно устарела. Настало время оценивать эффективность работы, прежде всего управленческих структур, на уровне федеральном и субъектов Федерации, ибо только так можно признать целесообразность их функционирования в управленческой системе исполнения уголовных наказаний. Да и введенный оценочный рейтинг определения эффективности деятельности исправительных учреждений пахнет явным формализмом. Весьма занятно расставлять по ранжиру управленческие структуры УИС на уровне субъектов Федерации с позиции московских кресел, не представляя реального положения дел в каждом регионе.

Я полагаю, что мое видение проблем УИС во многом может не совпадать с официальной линией и официальными оценками результатов ее деятельности. Это закономерно, ибо только в противоречии, сопоставлении различных точек зрения может быть достигнута истина и определена наиболее приемлемая линия реформирования УИС.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Российская газета. 2006. 10 марта. № 48.
- ² Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. М., 1984.
- ³ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Делопроизводство 1. Д. 1552. Л. 6.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 3354. Л. 26.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Делопроизводство 1. Д. 2120. Л. 46–47.
- ⁶ См.: Детков М. Г. Тюрьмы России: память истории. Вологда, 2001. С. 62–63.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 25.
- ⁸ См.: ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 22; Оп. 2. Д. 412. Л. 3–9.
- ⁹ См.: СУ. № 77. Отдел 1. Ст. 649. 28.11.21.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 2. Л. 99.
- ¹¹ См.: Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг. М., 1992. С. 132–134.
- ¹² См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 165. Л. 59–60, 66.
- ¹³ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 48. Л. 210–212.
- ¹⁴ Сталин И. В. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства // Соч. М. Т. 13. С. 52.
- ¹⁵ См.: Детков М. Г. Исправительно-трудовые лагеря в карательной системе советского государства. Вологда, 2004. С. 176.
- ¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 12. Тем. сб. 152. Л. 1.

Доктринальное и нормативное определения помилования

В. И. СЕЛИВЕРСТОВ — ректор Московского института права, председатель Общественного совета ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Философы, юристы, социологи, историки, педагоги, психологи и представители иных отраслей научных знаний исследовали помилование на протяжении многих веков. Отсюда и множество трактовок помилования: от проявления монаршей милости и воли до института государственного прощения преступника.

Уместно привести точку зрения известного русского юриста И. Я. Фойницкого, который писал: «Под помилованием подразумевается погашение всего или части наказания волей государственной власти, объявляемой по отношению к данному конкретному случаю... Уголовный закон есть выражение воли

общественной власти, приговор судебный — ее осуществление в конкретном случае. Но если общественная власть ввиду обстановки данного дела высказывает иную волю, то выраженная законом воля отпадает, наказание не применяется, а применяемое отменяется. Таково формальное основание права помилования: воля, высказанная раньше, отменяется позднейшим ее выражением. Новая воля может быть рассматриваема как новый закон для частного случая, мягчайший для совершившего преступление»¹.

При всем богатстве имеющихся позиций нас интересуют в первую очередь те признаки помилования,

которые могут быть положены в основу доктринального и нормативного определения помилования как института права.

Следует иметь в виду, что выработка определения или дефиниции помилования является важной задачей научного исследования. Определение есть форма существования понятия. В правоведении основные фундаментальные понятия представляют собой правовые категории, которые «будучи отражением наиболее существенных свойств и глубоких связей правовых явлений, представляют собой наиболее глубокие по содержанию и широкие по объему понятия в границах правовой науки»².

Помилование в социально-политическом аспекте представляет собой важнейший показатель уровня демократичности общества, развития лежащих в его основе принципов гуманизма и милосердия.

Идеологический аспект помилования объясняется, с одной стороны, необходимостью изменения правосознания населения, устранением карательной ориентации большинства людей в борьбе с преступностью. С другой стороны, это своеобразное средство идеологического воздействия на население в плане укрепления (либо разрушения) авторитета и имиджа главы государства.

Еще более значимы правовые аспекты помилования. В государственном праве это важнейшее полномочие главы государства и необходимый элемент правового статуса личности. В уголовном праве — разновидность оснований досрочного освобождения от отбывания наказания, замены наказания более мягким, сокращения наказания, то есть, как указывал Ю. В. Голик, уменьшения или устранения уголовно-правовых обременений³. В уголовно-исполнительном праве — основание для изменения правового статуса осужденного и наступления правовых последствий. В административном праве — это особая административная процедура прохождения ходатайств осужденных и других документов, принятия и исполнения решений о помиловании.

Так какие же признаки следует отразить в доктринальном определении помилования? Могут ли быть учтены все признаки в совокупности?

Для ответа на эти вопросы необходимо иметь в виду, что определение означает «подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятия) с нее». Определить предмет — значит указать наиболее существенные, главные, основные признаки. Таких признаков может быть несколько (один, два, три) в зависимости от того, насколько полно они характеризуют явление, раскрывают его сущность⁴.

Для целей данной статьи задача определения помилования состоит в том, чтобы показать те существенные признаки, которые, во-первых, присущи этому институту в целом, во-вторых, раскрывают его как уголовно-правовую категорию, показывая отличие помилования от смежных уголовно-правовых категорий.

С учетом изложенных позиций в качестве существенного общего признака помилования необходимо указать на его юридическую природу как межотраслевого и комплексного правового института.

Институт помилования регулируется различными отраслями права. При ведущей роли государственного права отношения в сфере помилования урегулированы уголовным, уголовно-исполнительным, административным правом. При этом помилование имеет общие для всего института цели: исправление осужденного и смягчение карательного настроения российского общества в целом, в то же время имеет свои локальные цели (задачи), в том числе и в рамках отдельных отраслей права.

Так, в нормах государственного права помилование представлено в виде элемента системы сдержек и противовесов судебной и исполнительной властей, и соответственно его наличие в правовой системе государства является одним из показателей ответственности построения в России правового государства. Кроме того, помилование — это имиджевый для главы государства механизм, тем более это очевидно для политических партий, правозащитных и иных движений, которые на практике применения или неприменения помилования могут повышать свой рейтинг в глазах общественного мнения.

Помилование является комплексным правовым институтом. Эту особенность помилования отмечает А. С. Михлин, который видит комплексность в том, что Президент РФ вправе применить различные виды смягчения положения осужденного: в соответствии со ст. 85 УК РФ он может освободить осужденного от длительного отбывания наказания, либо сократить срок назначенного ему наказания, или заменить неотбытую часть наказания более мягким. Актом помилования может быть снята судимость⁵.

Вместе с тем, на наш взгляд, комплексность института помилования заключается не только в этом. Институт помилования включает в себя не только нормы различных отраслей права, он регулирует отношения, возникающие на различных стадиях: а) подача ходатайства о помиловании; б) предварительное его рассмотрение; в) принятие решения о помиловании (об отказе в помиловании); г) реализация решения о помиловании (об отказе в помиловании); д) наступление правовых последствий помилования или отказа в нем. При этом нормы различных отраслей права регулируют отношения, возникающие на данных стадиях в соответствии с предметом правового регулирования.

Следует иметь в виду, что помилование осуществляется высшими органами государственной власти, в настоящее время — Президентом РФ. Помилование всегда индивидуально и происходит в установленных ст. 85 УК РФ формах. Это тоже может рассматриваться в качестве существенных признаков помилования, требующих своего закрепления в доктринальном, а также нормативном определениях.

Хотя по этому вопросу существует иная точка зрения. Так, К. М. Тищенко отмечает, что, как правило, помилование осуществляется высшими органами государственной власти, но имеются исключения. В США, например, прерогатива помилования принадлежит не только президенту, но и губернаторам штатов. Другой прецедент создан в России, где в первые годы после Октябрьской революции (1917–1920 гг.) правом помилования обладали суды. Эти факты, по мнению К. М. Тищенко, заслуживают внимания, поскольку свидетельствуют о том, что издание актов по-

милования органами верховной власти не является существенным признаком данного института⁶.

Мы не можем согласиться с данной позицией. Приведем лишь один аргумент. В истории России, да и ряда зарубежных государств, ранее не было различий между применением амнистии и помилования. При таком подходе, исходя из логики К. М. Тищенко, мы вообще не сможем дать определение помилования.

Наиболее сложный признак заключается в раскрытии самой сущности понятия помилования. Нередко ее анализируют вместе с таким схожим правовым институтом, каким является амнистия. Слово «амнистия» (от греч. *amnestia*) буквально означает забвение. «Простить» — значит «проявить снисходительность», извинить, простить какую-либо провинность (оставить без наказания какой-либо проступок)⁷. Аналогично и в русском языке помилование определяется как прощение и милость⁸. Известный русский лингвист В. Даль определял помилование как проявление милосердия, прощение, пощаду, благоденствие, щедрость, благоволение.

Исходя из этого В. М. Галкин считал, что амнистия и помилование являются актами прощения правонарушителей и должны затрагивать лишь материально-правовые последствия правонарушения⁹.

И. Л. Марогулова назвала амнистию и помилование институтом государственного прощения преступника, имеющим в своем составе два субсидарных института — амнистию и помилование¹⁰. Однако при этом остается без ответа вопрос о том, кто в первую очередь должен простить осужденного — государство в лице высшего должностного лица или потерпевший? Идеальный вариант, когда преступление совершено против интересов государства или его составных элементов. Если же совершено преступление против жизни и здоровья, а тем более преступление, преследование за которое осуществляется в соответствии со ст. 20 УПК РФ в частном порядке, разве может в данных случаях государство выступить в роли субъекта прощения преступника?

Уголовным законодательством предусмотрено в качестве одной из форм помилования снижение срока назначенного наказания. Если актом помилования осужденному, например, к 25 годам лишения свободы будет снижен срок до 24 лет, это будет означать государственное прощение?! Аналогичный вопрос возникает при замене в порядке помилования смертной казни пожизненным лишением свободы.

В науке уголовного права имеется точка зрения об отнесении досрочных видов освобождения от наказания, в том числе и помилования, в числе других стимулирующих осужденного мер к уголовно-правовым поощрениям¹¹.

Стимулирующая роль помилования заключается в том, что его применение является чаще всего видом поощрения за действия, одобряемые обществом (хотя это может быть и просто прощением за содеянное). Применение наказания за совершенное преступление является реализацией метода принуждения предупредительной функции уголовного права. Применение помилования наряду с амнистией и другими видами досрочного освобождения от наказания есть проявление метода поощрения. При

этом последнее по отношению к методу принуждения играет вспомогательную функцию, так как сфера его применения носит ограниченный характер. Если метод принуждения осуществляет предупредительную функцию путем подавления воли лиц на совершение преступлений, метод поощрения выполняет стоящую перед ним задачу путем регулирования поведения с помощью прав и обязанностей, которыми наделяются лица, совершающие или уже совершившие преступные действия¹². На наш взгляд, поощрение более удачный термин, чем государственное прощение, поскольку в нем закладывается надежда на дальнейшее законопослушное поведение помилованного лица. Однако и он не охватывает всего содержания помилования. Например, едва ли можно объяснить природу замены смертной казни в порядке помилования действием метода поощрения позитивного поведения помилованных.

Однако, как нам представляется, оптимальным является определение помилования как улучшение правового положения осужденного в виде установленных в ст. 85 УК РФ форм помилования. Эта терминология не столь эмоциональна и многообещающа, она четко отражает суть помилования и может быть использована в его доктринальном определении.

Некоторые исследователи указывают на такой признак помилования, как способность быть одним из видов досрочного освобождения от отбывания наказания¹³. Однако следует учитывать то, что при помиловании осужденный может рассчитывать и на иные способы смягчения своей участи: сокращение наказания, замену наказания другим, более мягким, снятие судимости. Все это не позволяет вывести данный признак в качестве общего и учесть в доктринальном определении помилования.

Необходимо отметить, что ранее определения помилования давались в трудах ученых юристов. Не ставя задачу исчерпывающего приведения их точек зрения в рамках настоящей статьи, отметим лишь те из них, которые не вписываются в наше понимание помилования в целом.

Так, В. Я. Якушин в учебнике российского уголовного права дает следующее определение понятия помилования: «Помилование есть осуществляемый Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица, признанного судом виновным в совершении преступления, акт освобождения его от уголовного наказания, а в некоторых случаях — от уголовной ответственности в форме снятия судимости».

Основным недостатком данного определения является то, что существенно сужается компетенция главы государства в применении помилования: только освобождение от наказания и только снятие судимости. Между тем, сокращение срока наказания и замена наказания другим, более мягким, составляют значительный массив решений Президента РФ о помиловании.

К. М. Тищенко считает, что определение исследуемого института должно быть сформулировано следующим образом: «Помилование есть освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, наказания, судимости либо смягчение наказания в случаях, когда формальные требования

уголовного закона препятствуют целесообразному применению какого-либо вида смягчения положения виновного»¹⁴. По мнению автора, существенной характеристикой чертой помилования является то, что оно касается наиболее сложных и нетипичных ситуаций, когда обычные институты досрочного освобождения лица от наказания неприемлемы.

Это довольно оригинальная позиция ученого, однако она также предопределяет сужение компетенции Президента РФ в применении помилования. Президент должен ориентироваться в предлагаемой позиции не только на положения ст. 85 УК РФ, закрепляющей формы помилования и его индивидуальный характер, но и на положения статей Общей части УК РФ, устанавливающие основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК), замены наказания более мягким (ст. 80 УК), освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80-1 УК), освобождения от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК) и т. д. Такой подход существенно ограничивает полномочия главы государства в применении помилования, но, главное, он не основан на нормах Конституции РФ и УК РФ.

В. Ю. Тычинский определяет помилование как акт государственного прощения, осуществляемый Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица, совершившего преступление, но раскаявшегося в его совершении или утратившего общественную опасность¹⁵.

Наличие раскаяния либо утраты общественной опасности являются оценочными категориями, их довольно сложно установить. Кроме того, введение этих признаков в определение означает, что они должны иметь место (вместе либо по отдельности) в каждом случае помилования. Это также сужает компетенцию Президента РФ в осуществлении помилования. В уже классическом деле о помиловании Президентом России гражданина США Э. Поупа не было ни раскаяния, ни утраты им общественной опасности. Внешнеполитические интересы диктовали необходимость применения к нему помилования.

Если обратиться к практике применения помилования в США, на которую, кстати, ссылается В. Ю. Тычинский, то, несмотря на отсутствие каких-то строго регламентированных оснований для применения помилования в законодательстве различных штатов, можно выделить наиболее распространенные: это сомнения в виновности осужденного; исправление осужденного; нарушение психики, приведшее к утрате вменяемости; личные убеждения или побудительные мотивы губернаторов штатов. Кроме того, в практике встречаются и такие основания, как неизлечимая болезнь осужденного, раскаяние в содеянном, ходатайства семьи погибшего и др.¹⁶

Таким образом, даже в практике помилования США раскаяние осужденного или утрата общественной опасности личности не являются обязательными признаками помилования.

На основании изложенного можно предложить следующее доктринальное определение помилования.

Помилование представляет собой комплексный, межотраслевой правовой институт, регулирующий отношения, возникающие в связи с при-

нятием Президентом РФ решения, улучшающего в тех формах, которые предусмотрены уголовным законодательством, правовое положение индивидуально определенного лица, осужденного вступившим в законную силу приговором суда к уголовному наказанию, либо отбывающему наказание, или отбывшего его и имеющего судимость.

Прежде чем приступить к анализу нормативного определения помилования, необходимо уяснить его социально-правовое назначение. Это тем более необходимо, поскольку автор отличает нормативное от доктринального (научного) определения помилования.

Несомненно то, что доктринальное и нормативное определения отражают одно и то же правовое явление. Кроме того, нормативное определение базируется на доктринальном, формирующем само понятие помилования. Однако, будучи включенным в состав нормативного акта и став категорией права, указанное понятие (как и другие научные понятия), во-первых, превращается в обязательное государственное установление, во-вторых, проявляется не только как атрибут абстрактного мышления, но и как средство регулирования общественных отношений, как государственный масштаб оценки поведения людей, в-третьих, приобретает способность переводить общие абстрактные требования на уровень практических действий участников правового общения¹⁷.

Соответственно нормативное определение помилования будет иметь праворегулирующее значение для законодателя, устанавливающего конкретные правила помилования. Оно должно получить выражение в подзаконных нормативных актах, в конкретных действиях субъектов применения права: Президента РФ, комиссий по вопросам помилования, на территориях субъектов РФ администрации исправительных учреждений и т. д. Это диктует, с одной стороны, требования к нормативному определению с точки зрения формальной логики и конструирования правовой нормы, с другой стороны, необходимость выяснения праворегулирующего потенциала нормативного определения. Последняя задача особенно важна, так как закрепление нормативного определения помилования не самоцель. Главный вопрос в том, будет ли эта норма эффективно «работающей», имеет ли она праворегулирующий потенциал?

При ответе на этот вопрос необходимо хотя бы конспективно обратиться к анализу статей российского законодательства, регламентирующих вопросы применения помилования.

Так, нормы государственного права закрепляют право каждого обращаться с ходатайством о помиловании к Президенту РФ как субъекту принятия решения о помиловании. Они же относят этот процесс к федеральной компетенции.

Нормы уголовного законодательства определяют формы помилования, отдельные требования к помилованию лиц, осужденных к смертной казни, а также закрепляют принципиальное положение о том, что помилование является индивидуальным актом.

Уголовно-исполнительное право, по существу, определяет процессуальные аспекты помилования, относящиеся к осужденному (возбуждение хо-

датайств о помиловании), а также последствия его применения.

Административное право в большинстве норм определяет процессуальные аспекты помилования, но уже относящиеся к деятельности государственных органов.

Однако общего синтезирующего нормативного определения нет. Оно и не требуется, если речь идет о регулировании различных аспектов помилования в соответствии с предметом правового регулирования указанных выше отраслей права. Однако такое определение потребуется, если будет реализовано предложение о принятии комплексного Федерального закона РФ «О помиловании».

Такое предложение неоднократно высказывалось в юридической литературе¹⁸, однако реализовано оно было в виде проекта Федерального закона РФ «О помиловании», подготовленного в 2002 г. коллективом авторов (доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А. С. Михлин; доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В. И. Селиверстов; доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ А. А. Толкаченко; доктор юридических наук Л. В. Яковлева; кандидат юридических наук О. Е. Ноянова) под научным руководством автора настоящей статьи. Данный законопроект был опубликован в № 4 журнала «Закон» за 2002 г.¹⁹ и направлен Уполномоченным по правам человека в РФ в Государственную Думу РФ и Президенту РФ. Однако до настоящего времени решения по законопроекту не приняты.

В предложенном специалистами законопроекте имеется нормативное определение помилования, оно сформулировано следующим образом: «Помилование представляет собой решение Президента РФ, улучшающее правовое положение индивидуально определенного лица, осужденного за совершение преступления, отбывающего наказание или отбывшего его и имеющего судимость». Поддержав в целом концепцию законопроекта и предложенное вышеуказанными учеными нормативное определение помилования, Ю. В. Саженков в то же время обратил внимание на следующее.

В предложенном нормативном определении не вполне ясна суть улучшения правового положения осужденного. При такой трактовке помилования награждение Президентом РФ осужденного государственной наградой (например, за прошлые заслуги) тоже является мерой, улучшающей его правовое положение. В этом случае на него может быть распространен акт амнистии. Представляется, что избежать данной неясности можно, указав в нормативном определении на то, что улучшение правового положения осужденного возможно лишь в тех формах, которые указаны в уголовном законодательстве, а именно в ст. 85 УК РФ.

И еще один аспект. В нормативном определении Ю. В. Саженков предложил закрепить возможность помилования Президентом РФ только тех лиц, в отношении которых приговоры вступили в законную силу²⁰. Кстати, в ранее действовавшем законе Республики Башкортостан «О помиловании лиц, осужденных судами Республики Башкортостан» вполне обоснованно было установлено, что действие насто-

ящего закона не распространяется на лиц, в отношении которых приговор суда не вступил в законную силу (ст. 3). В федеральном законодательстве данное положение не закреплено, оно «выводится» из ст. 85 УК РФ и ст. 172 УИК РФ, устанавливающих применение помилования в качестве одного из видов освобождения от отбывания наказания.

С. Е. Вицин поднимает вопрос о допустимости помилования не только лиц, в отношении которых приговор вступил в законную силу. В законе установлено, что эта льгота применяется к осужденным. Определяя понятие «осужденный», названный автор апеллирует к УПК РСФСР, в ст. 47 которого указывалось, что осужденный — это лицо, в отношении которого вынесен приговор, и, следовательно, помиловать его можно до вступления приговора в законную силу²¹. Согласиться с подобным утверждением нельзя.

Правовой статус осужденного при применении помилования изменяется путем освобождения его от дальнейшего отбывания наказания, сокращения назначенного наказания, замены наказания более мягким видом наказания, снятия судимости с отбывшего наказания лица (ст. 85 УК РФ). Представляется, что освободить от дальнейшего отбывания наказания можно только лицо, в отношении которого это наказание исполняется, то есть чей приговор вступил в законную силу, не говоря уже о снятии судимости. Заменить наказание более мягким или сократить назначенное наказание также возможно только после вступления обвинительного приговора в законную силу. Дело даже не в том, что технически невозможно в период времени, когда приговор еще не вступил в законную силу, подготовить соответствующие материалы и принять на их основании соответствующее решение. Как показала практика, такое возможно, особенно по делам, получившим большой общественный резонанс, когда с прошением о помиловании начинают обращаться задолго до вынесения судебного решения, как это было сделано по делу Э. Поупа, на которое ссылается С. Е. Вицин.

Главная причина заключается в том, что приговор может быть отменен вышестоящей инстанцией, и уголовное дело прекращено, деяние переквалифицировано или изменен вид и размер назначенного наказания. В результате принятия одного из перечисленных решений для лица наступают различные правовые последствия. В первом случае лицо освобождается от уголовной ответственности и будет признано не имеющим судимости, в других — вновь назначенное судом наказание или срок наказания могут совпасть с определенными в указе о помиловании либо наказание по новому приговору может оказаться более мягким, а срок меньше, что обесценит примененную к осужденному льготу, поскольку исполняться будет новое наказание, а не наказание, установленное указом о помиловании. И это не гипотетическое предположение, поскольку согласно статистике, приведенной С. А. Разумовым, кассационные инстанции отменяют 12 % и изменяют 8 % приговоров судов первой инстанции²².

Помилование лица, в отношении которого приговор не вступил в законную силу, не только лишено правовых оснований, но и нецелесообразно, поскольку такая акция в большей степени, чем все остальные виды помилования, напоминает ревизию приговора и вмешательство в сферу судебной деятельности.

Возможность помилования лица, приговор которого не вступил в законную силу, является частным проявлением появившейся в теории уголовного права позиции о том, что Президент РФ при осуществлении помилования не связан какими-либо нормами уголовного закона.

Так, А. Б. Мельниченко и С. Н. Радачинский пишут: «В соответствии с п. «в» ст. 89 Конституции РФ Президент РФ наделен компетенцией осуществлять помилование. Нет таких положений уголовного закона, которые могли бы ограничить это право»²³. Если нет таких ограничений, то глава государства в порядке помилования может освободить и от уголовной ответственности, например, на стадии расследования уголовного дела или его рассмотрения в суде. И уже в юридическом энциклопедическом словаре отмечается, что в исключительных случаях в порядке помилования «возможно освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности»²⁴, а в Комментариях к Конституции Российской Федерации указывается о возможности помилования подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений²⁵.

С такими позициями мы не можем согласиться. Согласно Конституции РФ Президент РФ является главой государства и гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Он, в первую очередь, обязан соблюдать законы, в том числе ограничивающие либо конкретизирующие его полномочия, в том числе и в сфере помилования. Установление правила о том, что помилование может осуществляться только в отношении лиц, у которых приговор вступил в законную силу, ставит помилование в строго определенные рамки, оно исключает применение этого института к лицам, вина которых еще не установлена в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. К стати, этой же позиции придерживается сам Президент РФ.

В конце 2000 г. был осужден за шпионаж по ст. 276 УК РФ гражданин США Э. Поуп. Идя навстречу просьбе Президента США и с учетом состояния здоровья Э. Поупа, его решено было помиловать. В одном из своих выступлений Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал, что он вправе решить вопрос о помиловании Э. Поупа, но только после вступления приговора в законную силу. И действительно, Э. Поуп был помилован после истечения соответствующего срока, установленного законом для вступления приговора в законную силу.

К стати, из этого же исходят ряд конституций зарубежных государств. Согласно Конституции Австрийской Республики (п. «с» ч. 2 ст. 65) федеральный президент в отдельных случаях осуществляет помилование лиц, осужденных вступившим в законную силу приговором суда²⁶.

С учетом предложенных дополнений можно сформулировать нормативное определение помилования, которое, на наш взгляд, должно быть закреплено в комплексном Федеральном законе РФ «О помиловании».

Помилование представляет собой решение Президента Российской Федерации, улучшающее в тех формах, которые предусмотрены уголовным законодательством, правовое по-

ложение индивидуально определенного лица, осужденного вступившим в законную силу приговором суда к уголовному наказанию, либо отбывающего наказание, или отбывшего его и имеющего судимость.

Доктринальное и нормативное определения понятия помилования важны не сами по себе, а как средства активизации научных исследований проблем помилования, с одной стороны, и повышения уровня правоприменительной практики путем устранения пробелов в законодательстве — с другой.

Доктринальное определение помилования может быть использовано в дальнейшей научно-исследовательской деятельности. Нормативное определение целесообразно закрепить в комплексном, межотраслевом законодательном акте, каким является опубликованный для обсуждения проект Федерального закона РФ «О помиловании».

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. М., 2000. С. 121.

² Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий права. М., 1976. С. 58.

³ См.: Голик Ю. В. Уголовно-паравовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории. Новосибирск, 1992; Он же. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): Дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего функции автореф. М., 1994. С. 25.

⁴ См.: Васильев А. М. Указ. соч. С. 68.

⁵ См.: Елисеева Н. В., Михлин А. С. Помилование в Российской Федерации. М., 2001. С. 13–14.

⁶ См.: Тищенко К. М. Помилование в уголовном праве. М., 1994. С. 25.

⁷ См.: Словарь синонимов. Л., 1975. С. 16, 445.

⁸ См.: Словарь синонимов русского языка. М., 1986. С. 384.

⁹ См.: Галкин В. М. Конституция СССР и советское уголовное законодательство: проблемы совершенствования советского законодательства // Труды ВНИИСЗ. 1980. Вып. 17. С. 14.

¹⁰ См.: Мароголова И. Л. Амнистия и помилование в российском законодательстве. М., 1998. С. 56–57.

¹¹ См.: Галкин В. М. Система поощрений в советском уголовном праве // Советское государство и право. 1997. № 2. С. 92; Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права. Хабаровск, 1984. С. 6–9.

¹² См.: Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 144, 150.

¹³ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1999. С. 700; Уголовное право Российской Федерации: Учебник: В 2 т. / Под ред. проф. Л. В. Игнатовой-Хегай. М., 2002. Т. 1: Общая часть. С. 349.

¹⁴ См.: Тищенко К. М. Указ. соч. С. 18.

¹⁵ См.: Тычинский В. Ю. Обсуждая вопросы применения указа «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» // Указ Президента РФ «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» от 28 декабря 2001 г. № 1500 (теоретические и практические аспекты реализации): Материалы всероссийской научно-практической конференции (Брянск, 24–25 октября 2002 г.). Брянск, 2002. С. 34.

¹⁶ См.: Квашис В. Е. Практика применения помилования в США // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 70.

¹⁷ См.: Васильев А. М. Указ. соч. С. 92.

¹⁸ См.: Мароголова И. Л. Законодательное регулирование амнистии и помилования (гигезис, сущность, теория, правоприменение): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 15.

¹⁹ См. также: Михлин А. С., Селиверстов В. И. Проект Федерального закона «О помиловании» // Криминологический журнал. 2002. № 13. С. 67.

²⁰ См.: Саженов Ю. В. Правовое регулирование помилования в российском законодательстве (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15.

²¹ См.: Вицин С. Е. Выступление на всероссийской конференции «Помилование и исполнение наказания». М., 2002. С. 52.

²² См.: Разумов С. А. Выступление на всероссийской конференции «Помилование и исполнение наказания». М., 2002. С. 59.

²³ Мельниченко А. Б., Радачинский С. Н. Уголовное право. Общая часть. Ростов н/Д, 2002. С. 281.

²⁴ Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 263.

²⁵ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л. А. Окунькова. М., 2000. С. 223.

²⁶ См.: Конституции государств Европы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 1. С. 66.

Общая характеристика процессуальных процедур решения судом вопросов на стадии исполнения приговора

А. С. ШАТАЛОВ — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

А. А. КРЫМОВ — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

Понятием «приговор» в действующем УПК РФ обозначается решение суда о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции¹. Исполнение приговора (равно как и определения или постановления) суда является одной из стадий уголовного процесса, на которой обращается к исполнению каждое вступившее в законную силу судебное решение.

Все вопросы, разрешаемые на этой стадии, отнесены законодателем к компетенции суда и объединены в следующие две группы:

- 1) вопросы, связанные с обращением к исполнению приговоров, определений и постановлений;
- 2) вопросы, связанные с исполнением приговора.

Деятельность суда по их разрешению урегулирована разд. XIV УПК РФ².

Как правило, приговоры, определения и постановления суда обращаются к исполнению только после их вступления в законную силу³. Так, в частности, приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном или кассационном порядке, если он не был обжалован сторонами⁴. Приговор суда апелляционной инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в кассационном порядке, если он не был обжалован сторонами. В случае подачи жалобы или представления в кассационном порядке приговор, если он не отменяется судом кассационной инстанции, вступает в законную силу в день вынесения кассационного определения. О вступлении приговора в законную силу осужденно объявляется под расписку⁵.

Приговор обращается к исполнению судом первой инстанции в течение трех суток со дня его вступления в законную силу либо возвращения уголовного дела из суда апелляционной или кассационной инстанции⁶.

Вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации⁷.

Таким образом, обращение к исполнению приговора, определения или постановления суда возложе-

но на суд, рассмотревший уголовное дело по первой инстанции⁸. Копия вступившего в законную силу решения направляется председателем суда в учреждение или орган, исполняющие наказание⁹, которые обязаны немедленно известить суд, постановивший обвинительный приговор (определение или постановление), о его исполнении и месте отбывания наказания осужденным¹⁰. Кроме того, об обращении приговора к исполнению ими же извещаются гражданский истец и гражданский ответчик, но только в случае удовлетворения судом гражданского иска.

Обвинительный приговор, которым осужденному назначено наказание в виде лишения свободы, вместе с подписанным судьей распоряжением об исполнении приговора направляется начальнику следственного изолятора, в котором осужденный содержится под стражей. Если же осужденный до суда находился на свободе, то приговор исполняется органом внутренних дел по месту его жительства. Не позднее трех суток после получения из вышестоящего суда определения об оставлении приговора без изменения (или по истечении срока на обжалование, если приговор не обжалован) соответствующему органу внутренних дел по месту жительства осужденного направляется распоряжение об его исполнении¹¹.

В случае объявления судом розыска лица, скрывшегося от отбывания наказания после вынесения приговора либо осужденного заочно, исполнение приговора должно проверяться судом ежеквартально путем направления запросов органу внутренних дел, которому поручено производство розыска, а при длительном неисполнении — извещения об этом прокурора. Такой судебный контроль должен осуществляться до реального приведения приговора в исполнение¹².

Порядок контроля за обращением к исполнению приговоров, решений, определений и постановлений суда устанавливается председателем суда или лицом, исполняющим его обязанности, и судьями, под председательством которых рассматривались уголовные дела. Направляемые на исполнение копии приговоров, решений, определений, постановлений и выдаваемые судом исполнительные документы заверяются подписями председательствующего по делу судьи либо председателя суда, секретаря суда, а также гербовой печатью. Исполнительные документы должны быть заполнены четко и грамотно. Никакие поправки, исправления и дополнения в них не допускаются. Копия сопроводительного письма подшивается к уголовному делу. О действиях, связанных с об-

ращением к исполнению приговора (а равно другого решения суда), делается отметка в справочном листе по делу, а также в учетно-статистических карточках или регистрационных журналах¹³.

Второй частью этой стадии уголовного судопроизводства является рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора. Они перечислены в ст. 397 УПК РФ, всего их 22, из них: 9 разрешаются судом, постановившим приговор, 7 разрешаются судом по месту отбывания наказания осужденным либо по месту применения принудительных мер медицинского характера, 4 разрешаются судом по месту жительства осужденного, по 1 вопросу решают суд по месту задержания осужденного и суд, к подсудности которого относится совершенное осужденным преступление, с учетом его квалификации по УК РФ и места последнего проживания осужденного в Российской Федерации.

Среди вопросов, подлежащих разрешению судом, постановившим приговор, закон называет следующие:

1) о возмещении вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав в соответствии с ч. 5 ст. 135 и ч. 1 ст. 138 УПК РФ;

2) замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания в соответствии со ст. 46, 49, 50, 53 УК РФ¹⁴;

3) освобождении от отбывания наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора в соответствии со ст. 83 УК РФ;

4) исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в последнем по времени приговоре в соответствии со ст. 70 УК РФ;

5) зачете времени содержания под стражей или времени пребывания в лечебном учреждении в соответствии со ст. 72, 103 и 104 УК РФ;

6) снижении размера удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам в соответствии со ст. 44 УИК РФ в случае ухудшения его материального положения;

7) разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора;

8) освобождении от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 92 УК РФ;

9) передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство, гражданином которого осужденный является¹⁵.

Если приговор приводится в исполнение в месте, на которое не распространяется юрисдикция суда, постановившего приговор, то перечисленные 9 вопросов разрешаются судом того же уровня, а при его отсутствии в месте исполнения приговора — высестоящим судом. В этом случае копия постановления

суда по месту исполнения приговора направляется в суд, постановивший приговор.

Помимо названных вопросов суд, постановивший приговор, уполномочен законодателем решать вопрос об отсрочке исполнения приговора¹⁶. Так, в частности, исполнение приговора об осуждении лица к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы или лишению свободы может быть отсрочено судом на определенный срок при наличии одного из следующих оснований:

1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания до его осуждения;

2) беременность осужденной или наличие у нее малолетних детей — до достижения младшим ребенком возраста четырнадцати лет, за исключением осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности;

3) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, — на срок установленный судом, но не более 6 месяцев.

Уплата штрафа также может быть отсрочена или рассрочена на срок до трех лет, если его немедленная оплата является для осужденного невозможной.

Вопрос об отсрочке исполнения приговора решается судом по ходатайству осужденного, его законного представителя, близких родственников, защитника либо по представлению прокурора¹⁷.

Судом по месту отбывания наказания осужденным либо по месту применения принудительных мер медицинского характера разрешаются следующие 7 вопросов:

1) об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда осужденному к лишению свободы, в соответствии со ст. 78 и 140 УИК РФ;

2) условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ;

3) замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ;

4) освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со ст. 81 УК РФ;

5) продлении, изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера в соответствии со ст. 102 и 104 УК РФ;

6) освобождении от наказания или смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ;

7) замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, в порядке, установленном ст. 148 УИК РФ¹⁸.

Судом по месту жительства осужденного разрешаются следующие 4 вопроса:

- 1) об отмене условно-досрочного освобождения в соответствии со ст. 79 УК РФ;
- 2) отмене условного осуждения или продлении испытательного срока в соответствии со ст. 74 УК РФ;
- 3) отмене либо дополнении возложенных на осужденного обязанностей в соответствии со ст. 73 УК РФ;
- 4) отмене отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, в соответствии со ст. 82 УК РФ¹⁹.

Судом по месту задержания осужденного разрешается вопрос о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы до рассмотрения вопроса, указанного в п. 2 ст. 397 УПК РФ²⁰, но не более чем на 30 суток²¹.

Вопрос, касающийся признания, порядка и условий исполнения приговора иностранного государства, которым осужден гражданин Российской Федерации, передаваемый в Российскую Федерацию для отбывания наказания, рассматривается судом, к подсудности которого относится совершенное осужденным преступление, с учетом его квалификации по УК РФ и места последнего проживания осужденного в Российской Федерации²².

Вопросы, связанные с исполнением приговора, судья разрешает единолично в судебном заседании. Помимо перечисленных вопросов суд может разьяснять иные сомнения и неясности, возникшие при исполнении приговора²³.

Все вопросы, связанные с исполнением приговора, рассматриваются судьей единолично по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание, органа внутренних дел²⁴ либо по ходатайству реабилитированного²⁵ или осужденного²⁶. Причем ходатайство осужденного направляется не непосредственно в суд, а передается администрации учреждения или органа, исполняющего наказание. Администрация может не согласиться с просьбой осужденного. Но в любом случае прежде, чем обратиться в суд, она должна провести определенную подготовительную работу.

В судебное заседание вызывается представитель учреждения, исполняющего наказание, или компетентного органа, по представлению которого разрешается вопрос, связанный с исполнением наказания. Если рассматриваемый вопрос касается исполнения приговора в части гражданского иска, то в судебное заседание могут быть вызваны гражданский истец и гражданский ответчик. В судебном заседании вправе участвовать прокурор. Решение об участии в судебном заседании осужденного принимает суд.

В случае признания судом его участия необходимым, осужденный наделяется правом знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы. Осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката.

Судебное заседание начинается с доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, либо с объяснения заявителя. Затем исследуются представленные материалы, заслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, и мнение прокурора.

По результатам рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, судом выносится постановление. На него могут быть поданы жалоба или представление в кассационном порядке, установленном гл. 43 и 45 УПК РФ.

Срок подачи жалобы или представления на постановление суда определен ст. 356 УПК РФ и составляет 10 суток со дня провозглашения соответствующего решения. Право обжалования постановления судьи принадлежит осужденному, лицу, обратившемуся с ходатайством, защитнику, а также прокурору, наделенному правом вносить кассационное представление.

Оконченное производством уголовное дело в соответствии с резолюцией председателя суда или судьи, председательствовавшего по делу, сдается в архив²⁷.

Помимо указанных в ст. 397 УПК РФ вопросов на стадии исполнения приговора может быть рассмотрено ходатайство осужденного о снятии судимости. Оно рассматривается по месту жительства данного лица судом общей юрисдикции или мировым судьей по уголовным делам, отнесенным к его подсудности. О поступившем ходатайстве извещается прокурор, который может принять участие в заседании суда и высказать свое мнение. Лицо, обратившееся с ходатайством о снятии судимости, обязательно должно участвовать в заседании суда. В противном случае рассмотрение его ходатайства должно быть отложено.

В процессе рассмотрения ходатайства вначале предоставляется слово лицу, которое с ним обратилось в суд, затем рассматриваются представленные документы, заслушиваются свидетели, оглашается мнение прокурора. После всего этого судья принимает решение либо об удовлетворении ходатайства и снятии судимости с обратившегося за этим лица, либо об отказе в удовлетворении ходатайства.

Отказ в снятии судимости не исключает повторно обращения в суд с аналогичным ходатайством. Однако оно может быть подано не ранее чем по истечении года со дня вынесения постановления об отказе.

Снятие судимости аннулирует все связанные с ней правовые последствия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Пункт 28 ст. 5 УПК РФ.

² См.: Статьи 390–401 УПК РФ.

³ Исключение из этого правила составляют случаи, когда закон предусматривает их немедленное исполнение. Так, в частности, немедленному исполнению подлежат решения: 1) не подлежащее обжалованию в кассационном порядке; 2) о прекращении уголовного дела в той части, которая касается освобождения обвиняемого или подсудимого из-под стражи; 3) оправдании лица; 4) осуждении лица без назначения наказания; 5) осуждении лица с назначением наказания и освобождением от его отбывания; 6) осуждении лица

с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, условного наказания.

⁴ В соответствии со ст. 356 УПК РФ жалоба и представление на приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть поданы сторонами в апелляционном или кассационном порядке в течение 10 суток со дня провозглашения приговора, а осужденным, содержащимся под стражей, — в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.

⁵ См.: Инструкция по судебному делопроизводству в Верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов (в ред. Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 08.11.2005 № 140) (утверждена Приказом генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15.12.2004. № 161. П. 12.5 // Российская газета. 2006. 12 мая. № 99).

⁶ В соответствии со ст. 395 УПК РФ до обращения приговора к исполнению председательствующий в судебном заседании по уголовному делу или председатель суда предоставляет по просьбе близких родственников (родственников) осужденного, содержащегося под стражей, возможность свидания с ним.

⁷ Неисполнение приговора, определения, постановления суда влечет за собой уголовную ответственность по ст. 315 УК РФ. Она распространяется на все категории судебных актов, включая приговоры, постановления и определения, выносимые не только в порядке уголовного, но и конституционного, гражданского или административного судопроизводства. Это преступление, как правило, является длящимся. Оно начинается с момента злостного неисполнения судебного акта в установленный законом срок и заканчивается с началом привлечения к ответственности лица, причастного к совершению этого преступления.

⁸ Суд первой инстанции — суд, рассматривающий уголовное дело по существу и правомочный выносить приговор, а также принимать решения в ходе досудебного производства по уголовному делу (п. 52 ст. 5 УПК РФ).

⁹ В соответствии со ст. 16 УИК РФ исполнение наказания возложено на следующие учреждения и органы: 1) наказание в виде штрафа исполняется судебными приставами-исполнителями по месту жительства (работы) осужденного; 2) наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства (работы) осужденного, исправительным центром, исправительным учреждением или дисциплинарной воинской частью; 3) наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград исполняется судом, вынесшим приговор (требования приговора о лишении специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград исполняются должностным лицом, присвоившим звание, классный чин или наградившим государственной наградой либо соответствующими органами Российской Федерации); 4) наказание в виде обязательных работ исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного; 5) наказание в виде исправительных работ исполняется уголовно-исполнительной инспекцией; 6) наказание в виде ограничения свободы исполняется исправительным центром; 7) наказание в виде лишения свободы исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой, а в отношении осужденных, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, — следственным изолятором; 8) наказание в виде пожизненного лишения свободы исполняется исправительной колонией особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы; 9) наказание в виде смертной казни исполняется учреждениями уголовно-исполнительной системы; 10) в отношении военнослужащих наказания исполняются: содержание в дисциплинарной воинской части — специально предназначенными для этого дисциплинарными воинскими частями; арест — командованием гарнизонов на гауптвахтах для осужденных военнослужащих или в соответствующих отделениях гарнизонных гауптвахт; ограничение по военной службе — командованием воинских частей, в которых проходят службу указанные военнослужащие. Условно осужденные находятся под контролем уголовно-исполнительных инспекций (за условно осужденными военнослужащими контроль осуществляется командованием воинских частей).

¹⁰ В соответствии со ст. 20 УК РФ учреждения и органы, исполняющие наказания, уведомляют суд, вынесший приговор, о начале и месте отбывания осужденными ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы и исполнении наказаний в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательных работ, исправительных работ, ограничения по военной службе, смертной казни.

¹¹ В распоряжении об исполнении приговора, которое направляется с приложением двух копий приговора и справки о судимости, должна быть указана дата вступления приговора в законную силу (см.: Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде: Утверждена Приказом генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29.04.2003 № 36. П. 9.2.3 и 9.2.4 // Российская газета. 2004. 5 ноябр. № 246).

¹² См.: Там же. П. 9.2.30.

¹³ См.: Там же. П. 9.1.3, 9.1.4 и 9.1.5.

¹⁴ Так, в соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются ограничением свободы или лишением свободы. При этом время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается при определении срока ограничения свободы или лишения свободы из расчета один день ограничения свободы или лишения свободы за восемь часов обязательных работ. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УК РФ в случае злостного уклонения от отбывания наказания лицом, осужденным к исправительным работам, суд может заменить неотбытое наказание ограничением свободы или лишением свободы из расчета один день ограничения свободы за один день исправительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ. В соответствии с ч. 4 ст. 53 УК РФ в случае злостного уклонения от отбывания наказания лицом, осужденным к ограничению свободы, оно заменяется лишением свободы на срок ограничения свободы, назначенного приговором суда. При этом время отбывания ограничения свободы засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день лишения свободы за один день ограничения свободы.

¹⁵ См.: Пункты 1, 2, 9, 10, 11, 14, 15, 16 и 20 ст. 397 УПК РФ.

¹⁶ См.: Статья 398 УПК РФ.

¹⁷ Производства по представлениям и ходатайствам, разрешаемым в порядке исполнения приговоров, регистрируются в журнале (форма № 9) и алфавитном указателе (форма № 9-а) (см.: Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде. П. 3.10).

¹⁸ См.: Пункты 3, 4, 5, 6, 12, 13 и 19 ст. 397 УПК РФ.

¹⁹ См.: Пункты 41, 7, 8 и 17 ст. 397 УПК РФ.

²⁰ В этой норме закона речь идет о замене вида наказания в случае злостного уклонения от его отбывания.

²¹ См.: Пункт 18 ст. 397 УПК РФ.

²² См.: Пункт 21 ст. 397 УПК РФ.

²³ К их числу Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении «О некоторых процессуальных вопросах, возникающих в судебной практике при исполнении приговоров» от 22.12.1964 № 18 отнес вопросы, решение которых не затрагивает существо приговора и не влечет ухудшения положения осужденного. Среди них: 1) о применении акта амнистии, если это является обязательным и суд при постановлении приговора не входил в обсуждение этого вопроса; 2) отмене меры пресечения в случаях, когда при оправдании подсудимого или осуждении его с освобождением от наказания в приговоре суда не указано об отмене меры пресечения; 3) отмене мер обеспечения гражданского иска или конфискации имущества, если при вынесении оправдательного приговора или отказе в иске либо неприменении конфискации приговором, эти меры не отменены; 4) судьбе вещественных доказательств, если она не решена приговором суда; 5) определении размера и распределении судебных издержек, если эти вопросы не получили разрешения в приговоре суда; 6) оплате труда защитника, участвовавшего в деле по назначению суда, если этот вопрос не разрешен одновременно с вынесением приговора; 7) судьбе детей осужденного, оставшихся без надзора, и передаче их на попечение родственников либо других лиц или учреждений в случаях, когда суд по ошибке не решил этих вопросов при вынесении приговора; 8) освобождении имущества от ареста в случаях, когда арест наложен на имущество, на которое по закону не допускается обращение взыскания; 9) определении вида исправительной колонии лицам, осужденным к лишению свободы, если в приговоре не определен вид исправительной колонии; 10) уточнении должности или вида деятельности, если в приговоре суда при назначении в качестве меры наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью неточно определены должности или вид деятельности; 11) устранении ошибок, допущенных в приговоре при написании фамилии, имени, отчества или иных биографических данных осужденного, а также список арифметических ошибок, если они очевидны и исправление их не может вызвать сомнение. Кроме того, суды могут устранять иные неясности, возникшие после вынесения приговора в связи с изменением обстоятельств и условий к моменту его исполнения. Таким вопросом, например, является возвращение удержанных сумм с осужденного к исправительным работам, если приговор впоследствии отменен вышестоящим судом и дело прекращено производством после частичного или полного

отбытия осужденным исправительных работ (см.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. М., 1999. С. 555).

²⁴ По представлению органа внутренних дел по месту задержания осужденного рассматривается вопрос, указанный в п. 18 ст. 397 УПК РФ.

²⁵ По ходатайству реабилитированного рассматривается вопрос, указанный в п. 1 ст. 397 УПК РФ.

²⁶ По ходатайству осужденного эти вопросы рассматриваются в случаях, указанных в п. 4, 6, 9, 11–15 ст. 397, ч. 1 и 2 ст. 398 УПК РФ.

²⁷ См.: Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде. П. 9.1.7.

Проблемы определения содержания уголовного наказания в виде обязательных работ

С. В. ЧУБРАКОВ — доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук

Проблемам, тому, чем конкретно наказывается, карается осужденный к обязательным работам, то есть тому, что составляет содержание данного наказания, до сегодняшнего дня в юридической литературе не уделяется должного внимания. Представляется, что причиной этому то, что положения УК РФ и УИК РФ об обязательных работах до начала 2005 г. не были введены в действие, и данное наказание не применялось на практике.

В науке уголовного права традиционно считается, что содержанием всякого наказания являются лишения и ограничения прав и свобод осужденного. При этом под содержанием отдельного вида наказания понимается совокупность лишений и правоограничений, присущих данному конкретному виду наказания. В связи с этим встает вопрос о содержании наказания в виде обязательных работ. Для ответа на него необходимо установить круг средств, с помощью которых должен обеспечиваться особый механизм психологического воздействия на осужденного (карательных элементов), проследив изменение общегражданского статуса осужденного к этой мере (чтобы выяснить, каких прав и свобод осужденный лишается, а в каких ограничивается и с какой целью). При этом следует разграничить те лишения, правоограничения, которые имманентны (присущи) данному наказанию, и соответственно должны относиться к его содержанию, и те, которые являются следствием необходимости его принудительного исполнения и должны быть отнесены к форме его реализации¹.

Согласно ст. 49 УК РФ обязательные работы заключаются в выполнении бесплатных общественно полезных работ. То есть осужденный к данному виду наказания должен выполнять работу, за которую он не вправе получить вознаграждение. Таким образом, в этой части он лишается такого конституционного права, как право каждого на своевременное и справедливое вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ). Новое трудовое законодательство возводит обеспечение права на выплату заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи, в ранг основных принципов правового регулирования трудовых и непосредственно с ними связанных отношений (ст. 2 Трудового кодекса РФ). Правда, указанное право трудовым законодательством, в отличие от Конституции РФ, предоставляется не каждому, а только лицам, признаваемым работниками. Могут ли осужденные к обязательным работам рассматриваться в качестве таковых? Решение этого вопроса имеет принципиальное значение для определения

изменения правового статуса осужденного и для уяснения содержания наказания в виде обязательных работ. Исходя из положений ст. 15 и 20 следует констатировать, что «новый» Трудовой кодекс РФ не позволяет признать осужденного к обязательным работам работником, а значит, не наделяет и правами, предоставляемыми последним. Следовательно, не имея указанных выше трудовых прав работника, осужденный не может их лишиться либо в них ограничиваться.

Представляется, что трудовое право на вознаграждение является лишь частью (более широкого) конституционного права, которая дополнительно конкретизирует последнее применительно к работникам в узком смысле слова (то есть в понимании Трудового кодекса РФ). Соответственно осужденные к обязательным работам лишаются только конституционного права на вознаграждение за труд.

Основной Закон РФ (ст. 37) и в соответствии с ним Трудовой кодекс РФ (ст. 2, 21) устанавливают, что каждый имеет право на отдых, которое включает в себя ограничение рабочего времени, предоставление перерывов в течение рабочего дня, ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, а также оплачиваемого ежегодного отпуска. При этом временем отдыха признается время, в течение которого работник свободен от исполнения трудовых обязанностей и которое он может использовать по своему усмотрению (ст. 106 Трудового кодекса РФ). Очевидно, что лица, осужденные к обязательным работам, которые имеют основное место работы, будут ограничиваться в данном праве, поскольку, во-первых, отбывать это наказание они должны в свободное от работы время, то есть фактически проработанное осужденным время может превышать предельно установленную продолжительность рабочего времени; во-вторых, они могут привлекаться к работам и в выходные, и в праздничные дни; и, в-третьих, согласно ст. 27 УИК РФ предоставление осужденному очередного ежегодного отпуска по основному месту работы не приостанавливает исполнение наказания в виде обязательных работ.

Безусловно, лишение конституционного права на вознаграждение за труд, равно как ограничение в конституционном и трудовом праве на отдых, лишают преступника определенных благ и являются по механизму своего воздействия непосредственно направленными на причинение ему психических (нравственных) страданий, переживаний, то есть содержат кару, и, являясь карательными элементами, призванными позорить осужденного, должны относиться к содержанию данного наказания. Следовательно, можно

утверждать, что уголовно-правовая кара кроется в вышеперечисленных социально-правовых факторах условий труда осужденных.

Кроме этого, очевидно и то, что серьезные психические, моральные страдания осужденному к обязательным работам будут причиняться путем ограничения его личной свободы, лишения свободного времени, то есть возможности распоряжаться своим временем по своему усмотрению, располагать своими контактами как элементами права на свободу «самоопределения». Ведь сама конструкция обязательных работ (ст. 49 УК: «...в свободное от основной работы или учебы время...») направлена именно на то, чтобы лишить осужденного того времени, в течение которого он мог бы побыть с семьей, пообщаться с друзьями, заняться спортом, отдохнуть, украсть, выпить и т.п., и тем самым заставить его страдать, переживать. Такой вывод косвенно подтверждает и правило, установленное ст. 49 УК РФ, согласно которому осужденный может отбывать это наказание не более четырех часов в день, что является в том числе и определенным ограничением возможности осужденных отбывать обязательные работы «побыстрее». Тем самым оно направлено на принуждение осужденного к нравственным переживаниям в течение определенного периода времени. Нужно также учитывать и положения ст. 27 УИК РФ, в соответствии с которой «срок обязательных работ исчисляется в часах, в течение которых осужденный отбывал обязательные работы», а не количеством (объемом) работы, выполненной им. То есть выполнение установленного объема работ за меньший срок не является основанием для «зачета» оставшегося времени.

Право на свободу «самоопределения» (включающее возможности по распоряжению своим временем по личному усмотрению, по избранию любого не противоречащего закону образа жизни, по расположению своими личными контактами и т.п.) не имеет своего непосредственного закрепления ни в Конституции, ни в иных нормативно-правовых актах РФ, хотя можно говорить о его комплексном характере, включающем, в частности, элементы права на свободу передвижения (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ) и права на свободу существования объясняется не только невозможностью осуществления без него целого ряда иных общепризнанных прав, но также и его закреплением (как косвенным, так и прямым) в общепризнанных международных актах (например, ст. 57 Минимальных стандартов правил обращения с заключенными 1955 г.).

Следует иметь в виду, что осужденные к обязательным работам будут ограничиваться также в таком конституционном и трудовом праве, как право на свободу труда. Последнее включает в себя право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ и ст. 2 Трудового кодекса РФ). При этом представляется, что ограничение в отменном праве следует отнести не к содержанию наказания в виде обязательных работ, а к его форме, поскольку оно, прежде всего, вызвано необходимостью принудительного исполнения данного наказания (как и любого другого). Ведь испытывать карательное воздействие осужденный должен посредством привлечения к труду, то есть все карательные правоограничения будут реализо-

вываться лишь в результате выполнения им предписанной работы. Соответственно принуждение к труду обусловлено необходимостью удержания осужденного в условиях осуществления карательного воздействия, не призвано позорить его с целью порождения психических страданий. То есть труд является здесь неким механизмом, приводящим в действие работу карательных элементов. Поэтому в случае уклонения от выполнения работы осужденный будет признаваться уклоняющимся и от отбывания наказания. Следовательно, принуждение к труду есть принуждение «второго» уровня и вызвано нежеланием целенаправленного причинения страдания осужденному, а обусловлено необходимостью принудительного отбывания наказания (созданием условий для воздействия на осужденного кары).

Это объясняется тем, что наказание, само по себе являясь мерой принуждения, требует также и принудительного исполнения, поскольку в большинстве случаев у осужденного появляется вполне объяснимое желание уклониться от его отбывания. Таким образом, ограничение осужденного в праве на свободу труда в обязательных работах, в отличие, например, от наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, не является целенаправленным средством причинения страданий преступнику, а имеет иное — «обеспечительное» — предназначение. То есть оно не имманентно обязательным работам, не является его карательным элементом и, следовательно, не может относиться к его содержанию².

Поскольку ни УК РФ, ни УИК РФ не содержат каких-либо указаний об ограничении преступников в таком конституционном праве, как право на здоровые и безопасные условия труда (ч. 3 ст. 37 Конституции), то, следовательно, это право сохраняется за ними в полном объеме. Причем «новый» Трудовой кодекс РФ (ст. 209) под безопасными условиями труда понимает условия труда, при которых воздействие на работающих вредных производственных факторов (то есть тех, воздействие которых на работников может привести к их заболеванию) и опасных производственных факторов (то есть тех, воздействие которых на работников может привести к их травме) исключено либо уровни их воздействия не превышают установленных нормативов. Следовательно, осужденные к обязательным работам будут иметь право на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда, обеспечение средствами индивидуальной и коллективной защиты за счет средств работодателя, отказ от выполнения работ в случае возникновения опасности для их жизни и здоровья и т.д. То есть труд осужденных к обязательным работам во всяком случае должен организовываться с соблюдением правил охраны труда и техники безопасности, причем условия труда должны быть здоровыми и отвечать требованиям безопасности и гигиены (необходимое освещение, отопление, вентиляция и т.д.).

В литературе иногда указывается также, что содержанием этого вида наказания является «труд, от количества, характера и условий осуществления которого осужденный уклониться не вправе»³, но какое-либо обоснование подобной позиции отсутствует. Само название данного вида наказания — обязательные работы — действительно делает акцент на труде. Но действительно ли осужденные караются трудом (работой)? Если исходить из того, что труд яв-

ляется содержанием наказания (или его элементом), то возникает вопрос: а можно ли вообще наказывать трудом? Обратившись к истории уголовного права, можно найти случаи, когда сам труд (по характеру, условиям выполнения, организации) действительно являлся наказанием (карой). Это в первую очередь относится к наказанию в виде каторжных работ. Но действующее уголовное законодательство ныне вполне обоснованно не предусматривает такой меры. Ее отсутствие во многом объясняется изменившимися взглядами современного общества на карательное содержание наказания и отношением к самому труду.

На основании изложенного мы полагаем, что при дание труду свойств кары, конечно, теоретически возможно, но на данном этапе развития общества это не только будет противоречить сложившимся устоям, основным началам нашего государства, провозгласившего себя социальным, но и не будет соответствовать многим принципам уголовного и уголовно-исполнительного права, таким как экономия репрессии, гуманизм, соединение наказания с исправительно-предупредительными мерами и др., а также не будет способствовать эффективному достижению исправительной цели наказания. Более того, действующее законодательство не дает никаких оснований для превращения труда осужденных к обязательным работам в кару (в том числе и потому, что «общественно полезные» вовсе не означает «каторжные» работы). Таким образом, сам труд лиц, осужденных к обязательным работам, не является ни самостоятельным наказанием, ни каким-либо из его элементов (то есть не входит в его содержание).

Помимо отмеченных ранее лишений и правоограничений, являющихся карательными элементами наказания в виде обязательных работ, определенные «отголоски» карательных свойств можно усмотреть и в самом факте осуждения преступника, так как оно выражает отрицательную оценку виновного и его деяния, имея цель вызвать у него нравственные переживания (чувство вины, позора). Определенные отрицательные последствия для осужденного может создавать и такое уголовно-правовое последствие обвинительного приговора, как судимость. Это, видимо, и позволяет ряду исследователей считать данные категории карательными элементами, относя их к содержанию наказания⁴. Применительно к обязательным работам аналогичной позиции придерживается Н. Г. Осадчая, рассматривая и осуждение, и судимость в качестве самостоятельных элементов содержания этого наказания⁵.

Полагаем, что подобный подход вряд ли обоснован по следующим причинам. Судимость является особым правовым последствием обвинительного приговора, отражая в определенной степени «свойство» осужденного. Причем отрицательные последствия, которые она может повлечь, будут иметь уголовно-правовое значение лишь в случае совершения лицом нового преступления. Кроме того, в противном случае следует признать, что лицо продолжает отбывать наказание на протяжении всего срока судимости.

По поводу осуждения необходимо отметить следующее. Безусловно, по общему правилу при применении обязательных работ каждый раз должен выноситься приговор, выражающий отрицательную оценку поступка лица государством и обществом, то

есть всегда должен присутствовать факт осуждения. Но ведь осуждение может присутствовать и в иных случаях реализации уголовной ответственности без применения наказания, например при освобождении от отбывания наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ). Изложенное, полагаем, свидетельствует о некорректности рассмотрения осуждения в качестве элемента содержания наказания. При этом следует учитывать, что осуждение выражает порицание, являющееся неким «цементирующим» морально-правовым признаком тех лишений и правоограничений, которые составляют содержание обязательных работ, то есть оно дает им сущностную «окраску» позорящих, что и позволяет расценивать их как карательные⁶.

В результате уголовно-правовую кару при привлечении виновного к ответственности и назначении ему наказания в виде обязательных работ можно усмотреть, во-первых, в ограничении его личной свободы, лишении части свободного времени (то есть в ограничении права на свободу «самоопределения») и, во-вторых, в таких социально-правовых факторах условий труда осужденных, как оплата труда и время отдыха (то есть в лишении права на вознаграждение за труд и ограничении права на отдых).

Соответственно, основным элементом содержания исследуемого наказания является ограничение личной свободы осужденного, лишение его свободного времени (как элемент права на свободу «самоопределения»), которое непосредственно направлено на причинение преступнику психических, нравственных переживаний. При этом лишается его осужденный посредством привлечения к обязательному труду, не имеющему свойств кары. Следовательно, сам труд как основное средство исправления по своей правовой природе является иной некарательной исправительной мерой, не входящей в содержание наказания. Он лишь соединяется с наказанием (карой), которая в данном случае заключается в том числе и в ряде его условий для обеспечения оказания более весомого и эффективного воспитательного воздействия, а как следствие — для более успешного достижения исправительной цели.

Причем данное соединение имеет определенную специфику, прежде всего заключающуюся в его неразрывном характере, поскольку существование наказания в виде обязательных работ невозможно без привлечения осужденных к труду. Эта неразрывность вытекает из того, что сам труд (точнее его выполнение), как уже отмечалось, выступает, кроме всего прочего, в роли некоего «механизма», приводящего в действие работу карательных элементов обязательных работ. То есть лишиться свободного времени, оплаты и времени отдыха (тем самым претерпев ограничения в праве на свободу «самоопределения» и в социально-правовых условиях труда) осужденный может лишь посредством привлечения к выполнению труда (работы), который сам по себе лишен свойств кары (кроющейся лишь в ряде отмеченных условий его выполнения). Следовательно, осужденный подвергается воздействию и карой (наказанием), и трудом (иной некарательной исправительной мерой), в результате чего образуется своеобразный «карательно-воспитательный процесс»⁷. Необходимость соединения наказания (кары) с иными некарательными воспитательными мерами неоднократно подчеркивалась в юридической литературе⁸ и получила свое за-

крепление в ст. 8 УИК РФ в качестве общего принципа уголовно-исполнительного законодательства.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что содержание наказания в виде обязательных работ исчерпывается следующими карательными элементами: ограничением в праве на свободу «самоопределения», лишением права осужденного на справедливое вознаграждение за выполненную работу, а также ограничением в праве на отдых. Причем отмеченные элементы, безусловно, характеризуют качественную сторону содержания данного наказания. Количественная же сторона, по нашему мнению, заключается в продолжительности работ, выраженной как прямо — в общем количестве назначенных часов, так и косвенно — в календарном периоде времени, на который приходится это количество рабочих часов.

Следует учитывать, что установление карательных элементов данного наказания имеет принципиально важное значение, поскольку, с одной стороны, органам, исполняющим наказание, необходимо будет обеспечить воздействие на осужденных с их помощью, а с другой — строго воздержаться от придания карательных свойств иным средствам воздействия, не относящимся к содержанию наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ведь любое наказание, являясь мерой принуждения к страданию, требует в большинстве случаев также и его принудительного исполнения.

² Противоположную позицию высказывает, в частности, Н. Г. Осадчая (см.: Осадчая Н. Г. Обязательные работы как новый вид наказания в российском уголовном законодательстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 93–94).

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1999. С. 103.

⁴ См.: Елеонский В. А. Системный анализ содержания уголовного наказания // Проблемы юридической ответственности и исполнения наказания в свете Конституции СССР: Сб. науч. тр. Рязань, 1981. С. 44, 45, 52; Тютюгин В. И. Лишение права занимать определенные должности как вид наказания по советскому уголовному праву. Харьков, 1982. С. 6, 15–16 и др.

⁵ См.: Осадчая Н. Г. Указ. соч. С. 92, 99.

⁶ Ведь неоспоримо наличие ряда ситуаций, когда лица подвергаются аналогичным, как и при наказании, лишениям, правоограничениям, которые не являются карательными в силу отсутствия у них такого позорящего признака (например, при прохождении военной службы).

⁷ См.: Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 18.

⁸ См.: Там же. См. также: Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984; Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967 и др.

Оценка потребностей несовершеннолетнего заключенного как основа планирования мероприятий по интеграции

В. Р. ШМИДТ — декан факультета социальной работы и социального менеджмента МВШСЭН, старший научный сотрудник Института коррекционной педагогики РАО, кандидат психологических наук, научный руководитель проекта ИнформУспех-2

Интеграция подростка после отбывания наказания в социум невозможна без обеспечения доступа к социальным правам: праву на образование, труд, охрану здоровья и жилье. Этот доступ складывается из усилий самого подростка, его окружения, колонии и социальных служб (в широком смысле слова) по месту жительства. Подросток имеет право на труд, охрану здоровья, образование и жилье. Он может иметь ту или иную степень неудовлетворенности потребности в труде, образовании, охране здоровья, и чем выше степень неудовлетворенности, тем выше риск отчуждения от социальной жизни. Как у несовершеннолетнего, так и у его окружения могут быть разные ресурсы для обеспечения данных потребностей. Поэтому мероприятия по интеграции должны основываться на различии прав, потребностей и ресурсов подростков и окружения. С чего должна начинаться оценка готовности осужденного к интеграции? Традиционный подход основывается на оценке ресурсов подростка, в меньшей степени — ресурсов его окружения на свободе, и еще в меньшей степени — оценке ресурсов служб. Соответственно, в сознании специалистов присутствует установка на усиление ресурсной базы подростка как основы программ реабилитации. Потребности и права несовершеннолетних оказываются вне зоны внимания специалистов, как и оценка ресурсов окружения подростка и самих служб (колоний, социальных сервисов и т. д.). Традиционный подход порождает ряд ограничений в обеспечении интеграции несовершеннолетних.

Во-первых, возрастает риск эксклюзии подростка — многие несовершеннолетние ограничены в сво-

ей ресурсной базе настолько, что задача ее восполнения кажется нереальной, и эта группа подростков выпадает из программ реабилитации. Хотя они обладают правами, у них есть потребности, и, более того, они нуждаются в поддержке.

Во-вторых, нарушается связь между потребностями подростка и его ресурсами. Ведь не всякий наличествующий ресурс пригоден для реализации потребности. Поэтому тренинги, направленные на развитие ресурсов, могут формировать способности и навыки, которыми подросток не сможет воспользоваться в силу того, что перед ним стоят проблемы, которые не могут быть решены такими ресурсами. Даже самая добросовестная работа по развитию ресурсов подростка приводит к профессиональному «выгоранию» специалистов, поскольку специалист не может оценить результат своего труда.

В-третьих, опора на ресурсы подростка приводит к тому, что специалисты разного профиля оперируют разными системами критериев оценки ресурсов. Психологи могут оперировать одними показателями (и даже среди психологов нет единодушия относительно критериев оценки ресурсности человека); социальные работники оперируют другими показателями, а воспитатели (в воспитательной колонии) — третьими. При этом различие в подходах препятствуют взаимодействию специалистов в решении общей для них задачи — интеграции подростков.

Каким образом могут быть преодолены данные недостатки? В первую очередь, важно сместить фокус

Таблица 1. Критерии обеспечения права на образование

Критерии	Уровни				
	1 (0 баллов)	2 (1 балл)	3 (2 балла)	4 (3 балла)	5 (4 балла)
Соотношение возраста и уровня образования	Учится на том уровне, на котором и должны учиться люди его/ее возраста либо на уровне выше, чем обычно учатся люди его/ее возраста	Отстает от уровня на 1 год	Отстает на 2 года	Отстает на 3–4 года	Отстает на 5 лет и более
Учебный опыт	Учился в профессионально-техническом училище, колледже, вузе 1 год и более	окончил школу	окончил среднюю школу	Не окончил школу	Практически не учился
Интерес к учебе	Считает образование важным ресурсом, стремится улучшить свои знания в разных областях	Испытывает интерес ко многим областям знаний, однако легко отказывается от одних интересов в пользу других	Имеет интерес к ряду предметов и областей знания, интерес обусловлен практическими намерениями	Интерес к учебе фрагментарный, завязан на личности педагога	Интереса к учебе нет, считает учебу занятием для детей или недостойным по той или иной причине
Умение учиться	Умеет учиться, знает, как искать информацию, вполне самостоятелен как обучающийся	Учится, если показали, как надо делать, нуждается в инструкции	Инструкцию нужно объяснять несколько раз и следить за выполнением заданий	Понимает только простые задания, которые не требуют действия по сложной инструкции	Затрудняется при выполнении большинства заданий
Намерение получить профессиональное образование	Стремится учиться, знает несколько вариантов получения образования, просит найти необходимую информацию. Стремление учиться обусловлено желанием получить профессию	Ориентирован на определенное место продолжения учебы, стремление учиться встроено в желание обустроить свою жизнь (место в общезжитии, стипендия)	Нет особых предпочтений в месте учебы, однако есть четкие предпочтения относительно места работы и профессии, нуждается в определении потенциальных подходящих мест учебы	Не знает, стоит ли получать профессиональное образование, считает, что знает достаточно. Удовлетворен образованием, полученным до колонии и при отбытии срока	Не собирается учиться по разным причинам, при этом полагает, что образование — лишний элемент его жизни

внимания специалистов с ресурсов на потребности. Чтобы потребности могли стать предметом оценки, они должны быть операционализированы. Одним из способов операционализации потребностей в предмет диагностики становится уровневая оценка удовлетворенности потребностей (пример операционализации приведен в табл. 1).

Каждая потребность, которая соотносится с социальным правом (образование, труд, охрана здоровья, жилье), включает несколько условий ее реализации; эти условия и включены в оценку потребности в целом. Каждое условие оценивается в пяти уровнях: от полного выполнения до отсутствия. Уровневая оценка сопровождается не только количественной шкалой, но и качественным описанием каждого из уровней. Качественное описание позволяет специалистам идентифицировать задачу помощи подростку.

Общая оценка удовлетворенности потребности основывается на суммировании баллов и графике, который отражает удаленность подростка от идеального уровня по каждой из компонент потребности. Соответственно, оценка сложности случая может производиться по упрощенной схеме — на основе общего показателя, суммы оценки каждого из условий. Может быть использован и качественный подход — с выделением тех компонент потребности, которые становятся отправной точкой, запасом ресурсов для решения потребности, и, наоборот, тех компонент, которые становятся ключевым препятствием для удовлетворения потребности.

Чем дальше подросток от «беспроблемного» уровня по совокупности показателей, тем важнее:

— начать работу заблаговременно (поскольку требуется больше времени на установку контактов с

внешней средой, выполнение задачи оптимизации потребностной сферы и т. д.);

— привлечь к работе специалистов не только колонии, но и внешних служб (чем ниже уровень удовлетворенности потребности, тем больше специалистов понадобится в окружении подростка);

— определиться с тем уровнем, которого важно и возможно достичь (очевидно, что трудно добиться удовлетворения каждой потребности по максимуму);

— определить приоритетные направления работы с подростком во времени (поскольку многие подростки имеют проблемы в реализации нескольких потребностей) — какая потребность актуальна, а какая остается на отдаленное будущее.

Каждое из указанных требований задает группы показателей эффективности труда специалистов (см. табл. 2). Относительно каждого требования определены три показателя оценки эффективности:

— показатель относительно работы *конкретного специалиста* (социального работника, воспитателя, психолога);

— показатель *внутрикомандной* работы (эффективность работы команды);

— показатель относительно оценки «политики» *учреждения* (будь то воспитательная колония или социальная служба).

Заблаговременность подготовки к жизни на свободе

Формально, подготовка к освобождению должна начинаться за полгода до освобождения. Однако,

как показывает опыт, многие подростки нуждаются в более длительном периоде. Например, отсутствие свидетельства о рождении, пробелы в образовании, трудности взаимодействия с родственниками могут требовать работы и на протяжении всего срока заключения. Однако перегруженность сотрудников колонии обуславливает применение и другого критерия — экономичности предпринимаемых усилий. Одним из вариантов решения дилеммы между заблаговременностью и экономичностью становится проведение предварительной оценки потребностей подростка на этапе пребывания в карантине, когда все специалисты колонии осуществляют диагностику подростка. Уровневая оценка позволяет оценить сложность «случая» как комбинацию между комплексностью проблем (не одна, а несколько потребностей не реализованы) и степенью их неудовлетворенности. Только при таком условии можно добиться заблаговременного выполнения задачи ресоциализации. Поэтому специалисты должны обмениваться имеющимися данными по подростку. Случаи различий в оценке потребностей подростка в заключении могут становиться источником преодоления стереотипов в отношении подростка, поэтому нужны процедуры заблаговременной оценки рисков реализации той или иной потребности. Кроме того, изучение потребностей несовершеннолетнего должно быть встроено в планирование воспитательной работы с ним в период пребывания в колонии.

Привлечение служб и специалистов

Несомненно, подросток приходит в колонию с грузом проблем, которые усиливаются лишением свободы, но не так часто создаются именно этим фактором. Преступление — последнее звено в цепочке событий жизни. Специалисту сложно помочь подростку, если он не понимает специфики этой жизни и не распознает все еще актуальные проблемы, которые тянутся из

прошлого и с которыми подросток столкнется, выйдя из колонии. Можно ли решить эту задачу только силами колонии? Отрицательный ответ очевиден. Однако в период заключения колония несет ответственность за подростка, и в том числе, за его подготовку к жизни на свободе. Поэтому решающая задача сотрудников колонии — привлечь к решению проблем подростка другие службы. Социальный работник колонии скорее выступает как брокер — распространитель информации, чем как коррекционист. Задача сотрудника колонии — понять, какие задачи ему под силу решить, а какие требуют участия других специалистов. В последнем случае сотрудник колонии должен уметь представлять информацию внешним службам так, чтобы представители этих служб ясно понимали суть задачи. Однако и перед этой группой специалистов стоит аналогичная задача — выполнить свое предназначение и не захватить территорию другого специалиста. Компетентность специалиста в области делегирования формируется исключительно в ходе взаимодействия — специалист понимает суть работы другой службы, если взаимодействует с этой службой. Соответственно, одной из задач администрации колонии становится развитие такой внешней сети, поддержание отношений с различными организациями.

Определение «потолка» в реализации потребности

Данный принцип балансирует между реалистичностью оценки ситуации жизни подростка и стремлением содействовать ее улучшению. Поэтому специалист не должен исходить из сверхзадачи, как бы эта задача ни была сформулирована: не допустить рецидива; добиться того, чтобы подросток жил жизнью «нормального человека»; всесторонне развивать личность подростка и т.д. Все эти задачи представляют собой миссию, но не помогают определиться с тем, соответствуют ли вложенные усилия полученным

Таблица 2. Эффективность мероприятий по ресоциализации (на основе оценки потребностей)

Требование	Показатели эффективности		
	Специалист	Команда	Учреждение
Заблаговременность подготовки к жизни на свободе	Осуществление оценки потребностей на этапе пребывания подростка в карантине		
	Согласованность оценки сложности случая среди специалистов и/или наличие процедур по учету различий во мнении специалистов	Встроенность программ по ресоциализации в общую программу воспитательной работы (адаптация, преодоление отставания, трудовое воспитание и т.д.)	
Привлечение к решению задачи интеграции специалистов других служб (как внутри колонии, так и вовне)	Определении границ своей компетентности каждым специалистом («что я могу и не могу выполнить»)	Знание о том, кому и как делегировать выполнение той или иной задачи (например, социальный работник знает, к кому обратиться для восстановления связи с семьей)	Развитие внешней сети вокруг воспитательной колонии, привлечение социальных служб
Определение «потолка» в обеспечении потребности подростка	Гибкий подход к определению предполагаемого результата		
(следование оптимистической гипотезе развития ситуации)	Описание проблемы подростка как задачи, которая требует решения, четкое формулирование плана действий и результатов как для себя, так и для других участников команды	Определение пробелов взаимодействия колонии и социальных служб, из-за чего потребность не может быть удовлетворена на более высоком уровне	
Выявление приоритетов в реализации потребностей подростка	Учет позиции подростка и его окружения	Минимизация накладок (повторов) в работе сотрудников и преемственность в их деятельности	Мониторинг тенденций и исключительных случаев в решении проблем интеграции (в том числе обобщение данных, их представление профессиональному сообществу)

результатам. На уровне специалиста важно определиться не только с тем, каков актуальный уровень реализации потребности, но и выдвинуть предположение относительно того, до какого уровня реально прийти в данной ситуации. Эта простая, на первый взгляд, задача требует неформального подхода в оценке ресурсов подростка и его окружения. Например, просто наличие семьи и обоих родителей не становится достаточным условием для того, чтобы прогнозировать возможность социализации подростка по максимуму. Важно оценить характер отношений подростка с родственниками и ресурс оптимизации этих отношений. Командное взаимодействие может помочь в постановке задачи — для этого специалисты команды должны четко понимать свои ожидания от других специалистов и уметь четко формулировать свой запрос к коллегам по ведению случая подростка. Несомненно, одним из основных ограничений в достижении высоких результатов обеспечения потребностей сферы подростка становится общий уровень обеспечения социальных прав. Поэтому службы, вовлеченные в решение проблем заключенного подростка, должны вести мониторинг взаимодействия и выявлять пробелы, которые приводят к воспроизведению одной и той же проблемы. Пробелы взаимодействия наблюдаются в деятельности служб трудоустройства и служб по работе с семьей. Эти направления заслуживают пристального внимания и разработки программы мероприятий по оптимизации взаимодействия.

Приоритеты потребностей подростка

Одна из проблем планирования помощи подростку — разное понимание потребностей подростка им самим и профессиональным окружением. Например, недостатки в образовании кажутся важными взрослому, который предполагает найти вечернюю школу по месту жительства или колледж, тогда как подросток не намерен продолжать образование и собирается устроиться на работу, не требующую особой квалификации. Важно прорабатывать с подростком варианты развития событий при разном подходе к оценке потребностей. Существует риск того, что какие-то мероприятия в отношении подростка будут продублированы, а какие-то так и не будут осуществлены. Риск дублирования присутствует в двух случаях: при недостатке взаимодействия психолога и социального работника в колонии и при передаче подростка из колонии под присмотр социальных служб. Например, одни и те же процедуры по профориентации проводятся в колонии и центре занятости без всякого соотнесения результатов, полученных раньше и позже. Несомненно, колония — то место, где язвы социального обеспечения проявляются весьма ярко. Поэтому мониторинг изъяснов работы системы социальной защиты должен осуществляться и в этой сфере. В качестве примера можно указать на проблему задолженности по коммунальным платежам, которая случается из-за недобросовестного поведения родителей подростка, но решать которую зачастую приходится подростку. Аналогичную проблему представляет установление статуса сироты — многие из несовершеннолетних, попадающих в колонию, фактически сироты — их родители не занимаются ими, подростки могут не иметь отношений с родителями, однако статуса сироты и льгот, причитающихся по такому статусу, эти подростки не получают. Судебная процедура установления статуса достаточно сложна для реализации силами колонии, и эта группа под-

ростков оказывается отчужденной от целого ряда социальных возможностей.

Предполагается, что применение указанных показателей обеспечивает не только решение проблем подростка, но и формирует некий зазор между уже существующим уровнем практики помощи и возможными направлениями улучшения мероприятий по интеграции подростка. Поэтому все критерии группы «Учреждения» подчиняются задаче мониторинга и выделения постоянно возникающих проблем, требующих системного решения.

Применение разработанной методики в воспитательных колониях определило ряд наиболее распространенных недочетов в планировании и реализации программ помощи подросткам. Преодоление этих недочетов основывается как на выявлении причин их возникновения в практике специалистов, так и на способах минимизации возникших недостатков. Взяв группы показателей, характеризующих работу специалиста, приведем примеры часто возникающих недочетов, причины их возникновения и способы преодоления (см. табл. 3).

В качестве примеров рассмотрим план ресоциализации, разработанный для одного из подростков, пребывающих в колонии.

Пример. П-ов Александр до осуждения воспитывался в интернате (около 2 лет, после лишения родителей прав), где также находятся две его сестры и брат. В свое время Александр бежал из интерната к матери, где по месту ее жительства и совершил преступление. Александр сообщил координаты интерната, и просил выяснить, там ли находятся его сестры и брат. Специалист обратился в интернат и выяснил, что сестры и брат действительно обучаются в интернате. После этого Александр сообщил, что не хотел бы продолжать обучение в интернате и просил искать возможности обучения в ПТУ и/или возврата к матери. С Александром были проведены разъяснительные беседы о необходимости возвращения в интернат, после которых он выразил согласие вернуться туда.

Допущенные просчеты в ведении случая:

На уровне сбора информации:

1. Нет информации о характере отношений Александра и сотрудников интерната. На кого в интернате можно выйти с целью уточнения истории отношений Саши и интерната? Кто из персонала пользовался доверием мальчика? Как выглядит поведение Александра с точки зрения интерната (что они о нем знают и как это знание преподносят?)
2. Нет уточнения информации о матери: как она относится к ситуации, в которой оказался Саша? как можно с ней связаться? чего ожидает от нее сам Саша? каковы были их отношения до того, как он попал в колонию?
3. Нет уточнения информации о профессиональных намерениях мальчика — в том числе о том, кем он хочет стать, каков его опыт, каковы его ресурсы в освоении специальностей.

На уровне принятия решения:

1. Круг решений специалиста сужен — важным приоритетом становится место, в которое следует отправить подростка после освобождения.

2. Направленность некоторых решений не совсем ясна — в частности, каким будет эффект от выстраивания связи мальчика и его сестер и брата; как эта связь будет восстановлена и т.д.

3. Как было решено, что интернат — приемлемый вариант (с учетом того, что мальчик бежал оттуда, а информации об отношениях с сотрудниками интерната явно недостаточно).

4. Какова общая оценка случая и желаемого результата работы (как специалист поймет, что случай разрешен успешно?)

На уровне реализации решения:

1. Каков риск того, что подросток решил подыграть взрослому и согласиться с мнением взрослого, чтобы взрослый «отстал» от него?

2. Какой информации не хватает для планирования работы?

Отсутствует информация об отношениях мальчика и интерната: как Саша попал в интернат, с кем у него сложились позитивные отношения, какие пробле-

мы возникли в интернате, что его побудило убежать. Важно узнать мнение и Саши, и сотрудников интерната. Имеет смысл спросить у Александра, с кем из сотрудников интерната он хотел бы пообщаться. После этого выйти на контакт с интернатом и обсудить с сотрудниками данные проблемы. Цель — *прояснить наличие ресурса выстраивания отношений мальчика и интерната.*

Информация о матери: по месту жительства сделать запрос в ЦСО с просьбой оценить состояние условий жизни матери. Также попытаться найти по месту жительства мальчика адекватный вариант помощи.

Анализ работы по данному случаю указывает на то, что показатели эффективности ресоциализации должны составлять не только и не столько план проверки работы сотрудников, но основу самоанализа их деятельности, чтобы специалист знал, в каком направлении совершенствовать свою работу.

Таблица 3. Пробелы работы специалиста по подготовке к освобождению

Показатель эффективности	Пробелы в реализации	Причины возникновения пробела
Осуществление оценки потребностей на этапе пребывания подростка в карантине		
	Нет четкого соотнесения плана действий со временем (когда отправить запрос; каков крайний срок проведения намеченной консультации)	
	Недостаток внешнего контроля, пробелы в анализе собственной профессиональной практики — специалист не видит последствий своего «опоздания»	
Определение границ своей компетентности каждым специалистом («что я могу и не могу выполнить»)	Специалист берет на себя задачу другого специалиста или, наоборот, перекладывает свою задачу на другого	Вакуум вокруг специалиста, который занимается ресоциализацией (не с кем разделить ответственность)
Гибкий подход к определению предполагаемого результата		
(следование оптимистической гипотезе развития ситуации)	Наличие жестких стереотипов в оценке потребностей подростка и его ресурсов (например, не принимаются во внимание проблемы в семье)	Сосредоточенность на подростке, а не ситуации «подросток — семья — профессионалы»
Учет позиции подростка и его окружения	Пренебрежение мнением подростка и его семьи	Семья рассматривается не как клиент, а как ресурс или препятствие

Социальная интеграция подростка — задача, о которую ломается не одна профессиональная судьба. Чем вдумчивее специалисты подходят к работе и

оценке качества своего труда в направлении ресоциализации, тем успешнее они справляются с задачей самосохранения.

Постпенитенциарная социальная реабилитация освободившихся лиц

Е. Я. ТИЩЕНКО — начальник пресс-службы ГУФСИН России по Свердловской области, доктор педагогических наук, профессор

В настоящее время в исправительных колониях России отбывает наказание около 900 тыс. чел., а в Свердловской области — около 48 тыс. чел., более 70% из них — лица моложе 30 лет. Ежегодно из исправительных учреждений ФСИН России освобождается около 200 тыс. чел., из них около трети — условно-досрочно. Практически у каждого пятого существуют серьезные проблемы постпенитенциарной социальной реабилитации.

В последние годы в России процесс реформирования уголовно-исполнительной системы направ-

лен на гуманизацию наказания. Однако социальные трудности после освобождения и отсутствие социальной помощи в период адаптации к жизни на свободе значительно снижают успехи по коррекции личности осужденного, достигнутые в период отбывания наказания. Все меньшее количество людей, однажды оказавшихся в местах лишения свободы, имеет возможность после освобождения вернуться к полноценной жизни.

Данная ситуация усугубляется тем, что в период реформирования системы государственного

управления были разрушены структуры, которые осуществляли социальный контроль над лицами, освободившимися из мест лишения свободы, и занимались решением вопросов их трудового и бытового устройства. С органов внутренних дел такие функции были сняты, а наблюдательные инспекции упразднены вместе с райисполкомами. В результате бывшие осужденные вынуждены самостоятельно решать социальные проблемы. Многие из них не имеют реальной возможности решить вопросы трудоустройства и проживания одобряемыми обществом способами. В первую очередь это касается осужденных, у которых социальные связи были утрачены изначально или в период отбывания наказания (в частности, бывших воспитанников детских домов и школ-интернатов). Этим во многом объясняется то, что около 30% повторных преступлений совершается в течение трех месяцев после освобождения.

В настоящее время за пределами уголовно-исполнительной системы фактически отсутствуют учреждения, выполняющие функцию социальной реабилитации освобожденных лиц, не разработана концепция постпенитенциарной социальной реабилитации, не выработана государственная политика в отношении лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, и соответствующая законодательная база, не согласована деятельность исправительных учреждений и различных государственных служб.

Все это обуславливает необходимость создания эффективно действующей системы реабилитации граждан, отбывающих наказание и освободившихся из мест лишения свободы, их адаптации к условиям жизни в постпенитенциарный период на основе гуманистических и демократических принципов, отвечающих международным правовым нормам. Такая система должна быть непрерывной и включать в себя взаимосвязанные и взаимодействующие исправительные и постпенитенциарные реабилитационные учреждения.

Разработка концепции системы социальной реабилитации должна основываться на специальной программе научных исследований, основные направления которой должны быть следующими:

- исследования реабилитационного потенциала осужденных и освободившихся лиц, внедрение результатов исследований в практику пенитенциарных заведений, а также всех заинтересованных государственных и негосударственных организаций;

- изучение проблемы взаимоотношений общества и пенитенциарных учреждений в целях формирования положительного общественного мнения по поводу социально-педагогических возможностей исправления лиц, осужденных к лишению свободы, как в период отбывания наказания, так и после освобождения; адекватного понимания осужденными и освободившимися лицами их прав и обязанностей перед обществом.

Следует предусмотреть создание специальной федеральной службы по вопросам социальной реабилитации освобожденных лиц (возможно, в составе Министерства юстиции), а также разработку соответствующей законодательной базы для деятельности органов, занимающихся социальной реабилитацией осужденных.

В настоящее время для реализации мер, направленных на социальную реабилитацию лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, необходимо рассмотреть возможность внесения изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации по следующим направлениям:

1. *Паспортизация.* Согласно п. 4 ст. 173 УИК РФ паспорт освобождаемого от ограничения свободы, ареста или лишения свободы, его трудовая книжка и пенсионное удостоверение, хранящиеся в личном деле осужденного, выдаются ему на руки при освобождении. При отсутствии паспорта, трудовой книжки и пенсионного удостоверения в личном деле осужденного, а также в случае, если срок действия паспорта истек, администрация исправительного учреждения заблаговременно принимает меры по их получению. В случае необходимости получения нового паспорта расходы, связанные с его выдачей, удерживаются из средств, находящихся на лицевом счете осужденного. Если у осужденного отсутствуют средства на лицевом счете, расходы, связанные с выдачей нового паспорта, должны оплачиваться за счет государства.

В соответствии с п. 44 Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации «Об утверждении инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина Российской Федерации» от 15.09.1997 № 605 лицам, освобождаемым из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, которые до осуждения не имели паспортов (или если их приобретение к личным делам осужденных не представлялось возможным), паспорта оформляются и выдаются паспортно-визовыми подразделениями органов внутренних дел, на территории обслуживания которых находятся исправительные учреждения. Однако на сегодняшний день данные положения не выполняются в связи с отсутствием должного финансирования. Кроме того, распоряжением Главного паспортно-визового управления МВД Российской Федерации от 16.01.2004 № 1621 определено, что порядок по документированию осужденных, не имеющих средств на лицевом счете, паспортами гражданина Российской Федерации остается прежним, при этом плата за выдаваемые паспорта должна взиматься в обязательном порядке до особого распоряжения, что противоречит вышеуказанным нормам федерального законодательства.

На основании изложенного предлагается при формировании федерального бюджета предусмотреть средства на оформление паспортов лицам, освобождаемым из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и установить механизм их расходования, определив получателем средств ФСИН России, которая в свою очередь будет финансировать выдачу паспортов Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Следует отметить, что некоторые осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, являются иностранными гражданами и лицами без гражданства (в частности, в Свердловской области — более 500 чел.). И исполнить в отношении их ст. 173 УИК РФ о приобретении паспорта к личному делу не представляется возможным.

2. *Образование.* Большое значение для лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения сво-

боды, имеет уровень образования, от которого напрямую зависит возможность дальнейшего трудоустройства. Согласно п. 1 ст. 108 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в исправительных учреждениях организуются обязательное начальное профессиональное образование или профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него. Однако п. 7 ст. 50 Федерального закона «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 предусмотрено право граждан на получение впервые бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального образования и на конкурсной основе среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов. Таким образом, исключается возможность получения второго профессионального образования с учетом востребованности профессии, если осужденный оказывается в местах лишения свободы, уже имея профессиональное образование.

Частью 2 п. 7 ст. 50 Федерального закона «Об образовании» предусмотрено, что граждане Российской Федерации вправе в установленном порядке неоднократно получать бесплатное профессиональное образование по направлению государственной службы занятости в случае потери возможности работать по профессии, специальности, в случае профессионального заболевания и (или) инвалидности, в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Исходя из вышеизложенного необходимо расширить перечень случаев получения второго бесплатного профессионального образования, включив в него осужденных к лишению свободы, находящихся в исправительных учреждениях, имеющих профессию, по которой осужденный не может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него. Введение в законодательство данного положения поможет осужденным за время нахождения в исправительном учреждении обучиться востребованной профессии, позволит трудиться по этой специальности в исправительном учреждении и увеличит их шансы на трудоустройство после освобождения.

Кроме того, при обучении осужденных необходимо учитывать востребованность профессий, которым они обучаются. В связи с этим предлагается обязать администрацию исправительных учреждений организовывать обучение профессиям, по которым, согласно статистическим данным, имеются вакансии, что увеличит возможность устройства на работу по профессии после освобождения.

3. Трудоустройство. Немаловажной частью социальной реабилитации является трудоустройство лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы.

Согласно п. 2 ст. 5 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1 государственная политика в области содействия занятости населения направлена на обеспечение социальной защиты в области

занятости населения, проведение специальных мероприятий, способствующих обеспечению занятости граждан, особо нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске работы, включая лиц, осужденных к лишению свободы и не обеспеченных работой по независящим от них причинам, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание.

Наиболее эффективным способом обеспечения трудоустройства лиц, освободившихся из исправительных учреждений, является установление квоты для их приема на работу. Согласно ст. 16 Трудового кодекса Российской Федерации одним из оснований возникновения трудовых отношений является направление на работу уполномоченными законом органами в счет установленной квоты.

В настоящее время законодательством Российской Федерации предусмотрено квотирование рабочих мест для инвалидов (ст. 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов»). Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за отказ работодателя в приеме на работу инвалида в пределах установленной квоты (ст. 5.42 Кодекса). Предлагается целесообразным дополнить Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» и Трудовой кодекс Российской Федерации положениями, предусматривающими установление квоты для приема на работу лиц, освобожденных от отбывания наказания, а также предусмотреть в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях меры ответственности за отказ работодателя в приеме на работу лиц, освобожденных от отбывания наказания.

4. Постановка на учет. Согласно п. 7 Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении порядка регистрации безработных граждан» от 22.04.1997 № 458 регистрация безработных граждан в целях поиска подходящей работы и регистрация граждан в качестве безработных осуществляются по предъявлении паспорта или иного документа, удостоверяющего личность. Однако многие лица, освободившиеся из исправительных учреждений, не имеют таких документов по независящим от них причинам, вследствие чего они лишены возможности встать на учет в органах государственной службы занятости. В связи с этим предлагается изменить процедуру постановки на учет, предоставив органам государственной службы занятости право регистрировать в качестве безработных лиц, освободившихся из исправительных учреждений и не имеющих на момент обращения в службу занятости паспорта, не имеющих отметки о регистрации по месту жительства в связи с оформлением паспорта (отметки о регистрации по месту жительства) в паспортно-визовой службе. Постановку на учет предлагается осуществлять на основании справки об освобождении из учреждения исполнения наказания и отметки о регистрации в ОВД по месту пребывания.

5. Трудозанятость осужденных в местах лишения свободы. Необходимо рассмотреть возможность увеличения финансирования федеральной целевой программы трудоустройства осужденных и расширить перечень мероприятий подпрограммы «Реформирование промышленного сектора уголовно-

исполнительной системы и содействие трудовой занятости осужденных». Увеличение оснащенности промышленным оборудованием мест лишения свободы приведет к увеличению занятости осужденных, освоению ими новых профессий и приобретению квалификации, увеличит конкурентоспособность исправительных учреждений при участии в конкурсах на размещение заказов, что приведет к росту доходов исправительных учреждений.

Кроме того, существует противоречие между ст. 66 Трудового кодекса РФ и ст. 173 ч. 4 по обеспечению трудовыми книжками осужденных, не работавших до осуждения и в период отбытия наказания.

Представляется целесообразным рассмотреть возможность установления налоговых льгот для организаций, размещающих заказы в исправительных учреждениях, и организаций, которые принимают на работу лиц, освобожденных из исправительных учреждений.

6. *Центры социальной реабилитации освобожденных лиц.* Центры социальной реабилитации должны предусматривать бесплатное проживание и питание до получения рабочего места и гарантированной зарплаты при условии участия в общественно полезных работах. Центрам необходимо придать статус специальной социальной программы, предусмотреть льготы по налогообложению и оплате коммунальных услуг. В крупных городах необходимо создание общежитий-пансионатов на 40–50 чел. для освобожденных лиц, не имеющих социальных связей (сроком до 6 месяцев) по направлению учреждений ФСИН России. В Центрах социальной реабилитации следует предусмотреть систему социального мониторинга по проблемам трудоустройства, жилья и социальной помощи; организацию психологического и юридического консультирования бывших осужденных, а также членов их семей; реабилитационные курсы, курсы по профилактике алкоголизма и наркомании под руководством соответствующих специалистов.

7. *Контроль.* На сегодняшний день законодательством не урегулирован вопрос о контроле над условно-досрочно освобожденными лицами и лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В соот-

ветствии с ч. 6 ст. 79 УК РФ контроль над поведением лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы, осуществляется специализированным государственным органом, который на данный момент не существует. В связи с этим до создания такого специализированного органа предлагается расширить компетенцию в данной сфере участковые уполномоченные милиции, внося соответствующие изменения в Приказ Министерства внутренних дел «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» от 16.09.2002 № 900.

Кроме того, согласно Приказу Минюста России от 30.12.2005 № 262 в штате группы соцзащиты пенитенциарного учреждения должно быть не менее двух аттестованных сотрудников. Фактически во многих учреждениях имеется по одному сотруднику либо не аттестованные сотрудники, а есть подразделения, в которых такие группы в настоящее время вообще отсутствуют.

Вместе с тем необходимо отметить, что в исправительных учреждениях, например в Свердловской области, проводится серьезная подготовка осужденных к освобождению: практически во всех колониях обеспечена возможность получения общего и начального профессионального образования: в ФГУ ИК-2 (общий режим), ИК-10 (строгий режим), ИК-6 (женская колония) осужденные получают среднее и высшее профессиональное образование в группах колледжа и университета при колонии. В колониях специалисты проводят работу с осужденными в Школах освобождающегося, изыскиваются возможности совместно с Попечительскими советами, другими государственными и негосударственными организациями по обеспечению паспортами освобождающихся, обеспечивают их одеждой.

Однако отсутствие федерального закона о социальной адаптации бывших осужденных с четким определением государственных органов, обязанных решать социальные проблемы данной категории лиц, значительно снижает эффективность титанического труда сотрудников всех служб, в том числе и социальных, пенитенциарных учреждений России, призванных возвращать в общество правопослушных граждан страны. ■

О работе Вологодского института права и экономики ФСИН России по реализации российско-швейцарского проекта «Совершенствование системы подготовки и практической деятельности специалистов в области социальной работы в УИС»

■ **В. В. ПОПОВ** — начальник Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Современная уголовная и уголовно-исполнительная политика России последовательно развивается в направлении гуманизации законодательства, сокращения численности осужденных в местах лишения свободы, более широкого применения альтернативных видов наказания¹. Совокупность принимаемых государством мер приводит к изменению внутренней сути пенитенциарных учреждений. Деятельность УИС все больше приобретает социальную направ-

ленность. Ее развитие идет по пути переориентации исправительных учреждений в центры социальной реабилитации в условиях изоляции. Все шире реализуются специальные программы работы с осужденными, включающие получение образования, профессии, оказание всех видов социальной помощи. Последовательно осуществляется курс на законодательное закрепление социальных прав осужденных, что создает благоприятные условия для успешной

работы с ними как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

Важнейшей вехой на пути развития пенитенциарной социальной работы в общеевропейском масштабе стало принятие 11 января 2006 г. новых Европейских пенитенциарных правил, в которых (по сравнению с правилами 1973 и 1987 гг.) существенно уточнены и значительно расширены требования к внедрению и использованию социальных институтов в работе с осужденными, соблюдению их прав по предоставлению им дополнительных социальных гарантий².

В свете реализации данных требований деятельность уголовно-исполнительной системы приобретает все большую социальную направленность. Развитие УИС идет по пути трансформации исправительных учреждений в центры социальной реабилитации в условиях изоляции. Все шире реализуются специальные программы, включающие получение осужденными общего и профессионального образования, оказание им всех видов социальной помощи.

Последовательно осуществляется курс на законодательное закрепление социальных прав осужденных. Только за последние два года было принято 9 федеральных законов, непосредственно относящихся к сфере исполнения уголовных наказаний, свыше 30 нормативных правовых актов, которые значительно расширили объем социальных прав лиц, отбывающих наказание³. Принимаемые меры позволили существенно укрепить социальный статус осужденных. Таким образом, созданы предпосылки для успешной работы с ними как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

Внедрение в отечественную пенитенциарную практику социальной работы обусловило создание специальных подразделений (групп социальной защиты осужденных), которые в настоящее время успешно осуществляют работу по выявлению социальных проблем лиц, отбывающих наказание; обеспечивают необходимые условия для их социальной поддержки; осуществляют подготовку к освобождению; оказывают содействие в восстановлении и укреплении социально полезных связей, бытовом и трудовом устройстве после освобождения, оформлении документов.

Результаты специальных исследований, проведенных институтом, свидетельствуют, что практические органы и учреждения УИС испытывают острую потребность в специалистах, способных обеспечить выполнение функций социального сопровождения процесса исполнения уголовных наказаний. Отмечается недостаточный уровень профессиональной подготовки социальных работников. Только 30,2 % сотрудников, замещающих должности социальных работников УИС, имеют высшее и среднее специальное образование по профилю работы, 63,7 % социальных работников имеют стаж работы в должности менее трех лет. При этом большинство практических работников УИС (более 82 %) считают социальную работу одним из наиболее важных и перспективных направлений реформирования УИС⁴.

Вместе с тем социальная работа в УИС, рассматриваемая в свете новых Европейских пенитенциарных правил как важнейшее средство исправления осужденных, находится лишь в стадии становления.

Формируется нормативно-правовая база (только 19,1% опрошенных специалистов по социальной работе УИС оценивают существующее состояние правовой регламентации социальной работы как удовлетворительное), ощущается острый недостаток в квалифицированных специалистах, способных обеспечить выполнение функций социального сопровождения процесса исполнения уголовных наказаний.

Внедрение в практику деятельности УИС социальной работы как необходимого условия гуманизации исполнения уголовных наказаний⁵, следование требованиям Европейских пенитенциарных правил предопределили введение в учебных заведениях ФСИН России подготовок специалистов в области социальной работы, проведение научно-исследовательской деятельности в данном направлении.

Начало этой работы было положено Академией права и управления ФСИН России, в которой с 1997 г. при активной поддержке Департамента иностранных дел Швейцарии осуществляется подготовка специалистов в области социальной работы для УИС по очной и заочной формам обучения.

Положительный опыт академии нашел свое продолжение и развитие в деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России по реализации с 2002 г. российско-швейцарского проекта «Совершенствование системы подготовки и практической деятельности специалистов в области социальной работы в УИС».

Основная цель проекта — содействие формированию гуманной системы исполнения уголовных наказаний и создание структуры профессионального образования специалистов по социальной работе УИС.

Успех проекта был изначально обусловлен высоким уровнем его организации и постоянным составом участников. Протокол о сотрудничестве был подписан ГУИН Минюста России и Департаментом иностранных дел Швейцарии в апреле 2002 г. Руководство осуществляет постоянно действующая координационная группа, в состав которой входят представители швейцарского управления развития и сотрудничества, центрального аппарата ФСИН России, НИИ и образовательных учреждений ФСИН России. Особенно заметна работа в группе г-на Ф. Хохштрассера (независимого эксперта проекта), г-на Л. Видмера (менеджера проекта), а также В.Л. Полозюка (начальника Управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России) и И. В. Евдокимова (технического координатора проекта)⁶. Большую помощь в осуществлении проекта оказывает институту Академия права и управления ФСИН России, которая имеет значительный опыт международного сотрудничества в данной сфере.

Комплексный, системный характер проекта, гибкость форм и методов его реализации позволили добиться существенных результатов в достижении поставленных задач.

В ходе реализации проекта в институте:

— создана инфраструктура для подготовки социальных работников (выделены соответствующие штаты, подготовлен профессорско-преподаватель-

ский состав, создана кафедра социальной психологии и социальной работы, определены источники финансирования, сформирована учебная, научная и материальная база);

— повысился уровень взаимодействия с практическими органами УИС и социальными учреждениями;

— формируется концепция подготовки специалистов по социальной работе в УИС.

Данные направления деятельности института ориентированы на удовлетворение потребности УИС в квалифицированных кадрах и осуществляются на основе постоянного мониторинга состояния социальной работы. Так, результаты опроса специалистов по социальной работе УИС показали, что 81,5 % респондентов считают необходимыми постоянное самообразование, повышение собственного профессионального уровня, развитие профессиональных компетенций. При этом 83,8 % опрошенных имеют высокий уровень мотивации к продолжению профессионального образования.

Подготовка специалистов в институте в области пенитенциарной социальной работы осуществляется по четырем уровням: дополнительная подготовка, повышение квалификации, обучение по специальности «Социальная работа», профессиональная переподготовка.

В целях углубленного изучения курсантами очной пятилетней формы обучения проблем социальной работы с осужденными в образовательные программы по специальностям «Юриспруденция», «Управление персоналом» и «Психология» включены дополнительные спецкурсы по выбору обучающихся, предусматривающие их дополнительную подготовку в объеме 60 часов. Это позволяет курсантам более полно осуществлять социальные функции в своей будущей профессиональной деятельности.

В период с 2002 г. институтом проведено обучение на очных курсах повышения квалификации свыше 200 слушателей из 23 регионов страны из числа сотрудников групп социальной защиты осужденных, непосредственно занимающихся вопросами социальной работы. Обучение на курсах повышения квалификации, осуществляемое в объеме 260 часов, позволяет слушателям в сжатые сроки изучить изменения в действующем законодательстве, освоить новые формы и методы социальной работы, повысить уровень профессиональной компетентности в области социальной работы с осужденными.

В 2005 г. в институте осуществлен первый набор курсантов на очное пятилетнее обучение по программе высшего профессионального образования по специальности «Социальная работа». В настоящее время обучается 78 курсантов из 15 региональных управлений.

Используя зарубежный опыт подготовки специалистов по социальной работе для пенитенциарных учреждений, институт впервые в России приступил к переподготовке выпускников гражданских вузов для работы в УИС. В течение 2005–2006 гг. обучение прошли 44 слушателя, в 2007 г. произведен набор 23 слушателей. Обучение на курсах профессиональной переподготовки сотрудников УИС по социальной работе

осуществляется в течение 3,5 месяцев. Его проходят специалисты с опытом практической деятельности в области пенитенциарной социальной работы, не имеющие профильного образования. Обучение ориентировано на овладение профессиональными компетенциями, подготовку к квалифицированному осуществлению должностных обязанностей. По итогам обучения слушатели получают дипломы государственного образца.

В настоящее время акцент делается именно на эту форму обучения, поскольку она позволяет в условиях дефицита специалистов в сжатые сроки при незначительных затратах подготовить достаточное количество социальных работников для пенитенциарных учреждений.

Востребованность этой формы обучения подтверждается и специальными исследованиями. По мнению 2/3 респондентов из числа руководителей учреждений и социальных работников, повышение квалификации и профессиональная переподготовка являются оптимальными формами подготовки социальных работников УИС в современных условиях.

При оценке результатов обучения от 37,5 % до 62,5% слушателей отметили, что курсы позволили им развить интеллектуальные техники (наличие профессионального мышления и знаний, необходимых для осуществления профессиональной деятельности), владение которыми является необходимым условием осуществления профессиональной социальной работы в УИС; освоить навыки организационной и административной деятельности в области социальной работы УИС; усовершенствовать практические умения в области социальной работы с осужденными, повысить уровень социальной и личной компетентности.

В институте с участием Ф. Хохштрассера с позиций компетентностного подхода разработана модель специалиста по социальной работе с осужденными, определяющая содержание профессиональной подготовки кадров УИС. Компетентностный подход⁷ позволяет наделить выпускника не столько суммой знаний, навыков и умений, о которых мы привыкли говорить при использовании традиционного подхода, сколько интегрированным сочетанием знаний, способностей, готовности и опыта, позволяющих эффективно выполнять профессиональную деятельность в изменяющейся обстановке.

Важным условием успешного развития социальной работы в УИС является формирование ее позитивного имиджа. Специальные исследования, проведенные институтом, позволили определить оптимальные пути формирования позитивного общественного мнения о пенитенциарной социальной работе. Так, 35,8 % опрошенных экспертов назвали в их числе необходимость рекламы и освещения достигнутых практических результатов в СМИ, 41,2 % — проведение научно-практических и обучающих конференций и семинаров с сотрудниками, 52,6 % — оказание результативной практической помощи осужденным, 58,3 % — формирование традиций, свыше 70 % — активность и широту профессиональных контактов.

В связи с этим институтом проведен значительный комплекс мероприятий по созданию положительного

имиджа социальной работы в УИС. Вопросы развития социальной работы неоднократно обсуждались в ходе научно-практических конференций, семинаров и «круглых столов», на которые приглашались не только практические работники органов и учреждений УИС, но и гражданских социальных учреждений. Кроме того, в рамках российско-швейцарского проекта с участием преподавателей института проведено более 30 обучающих проблемных семинаров, в ходе которых обсуждался широкий круг проблем практической деятельности социальных работников в УИС.

Развитие социальной работы в УИС невозможно без соответствующего научного сопровождения⁸. В этой связи в план научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности института по заявке Управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России при поддержке Швейцарского управления по развитию и сотрудничеству включена тема «Мониторинг состояния социальной работы с осужденными в уголовно-исполнительной системе России».

В декабре 2006 г. в институте состоялась международная научно-практическая конференция «Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика». В ходе конференции были обсуждены проблемы становления и развития пенитенциарной социальной работы в России и за рубежом, совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики, развития системы подготовки специалистов в области социальной работы в исправительных учреждениях в свете реализации основных принципов Европейских пенитенциарных правил, применения в деятельности уголовно-исполнительной системы России зарубежных инновационных моделей социальной работы с осужденными.

Результаты сотрудничества и изменения, происходящие в организации пенитенциарной социальной работы, широко освещались в средствах массовой коммуникации — в публикациях ведомственных журналов «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», областной прессе, репортажах Вологодской государственной телерадиокомпании.

В целях формирования единого информационного пространства в области социальной работы в УИС, повышения ее престижа институтом при финансовой помощи швейцарской стороны разработан и поддерживается в сети Интернет специализированный веб-портал «Социальная работа в УИС», способствующий развитию пенитенциарной социальной работы в России, повышению уровня взаимодействия между различными субъектами социальной работы. На веб-портале в открытом доступе размещена предложенная институтом программа «Автоматизированное рабочее место специалиста по социальной работе «Социальное досье»», позволяющая обеспечить автоматизированную работу с документами и иной информацией социальных работников УИС всех регионов России.

Отдельное внимание уделялось формированию нормативной базы социальной работы в УИС — специалисты института наряду с Академией права и управления ФСИН России приняли участие в разработке новой редакции Положения о группе социальной защиты осужденных, Концепции развития социальной,

психологической и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях до 2010 г., подготовили Положение о всероссийском конкурсе профессионального мастерства социальных работников ИУ, а также нормативы обеспеченности рабочего места социального работника.

Решение проблем развития социальной работы в УИС невозможно без поддержки государства и институтов гражданского общества. В этой связи важным направлением деятельности института является участие в формировании социальной инфраструктуры, которая позволяла бы в комплексе решать вопросы оказания социальной помощи и поддержки лицам, преступившим закон, как в период отбытия наказания, так и после освобождения.

Сегодня отсутствие развитой социальной инфраструктуры на федеральном уровне отчасти компенсируется созданием широкой системы профессионального взаимодействия на региональном уровне, в которую включены как учреждения УИС, так и социальные службы. Формирование региональной социальной инфраструктуры осуществляется путем установления взаимодействия с государственными и муниципальными учреждениями, а также с негосударственными общественными социальными организациями.

Так, в г. Вологде и Вологодской области эти проблемы решаются путем установления взаимодействия с Комплексным центром социального обслуживания населения, Территориальным центром социальной помощи семье и детям, Домом ночного пребывания, Вологодским областным центром по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями, Центром психолого-педагогической реабилитации и коррекции г. Вологды, Областным социально-реабилитационным Центром для несовершеннолетних «Феникс», Специальной общеобразовательной школой для несовершеннолетних с девиантным поведением.

Таким образом, результаты реализации первой фазы российско-швейцарского проекта «Совершенствование системы подготовки и практической деятельности специалистов в области социальной работы УИС России» показали, что данный опыт является положительным и требующим дальнейшего развития в контексте реформирования УИС.

Основными направлениями второй фазы проекта (до 2008 г.) являются распространение социальной работы в пенитенциарной системе и расширение сети образовательных учреждений ФСИН России, осуществляющих подготовку социальных работников для УИС.

Во многом решению этой задачи будет способствовать дальнейшее расширение взаимодействия института с органами и учреждениями УИС по внедрению социальной работы. В частности, институтом активно прорабатывается вопрос о сотрудничестве с УФСИН России по Мурманской области по реализации проекта Совета Европы «Тюрьмы-побратимы». В ближайшее время предполагается рассмотреть вопрос об оказании академической поддержки УФСИН России по Мурманской области в реализации программы «Жизненные умения» в части разработки учебных программ, подготовки методических ма-

териалов для проведения занятий с осужденными, осуществления профессиональной подготовки сотрудников с участием института, изучения возможностей распространения проекта на другие органы и учреждения Северо-Западного региона, представления научных продуктов в сфере социальной работы для внедрения в практическую деятельность исправительных учреждений. В дальнейшем институт при поддержке Управления ФСИН России по Северо-Западному федеральному округу предполагает распространить этот опыт на весь Северо-Западный регион.

В настоящее время также изучается вопрос об участии института в проекте «Помор-2» по подготовке социальных работников для УИС на базе Поморского государственного университета, осуществляемом УФСИН России по Архангельской области и Правительством земли Шлезвиг-Гольштейн (Германия).

Вместе с тем дальнейшее развитие социальной работы в УИС неразрывно связано с необходимостью проведения эффективной государственной социальной политики, формированием законодательного массива, созданием социальной инфраструктуры. В решении социальных проблем в обществе в целом и в деятельности УИС значительную помощь может оказать положительный зарубежный опыт.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См., напр.: Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: история и современность. СПб., 1998. С. 22–29; Босхолов С. С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

С. 13–19; Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 10–15; Малышева О.А. Уголовная политика: содержание и эффективность. Рязань, 2005. С. 6–32; Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: Учеб. / Под ред. Л. И. Беляевой. М., 2003. С. 22–31.

² См.: Шамсунов С.Х. Европейские пенитенциарные правила и их влияние на уголовно-исполнительную политику России // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России: проблемы формирования и реализации: Материалы международной научно-практич. конф. (Вологда, 14–15 декабря 2006 г.). Вологда, 2006. С. 5.

³ См.: Дубровицкий Л.П. Правовые аспекты функционирования следственных изоляторов и тюрем уголовно-исполнительной системы // Материалы III Всероссийского совещания начальников следственных изоляторов и тюрем уголовно-исполнительной системы (28–29 сентября 2006 г.). Самара, 2006. С. 57.

⁴ Исследование проблем становления и развития социальной работы в УИС проводилось в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, Центрального, Северо-Западного, Уральского и Сибирского регионов. Опрошено свыше 250 сотрудников групп социальной защиты осужденных учреждений УИС, специалистов, прошедших переподготовку по специальности «Социальная работа в УИС» на базе ВИПЭ ФСИН России, 63 курсанта института, обучающихся по очной форме.

⁵ См., напр.: Ковалев О.Г. О стратегии развития уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 3. С. 5–7; Шамсунов С.Х. Организация и правовое регулирование труда осужденных к лишению свободы в целях их социальной реабилитации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005. С. 10–11.

⁶ См.: Зорина А. Реализуется совместный проект // Преступление и наказание. 2006. № 3. С. 23–25.

⁷ См.: Зимняя И.А. Компетентность человека — новое качество результата образования // Проблемы качества образования. Уфа, 2003. С. 35–42; Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М., 2002. С. 216–225; Шишов С.Е. Понятие компетенции в контексте качества образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. № 2. С. 15–20; Петров А. Профессиональная компетентность: понятийно-терминологические проблемы // Вестник высшей школы. 2004. № 10. С. 6–10.

⁸ См.: Ковалев О.Г. О задачах ведомственной науки по реформированию уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 1. С. 26–28.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Основные направления правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы и пути его дальнейшего совершенствования

О. В. ФИЛИМОНОВ — начальник Правового управления ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Директором ФСИН России 22 января 2007 г. издано распоряжение об утверждении «Основных итогов работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы за 2006 г. и приоритетных направлений деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы на 2007 г.». Содержание данного документа во многом отражает динамику продолжающегося процесса реформирования учреждений и органов, исполняющих наказания. Об интенсивном развитии УИС России косвенно свидетельствуют и те изменения, которые произошли в сфере нормативно-правового регулирования ее деятельности.

В 2006 г. и в начале 2007 г. принято 5 федеральных законов, 4 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 10 постановлений и 2 распоряжения Правительства Российской Федерации, направленные на дальнейшее совершенствование правовых норм об исполнении наказаний и организации деятельности УИС, обеспечении прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Дальнейшее развитие получила и ведомственная нормативная правовая база. Если год назад банк данных автоматизированной базы ведомственных нормативных правовых актов ФСИН России содержал 1862 документа, то сегодня — 2650, то есть почти в полтора раза больше.

Разумеется, одни только количественные данные не дают полного представления о содержании и значимости происходящих изменений. Поэтому упомяну о некоторых наиболее важных, с моей точки зрения, правовых актах, принятых в последнее время.

Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 03.04.2006 № 46-ФЗ, разработанный в целях совершенствования правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы и его дальнейшей гуманизации.

Законом внесены изменения в ст. 13 УИК РФ, касающиеся обеспечения личной безопасности осужденного, являющегося потерпевшим или свидетелем по уголовному делу о преступлении, совершенном в исправительном учреждении. На начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы возлагаются функции по обеспечению мер безопасности в отношении осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства.

Вносится изменение в ч. 1 ст. 77 УИК, расширяющее круг лиц, осужденных к лишению свободы, кото-

рые могут быть оставлены в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Из ч. 1 ст. 85 УИК исключается термин «особое положение» как не соответствующий действующему законодательству.

Изменение ч. 1 ст. 88 УИК определяет, что средства, заработанные осужденными за период отбывания наказания, а также пенсии, социальные пособия и денежные переводы зачисляются на лицевые счета осужденных. Часть вторая указанной статьи излагается в новой редакции, предусматривающей, что средства, заработанные осужденными в период отбывания наказания, получаемые ими пенсии и социальные пособия могут без ограничения расходоваться на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Кроме того, предусматривается, что помимо средств, заработанных осужденными в период отбывания наказания, они могут расходовать и иные дополнительные средства.

Вносится изменение в ч. 4 ст. 91 УИК, предусматривающее, что осужденные отправляют денежные переводы близким родственникам, а также иным лицам за счет средств, находящихся на их лицевых счетах.

Улучшается правовое положение осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, по расходованию на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости денежных средств, находящихся на их лицевых счетах. Вносятся изменения в ст. 121, 123, 125, 131, 133 УИК, определяющие порядок и размеры средств, которые могут быть израсходованы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости осужденными в исправительных колониях, а также в тюрьмах и воспитательных колониях.

В ч. 1 ст. 128 УИК вносится изменение, исключающее требования о раздельном отбывании наказания в колонии-поселении для лиц, осужденных за преступления, совершенные по неосторожности; лиц, впервые осужденных за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести; положительно характеризующихся осужденных, переведенных из колоний общего и строгого режима.

В ст. 141 УИК исключаются возрастные ограничения (16 лет) на заочное обучение несовершеннолет-

них осужденных в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования.

Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 25 и 44 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» от 30.12.2006 № 273-ФЗ.

Федеральным законом в ч. 1 ст. 25 УИК РФ вносится изменение, расширяющее перечень объектов, на которых может исполняться наказание в виде обязательных работ. В результате часть первая данной статьи приводится в соответствии с ч. 1 ст. 49 УК РФ, устанавливающей, что вид и объекты, на которых обязательные работы отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. В ч. 5 ст. 44 УИК вносится изменение, определяющее, что пособия по временной нетрудоспособности осужденного исчисляются из его заработной платы без учета удержаний в размере, установленном приговором суда.

Федеральный закон «О признании утратившим силу абзаца шестого п. 2 ч. 2 ст. 33 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» от 05.02.2007 № 9-ФЗ.

Законом исключается норма, предусматривающая, что иностранные граждане и лица без гражданства содержатся отдельно от других подозреваемых и обвиняемых при наличии условий для этого. Данная поправка позволит привести положения ст. 33 в соответствие с основополагающим конституционным принципом равенства граждан перед законом.

Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.02.2007 № 10-ФЗ.

Федеральный закон направлен на совершенствование правовой регламентации некоторых сфер деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и приведение Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в соответствие с действующим законодательством.

Восполняется правовой пробел по определению границ территорий, прилегающих к учреждениям, исполняющим наказания, и установлению режимных требований на них. Статья 7 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» дополняется новой частью шестой, наделяющей территориальные органы уголовно-исполнительной системы по согласованию с органами местного самоуправления муниципальных районов либо органами местного самоуправления городских округов определять границы территорий, прилегающих к подведомственным учреждениям, на которых Министерством юстиции Российской Федерации по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации устанавливаются режимные требования.

Положения указанного закона приводятся в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 в части передачи функций по обеспечению исполнения уголовных наказаний от Минюста России к Федеральной службе исполнения наказаний.

Нормы закона приводятся в соответствии с рекомендациями Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Из ч. 4 ст. 40 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» исключается запрет на пользование книгами, газетами, журналами и иной литературой подозреваемым и обвиняемым, водворенным в карцер.

Кроме того, приняты и утверждены:

— Постановление Правительства Российской Федерации от 05.09.2006 № 540, утвердившее Федеральную целевую программу «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 гг.)»;

— приказы Минюста России «Об утверждении Инструкции по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» от 15.02.2006 № 21дсп и «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях» от 13.07.2006 № 252дсп;

— Приказ ФСИН России «Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний» от 19.05.2006 № 245 и Приказ от 26.01.2007 № 32, утвердивший Положение об Общественном совете при ФСИН России и его персональный состав.

В настоящее время интенсивность проводимой ФСИН России нормотворческой деятельности еще более возросла. Фактически в этой работе принимают участие все структурные подразделения центрального аппарата и ряд территориальных органов УИС, а Правовое управление выполняет роль координатора. Только на рассмотрении Государственной Думы и Правительства Российской Федерации находятся 10 законопроектов, подготовленных с нашим участием.

Обратим внимание на наиболее значимые для функционирования УИС.

Проект Федерального закона № 11807-3 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности».

Законопроект направлен на регулирование отношений, возникающих в связи с осуществлением общественного контроля за обеспечением неотъемлемых прав человека в местах принудительного содержания на жизнь, охрану здоровья и медицинскую помощь, равенство перед законом, защиту от пыток, насилия, другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, ограждение от злоупотреблений властью, и определяет порядок оказания общественными объединениями содействия работе учреждений и орга-

нов, исполняющих наказания, и мест содержания под стражей.

Проект Федерального закона № 321851-4 «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации».

Законопроектом предусматривается введение наказания в виде ограничения свободы, которое заключается в исполнении осужденными установленных судом обязанностей (условий, запретов) под надзором уголовно-исполнительных инспекций, так называемая «контролируемая свобода». Проект федерального закона направлен на практическую реализацию наказания в виде ограничения свободы, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, которое согласно действующему законодательству должно быть введено в действие отдельным федеральным законом по мере создания соответствующих социально-экономических условий.

Ограничение свободы как вид наказания представляет собой комплекс устанавливаемых судом условий (обязанностей) и запретов, исполняемых осужденным без изоляции от общества под надзором специализированного государственного органа. Такое наказание широко применяется в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран (в частности, в Великобритании, Франции, Италии, Швеции, Швейцарии, Испании, Республике Казахстан).

В соответствии с положениями законопроекта ограничение свободы состоит в том, что оно назначается как основной вид наказания тем лицам, которые совершили преступления небольшой и средней тяжести. При этом данное наказание устанавливается судом на срок от двух месяцев до четырех лет.

Законопроект рассматривает ограничение свободы и как вид дополнительного наказания по отношению к лицам, осуждаемым за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека, общественную безопасность, основы конституционного строя и безопасности государства. В этом случае ограничение свободы, исходя из характеристики виновного и других обстоятельств дела, назначается судом на срок от шести месяцев до двух лет.

По характеру налагаемых судом ограничений и с учетом сроков их назначения наказание, предполагаемое данным законопроектом, является довольно серьезным, поскольку ограничивает права и свободы человека на его перемещение, посещение определенных мест, использование определенных форм досуга, выбор места работы, учебы. При этом данные ограничения обеспечиваются угрозой замены ограничения свободы реальным лишением свободы.

Изменения, которые законопроектом предлагаются в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации, призваны обеспечить на практике принципы дифференциации наказания и справедливости.

Проект Федерального закона № 241727-4 «О внесении изменений в законодательные акты Рос-

сийской Федерации, связанных с исключением положений о наказании в виде ареста».

Проект предусматривает исключение из законодательных актов Российской Федерации положений о наказании в виде ареста. Согласно УК РФ арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции сроком от одного до шести месяцев.

Мы полагаем, что принятие данного закона необходимо по следующим основаниям:

— условия отбывания ареста не соответствуют ни личности осужденных, ни тяжести совершенных ими преступлений;

— фактически условия отбывания наказания при аресте более строгие, чем в тюрьме, где отбывают наказание лица, совершившие наиболее тяжкие преступления, а также переведенные за нарушение установленного порядка отбывания наказания из исправительных колоний общего, строгого и особого режимов;

— осужденные к аресту должны содержаться в запираемых камерах, им запрещены свидания, посылки, передачи, они не привлекаются к оплачиваемому труду, не получают общего и профессионального образования;

— право приобретать продукты питания и предметы первой необходимости, в связи с отсутствием возможности заработать необходимые для этого средства, превращается в декларируемое, но фактически не обеспеченное.

В результате при назначении одному осужденному ареста, а другому лишения свободы в более выгодных условиях окажется тот из них, кто осужден к лишению свободы.

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что введение в действие наказания в виде ареста будет малоэффективным, а также потребует значительных дополнительных расходов на строительство арестных домов. Создание (строительство и содержание арестных домов) обойдется федеральному бюджету в сумму около 75 млрд руб.

Названный проект 10 марта 2006 г. был принят Государственной Думой в первом чтении.

Проект Федерального закона № 314401-4 «О внесении изменений в ст. 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Проектом предусматривается внести изменения в ч. 2 и 3 ст. 73 УИК РФ. Предлагаемая редакция части второй позволит осуществить размещение осужденных исходя из реальных возможностей уголовно-исполнительной системы до создания необходимого количества исправительных учреждений в каждом субъекте Российской Федерации. Кроме того, из части третьей предлагается исключить положение о направлении осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства для отбывания наказания по месту нахождения соответствующих исправительных учреждений, поскольку содержание в исправительных учреждениях данной категории осужденных с осуж-

денными российскими гражданами не противоречит требованиям уголовно-исполнительного законодательства.

Государственной Думой 16 февраля 2007 г. проект федерального закона принят в первом чтении. Комитетом Государственной Думы по безопасности осуществляется подготовка законопроекта ко второму чтению.

Проект Федерального закона № 320789-4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» и Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Законопроектом предусматривается реформирование федеральных государственных унитарных предприятий при учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, в центры трудовой адаптации осужденных. Результатом реформирования явится переориентация деятельности производственного сектора уголовно-исполнительной системы на решение в первую очередь социальных задач, связанных с подготовкой человека к нормальной жизни и работе после освобождения.

Реформирование предусматривает реорганизацию существующих предприятий исправительных учреждений в структурные подразделения этих учреждений: центры трудовой адаптации осужденных и производственные (трудоустроенные) мастерские (далее — центры трудовой адаптации и мастерские исправительных учреждений).

Реформирование производственного сектора УИС влечет за собой переход от коммерческой деятельности предприятий исправительных учреждений к внебюджетной (собственной производственной) деятельности исправительных учреждений.

С участием ФСИН России в настоящее время разрабатывается еще ряд проектов федеральных законов, затрагивающих деятельность уголовно-исполнительной системы.

Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»», наделяющий органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации полномочиями оказывать финансовую и другую помощь учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы, направленную на реализацию гарантий правовой защиты и социальной поддержки работников уголовно-исполнительной системы, установления для них дополнительных социальных гарантий.

Проект Федерального закона «О внесении изменений в ст. 50 и 82 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации». Законопроект подготовлен в целях дальнейшей гуманизации уголовно-исполнительного законодательства и расширения применения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Проект Федерального закона «Об охране психиатрических стационаров специализированного типа с интенсивным наблюдением органов здравоохранения Российской Федерации и надзора за содержащимися в них лицам», предусматривающий передачу функций по обеспечению охраны психиатрических стационаров специализированного типа с интенсивным наблюдением от ФСИН России к Минздравсоцразвитию России.

Проект Федерального закона «О внесении изменений в ст. 50 Закона Российской Федерации «Об образовании» и ст. 31 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»». Законопроект разработан в целях реализации права подозреваемых и обвиняемых на получение основного общего и начального профессионального образования.

У нас есть и другие предложения, которые пока ходят на стадии обсуждения в аппарате Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, Государственной Думе и Совете Федерации.

В последнее время мы стали все чаще привлекать к этой работе и зарубежных специалистов, использовать финансовую и организационную помощь международных организаций. В 2006 г. заключено соглашение о сотрудничестве с Шведской тюремной службой, получено два гранта от Европейского Союза для совместного изучения вопросов оптимизации применения мер уголовно-процессуального пресечения, совершенствования мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в том числе с использованием технических средств электронного мониторинга, а также совершенствования мер предупреждения преступлений и других правонарушений в исправительных учреждениях.

Другой важной задачей, актуальность которой в последнее время существенно возросла, является совершенствование уровня правового регулирования и повышение эффективности судебного-претензионной работы с целью защиты финансово-экономических интересов УИС в новых, значительно изменившихся условиях.

Так, важным фактором, повлиявшим на нашу хозяйственную работу в минувшем году, стало вступление в силу Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 № 94-ФЗ, в результате чего существенно усложнилась процедура приобретения и поставок товаров, сырья и других материалов. К сожалению, практика применения данного закона выявила целый ряд присущих ему недостатков.

Все это повлекло за собой ряд нарушений, допущенных как структурными подразделениями центрального аппарата, так и территориальными органами в основном при проведении тендерных торгов. В целях их недопущения нам пришлось усилить это направление работы и одновременно инициировать внесение определенных изменений в названный закон. С участием ФСИН России разработан проект Федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон № 94-ФЗ и другие законодательные

акты, который учитывает интересы УИС. 21 февраля 2007 г. соответствующий закон принят Государственной Думой в трех чтениях.

Также в 2006 г. по инициативе ФСИН России Правительством Российской Федерации принято Постановление от 30.11.2006 № 734, в рамках которого было установлено право государственных и муниципальных заказчиков на предоставление преимуществ учреждениям УИС в отношении предлагаемой цены контракта в размере 15 процентов при размещении заказов на поставки товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд путем проведения торгов, а также право размещать заказы на поставки товаров (работ, услуг) в учреждениях УИС без проведения торгов (у единственного поставщика) при размещении заказов для нужд УИС. Наши сотрудники принимали участие в подготовке Указа Президента Российской Федерации от 05.02.2007 № 119 о создании Федерального агентства по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств.

Вместе с тем очевидно, что еще предстоит большая работа в этом направлении, особенно в связи с происходящими изменениями в порядке размещения заказов.

Одним из приоритетных направлений деятельности Правового управления является создание и укрепление юридических гарантий социальной защиты личного состава УИС. Эту работу мы проводим совместно с Управлением кадров и профессионального образования, Управлением по работе с личным составом, другими структурными подразделениями ФСИН России и территориальными органами УИС.

В 2006 г. принят ряд постановлений Правительства Российской Федерации, направленных на увеличение размеров денежных выплат работникам УИС.

Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 02.06.2006 № 343 установлены надбавки за ученую степень и (или) иное ученое звание сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 07.09.2006 № 548 на педагогических работников, выполняющих функции классного руководителя в вечерних (сменных) общеобразовательных школах при воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы, распространено действие Постановления Правительства Российской Федерации от 30.12.2005 № 850 по выплате вознаграждений педагогическим работникам за выполнение функций классного руководителя.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.10.2006 № 602 внесены изменения в части повышения размера ежемесячного пособия детям сотрудников уголовно-исполнительной системы, погибших (пропавших без вести) при исполнении служебных обязанностей.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.08.2006 № 480 внесены изменения в п. 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 06.05.1994 № 460, увеличивающие нормы

расходов денежных средств на погребение погибших (умерших) сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Издано восемь приказов Минюста и ФСИН России, направленных на решение социальных проблем личного состава. В целях повышения уровня социальной защиты сотрудников и пенсионеров уголовно-исполнительной системы и членов их семей подготовлен и направлен на согласование в Минюст России проект приказа Минюста России о внесении изменений в Инструкцию о порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой сотрудников УИС, граждан, уволенных со службы, членов их семей, а также их личного имущества, утвержденную Приказом Минюста России от 05.09.2006 № 282.

Вместе с тем после принятия и вступления в силу с 1 марта 2005 г. Жилищного кодекса Российской Федерации возникли проблемы с обеспечением работников УИС жильем. Сейчас право на получение жилья по месту работы сохраняется лишь за теми, кто стоял в очереди на получение жилья до вступления в силу нового жилищного законодательства. Более того, если работник стоял в очереди на получение жилья в одном регионе, а затем переехал на новое место службы в другой регион, то очередность за ним не сохраняется.

Проект федерального закона о правоохранительной службе в Российской Федерации, разработанный при участии ФСИН России, предусматривает возможность получения сотрудником УИС единовременной субсидии на приобретение жилья один раз за весь период прохождения службы. Помимо этого законопроектом устанавливается право органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления использовать бюджетные средства и иные не запрещенные источники финансирования для улучшения жилищных условий служащих правоохранительной службы и членов их семей в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Однако законопроект о правоохранительной службе длительное время находится в стадии доработки и пока на рассмотрение в Государственную Думу не внесен.

В связи с этим ФСИН России подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», предусматривающий право сотрудников УИС на обеспечение жилой площадью по месту прохождения службы. Однако при его рассмотрении в Государственной Думе было принято решение подготовить другой законопроект, предусматривающий возможность обеспечения жильем сотрудников всех правоохранительных органов на условиях ипотеки, как это предусмотрено для военнослужащих. Правительством Российской Федерации 16 декабря 2006 г. дано поручение правоохранительным органам, в том числе и ФСИН России, изучить возможность подготовки проекта федерального закона о накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения сотрудников правоохранительных органов.

Актуальные проблемы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы

Ф. В. РУЧКИН — начальник Управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, ФСИН России

Последовательный курс на гуманизацию уголовной политики государства предполагает расширение сферы применения наказаний и мер уголовно-правового характера без лишения свободы. Наглядным свидетельством этому является то, что ныне около 65,5% судебных решений предусматривают наказания без изоляции от общества за преступления небольшой и средней тяжести. Исполнение большинства наказаний, альтернативных лишению свободы (54,7%), осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (далее — УИИ).

В настоящее время на территории Российской Федерации функционируют 2448 УИИ, в том числе 403 межрайонные, имеющие статус государственных учреждений. По их учетам ежегодно проходит свыше 1 млн осужденных.

По состоянию на 1 января 2007 г. на учете УИИ состояло около 600 тыс. осужденных, 88,9% из которых составляли условно осужденные, 1,7% — осужденные к обязательным работам, 6,3% — осужденные к исправительным работам, 2,2% — осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, 0,9% — осужденные женщины с отсрочкой исполнения наказания.

Поставленные перед УИИ задачи по осуществлению контроля и исправлению подучетных в основном выполняются. В 2006 г. по представлениям УИИ суды отменили условное осуждение со снятием судимости 86 тыс. осужденных как положительно характеризующимся (в 2005 г. — 71 тыс.). Практически на том же уровне (6,9%) осталось количество осужденных, снятых с учета УИИ в связи с отменой условного осуждения или отсрочки отбывания наказания, заменой исправительных и обязательных работ лишением свободы. Одновременно стали чаще применяться меры, предусмотренные законом в отношении нарушителей условий и порядка отбывания наказания. Продлен испытательный срок за нарушения общественного порядка и уклонение от выполнения возложенных судом обязанностей 209 491 условно осужденному, что на 15,4% больше показателей аналогичного периода прошлого года (далее — АППГ).

Динамичное развитие службы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и прежде всего ее главного звена — УИИ, потребовало решения целого ряда проблем.

Нерешенным остается вопрос исполнения приговоров в строгом соответствии с законом. Наиболее часто повторяющиеся нарушения: несвоевременная постановка осужденных на учет, несоблюдение сроков трудоустройства осужденных к исправительным и обязательным работам, направление их в центры занятости для самостоятельного решения этого вопроса, а не на мероприятия, определенные органами местного самоуправления. Особое беспокойство вызывает организация исполнения исправительных

работ. С нарушением установленных сроков привлекалось к труду от 20% до 60% осужденных к исправительным работам в республиках Ингушетия и Марий Эл, Архангельской, Брянской, Иркутской, Ленинградской и Тамбовской областях. Нередко вместо конкретной индивидуальной работы с осужденными, а также органами местного самоуправления и предприятиями по вопросу трудоустройства инспекции в массовом порядке оформляют материалы в суд для замены наказания. Так, за отказ от работы в места лишения свободы в Пермском крае, Архангельской, Брянской, Ивановской, Калужской, Мурманской, Орловской, Самарской, Смоленской, Тверской, Тамбовской и Тульской областях были направлены от 30% до 42% осужденных. Таким образом, компрометируется сама суть альтернативного наказания: суд принимает решение о возможности исправления осужденного в условиях свободы, а инспекции отправляют его в места заключения.

Кроме того, несвоевременное привлечение осужденных к отбыванию наказаний и мер уголовно-правового характера без лишения свободы и непринятие УИИ своевременных предупредительных мер вызывают совершение повторных преступлений.

Практически не исполняются судебные решения в отношении лиц, находящихся в розыске. Как правило, к проведению розыскных мероприятий не привлекаются соответствующие подразделения органов внутренних дел и территориальных органов ФСИН России.

В текущем году задачи, стоящие перед службой исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, значительно расширяются и усложняются. Если в предыдущие годы решались вопросы увеличения численности УИИ, создания учреждений со статусом юридического лица, оптимизации структуры, укрепления материально-технической базы УИИ, то теперь основное внимание будет сосредоточено на эффективности исполнения наказаний в строгом соответствии с требованиями закона. Необходимые предпосылки для этого имеются.

Требуется дальнейшего укрепления взаимодействия с ОВД по осуществлению контроля за поведением поднадзорных. В этих целях подготовлен и проходит согласование проект совместного приказа Минюста России и МВД России об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия УИИ с ОВД и территориальными органами Федеральной миграционной службы по профилактике правонарушений среди лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

Велика вероятность того, что в ближайшей перспективе нам предстоит исполнять новый вид наказания — ограничение свободы. Данное наказание предполагает достаточно серьезные правоограничения для осужденных: регламентацию свободы перемещения, посещения определенных мест и пользования определенными видами досуга, выбора места

работы или учебы, запрет покидать место жительства определенное время суток, в выходные и праздничные дни, постоянное нахождение под надзором и др. Фактически речь идет о режиме домашнего ареста. Исполнение этого наказания требует обеспечения круглосуточного надзора за осужденным, а следовательно, перестройки режима работы УИИ, специализации ее сотрудников. Идет поиск путей решения этой задачи. В Томской области, например, в МРУИИ существует дежурная часть, обслуживающая входящие в нее филиалы. В Красноярском крае создается дежурная часть при отделе по руководству УИИ. Рассматриваются вопросы изменения штатной структуры УИИ: о введении должностей участковых уполномоченных по типу милицейских, создании оперативной группы по надзору за осужденными. В перспективе возможно внедрение персонального электронного контроля за осужденными без лишения свободы. Зарубежный опыт в этой сфере имеется и будет учтен.

С целью автоматизации учета осужденных совместно с НИИИПТ ФСИН России проводится внедрение в УИИ специальной компьютерной программы.

Исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы, осуществляют около 10 тыс. сотрудников. За счет увеличения штатов УИИ снижена нагрузка на одного сотрудника (со 180 до 65 осужденных), создано 350 инспекций в административных образованиях, где ранее они отсутствовали.

В связи с кратным увеличением численности персонала УИИ встала проблема его размещения. В зданиях органов внутренних дел (далее — ОВД), где в основном размещаются УИИ, как правило, отсутствует возможность выделения для них дополнительной служебной площади, поэтому в соответствии с принятым Федеральным службой исполнения наказаний решением начался планомерный вывод УИИ из зданий ОВД в отдельные помещения. Только в течение прошлого года из зданий ОВД было выведено 479 УИИ, и их общее количество по состоянию на 1 января 2007 г. составило 1016, или 42,0% от общего числа. В результате принятых мер на одного сотрудника в среднем приходится 7,4 кв. м служебной площади. Успешно процесс идет в Республике Башкортостан, где выведены 64 УИИ из 67, Чувашской Республике — 20 из 25, областях: в Амурской — 18 из 21, Владимирской — 17 из 20, Кировской — 41 из 49, Оренбургской — 21 из 45, Томской — 21 из 22, Тюменской — 23 из 27. Также большую работу в этом направлении провели в Республике Коми, Алтайском, Красноярском и Приморском краях, Воронежской, Курганской, Московской и Самарской областях.

Однако на сегодняшний день больше половины инспекций продолжают оставаться в стенах ОВД, в том числе 300 УИИ располагаются в одних кабинетах с различными службами милиции. Скудность сотрудников не позволяет качественно и в полном объеме выполнять работу. В инспекциях Костромской, Нижегородской, Ростовской областей, Карачаево-Черкесской республики, Москвы на 1 сотрудника служебной площади приходится в два раза меньше, чем предусмотрено санитарными нормами. По-прежнему во многих инспекциях отсутствует оргтехника, не хватает мебели. В ряде мест финансирование деятельности УИИ продолжает осуществляться по остаточному принципу.

Указанная проблема поэтапно решается. Со стороны ФСИН России в территориальные органы УИС поступают денежные средства для нужд УИИ на аренду помещений. По целевой программе ФСИН России инспекции получают более 6,4 тыс. компьютеров. В соответствии с федеральной программой «Дети России» Правительством РФ для нужд УИИ выделено 20 млн руб. на приобретение автотранспорта и оргтехники. Уже в текущем году будет закуплено 30 автомобилей.

Весьма важным представляется принятие целевой программы ведомства по укреплению материально-технической базы УИИ на 2008–2010 гг., проект которой находится на согласовании в Минэкономразвития России и предусматривает дополнительное финансирование в размере 2 млрд руб.

В рамках реализации Программы развития УИИ на 2000–2007 гг., утвержденной Приказом ФСИН России от 01.04.2005 № 227, улучшилось их финансирование и материально-техническое обеспечение. Только в прошлом году инспекции получили 1109 компьютеров, 82 единицы автотранспорта, 844 телефонных номера. В 2,5 раза по сравнению с АППГ выросли объемы финансирования.

Кроме того, территориальные органы ФСИН России стали шире использовать возможности органов местного самоуправления, а также спонсорскую помощь для улучшения условий функционирования УИИ.

Успех дела в большой степени определяют кадры. В связи с увеличением за последние два года штатной численности УИИ на службу пришли новички, в основном из ОВД. Потребовалось время для их адаптации к новым условиям работы и специализации по направлению деятельности.

Следует отметить, что комплектование дополнительно выделенными штатными единицами УИИ завершили своевременно. Кроме того, в межрайонных инспекциях введены и укомплектованы 278 должностей психологов. На сегодняшний день некомплект кадров в УИИ составляет 1%. Большинство вновь принятых сотрудников в течение прошлого года прошли первоначальную подготовку в базовых учебных центрах территориальных органов ФСИН России по специально подготовленной для этого программе. Также активно использовались возможности учебных заведений и центров ФСИН России (в Кировской, Московской и Томской областях, Санкт-Петербурге). В период вхождения в должность осуществлялась стажировка новых сотрудников в базовых УИИ под началом опытных практических работников.

Вместе с тем проблема подготовки кадров для службы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, остается актуальной. В настоящее время ни одно ведомственное учебное заведение специалистов соответствующего профиля не готовит. В учебных планах и программах специализация по подготовке кадров для работы в УИИ не отражена, либо разработчики ограничиваются отдельными сообщениями.

Мы неоднократно ставили вопрос о необходимости введения в учебных заведениях, предположительно на завершающем этапе обучения, специализации

для курсантов, пожелавших после защиты дипломов служить в УИИ, как вариант возможна факультативная подготовка.

Нельзя не отметить оказанную профессорско-преподавательскими коллективами Томского филиала Академии права и управления, Владимирского юридического института и его Ивановского филиала, Вологодского института права и экономики, Пермской специальной средней школы помощь в разработке и внедрении в практику методик, направленных на повышение эффективности деятельности УИИ по исполнению осужденных и подготовку кадров УИИ.

Примером конструктивного сотрудничества является реализация договора между УФСИН России по Вологодской области и кафедрой уголовно-исполнительного права Вологодского института права и экономики. За два года совместной работы подготовлены методическое пособие и аналитический обзор практики исполнения наказаний, проведено четыре семинара по проблемам исполнения альтернативных наказаний, работники УИИ приняли участие в двух международных конференциях, 8 выпускников института приняты на службу в инспекции. В 2006 г. 15 курсантов прошли практику в УИИ. Кроме того, проработан вопрос об организации переподготовки и повышения квалификации сотрудников ОРУИИ и УИИ в Вологодском институте права и экономики.

Большую работу осуществляет Научно-исследовательский институт ФСИН России. Только в этом году межрегиональным планом изучения и пропаганды передового опыта предусмотрены рассмотрение, экспертная оценка и выработка предложений по внедрению семи тем по актуальным проблемам деятельности УИИ. Подготовлен сборник материалов передового опыта «Деятельность уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и иных уголовно-правовых мер без изоляции от общества», который направлен для изучения и практического применения в каждую из 2449 УИИ.

В условиях быстрого развития системы применения и исполнения наказаний без изоляции от общества, на наш взгляд, уже недостаточным является внимание к проблемам ее научного и методического обеспечения, подготовки кадров.

С сожалением приходится констатировать, что для разработки актуальных и практически применимых в деятельности УИИ рекомендаций мы недостаточно используем огромный научный потенциал учебных заведений. Мало имеется работников, специализирующихся по этой проблематике.

Пока еще низок процент внедрения имеющихся научных разработок в практическую работу УИИ. Причиной тому служат, с одной стороны, определенный консерватизм практиков, недостаточный уровень их теоретической подготовки, с другой — не всегда оправданная теоретичность рекомендуемых для использования научных разработок, оторванность их от реальных условий и отсутствие возможности внедрения. Пока еще разрыв между наукой и практикой велик. Преодолевать его необходимо совместными усилиями. Свою задачу в этом контексте мы видим в последовательном повышении ответственности практических работников за внедрение рекомендованного опыта, рост профессионализма на основе системной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников, в стимулировании их усилий по использованию предложенных научных разработок.

Для координации работы по совершенствованию деятельности УИИ, экспертной оценки разработок, рекомендаций и передового опыта нами прорабатывается в настоящее время вопрос о создании консультативной группы в составе руководства и начальников отделов УИННЛС, наиболее опытных управленцев и практических работников ОРУИИ и УИИ. Думается также, что участие в ее работе представителей науки будет не только полезным, но и необходимым.

Управлением установлен жесткий контроль за решением важнейших на сегодняшний день вопросов функционирования инспекций. Налажен строгий учет основных показателей их работы, финансового и материально-технического обеспечения. Разрабатываются перспективные направления дальнейшего реформирования. Есть уверенность, что в содружестве с наукой нами будет сделан еще один шаг к укреплению инспекций, что позволит более эффективно и качественно выполнять задачи, возложенные на УИИ государством.

О существующих проблемах при производстве судебно-психиатрических экспертиз

П. А. КОЛМАКОВ — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сыктывкарского госуниверситета, доктор юридических наук, профессор

Несомненно, что важную роль для правильного разрешения уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера играет заключение судебно-психиатрической экспертизы (ст. 204 УПК). В 2004 г. в Российской Федерации почти 114 тыс. чел. (84,2% из числа направленных на экспертизу) были признаны виновными. Из их числа только 36,1% составили психически здоровые лица, у 63,8% диагностированы различные психические расстройства: умственная отсталость (22,9%), органические психические расстройства (18,0%), расстройства личности (11,2%), алкоголизм, наркомания (7,3%)¹. Необходи-

мым и важнейшим элементом является постановка перед экспертами конкретных и точных вопросов о психическом состоянии субъекта к определенному периоду времени, диагностике такого состояния, наиболее целесообразном назначении соответствующего вида принудительных мер медицинского характера и др., поскольку вопросы, поставленные перед экспертами-психиатрами, определяют пределы исследования и характер их заключения².

При назначении и организации производства судебно-психиатрических экспертиз по-прежнему про-

должают иметь место упущения и ошибки³. Обобщенная нами в различных регионах России многолетняя судебно-следственная практика по этой проблеме свидетельствует о наличии следующих недостатков:

1. В постановлении о назначении судебно-психиатрических экспертиз не всегда излагаются обстоятельства, послужившие основанием для ее назначения.

2. Часто недоброкачественно оформляются сами представленные на экспертизу уголовные дела (например, отсутствуют важные сведения о психическом состоянии лиц, особенностях их поведения до и после совершения общественно опасного деяния, а также подлинники медицинских документов об установленных фактах лечения, копии приговоров в отношении ранее судимых и т. п.).

3. Имеется нечеткость и неточность формулировок поставленных для разрешения перед экспертами вопросов.

4. Иногда в самом постановлении о назначении судебной экспертизы не указывается правовое положение направленного для проведения экспертизы лица, что в некоторых случаях имеет принципиальное значение.

5. В актах судебных экспертиз не всегда отражаются примененные методики исследования испытуемых, что затрудняет оценку полноты выполненной экспертами-психиатрами работы и обоснованности сделанных выводов.

6. Существуют проблемы организационного порядка (например, этапирование испытуемых из отдаленных городов и районов в экспертное учреждение, несвоевременное направление самого уголовного дела и т. п.).

7. Встречаются иногда умышленные упущения и злоупотребления со стороны самих экспертов-психиатров при проведении экспертизы и даче экспертного заключения (примером может служить уголовное дело, возбужденное по факту обмана покупателей в отношении Гольдмана, признанного вначале врачами-экспертами за взятку невменяемым⁴, или уголовное дело по обвинению Березина и других в бандитизме и убийствах⁵).

8. Следователи и судьи довольно редко подвергают сомнению заключения эксперта (то есть при оценке заключения в совокупности с другими доказательствами, полученными по делу, они не обращают внимания на явное их противоречие другим источникам доказательств).

9. Несмотря на противоречия выводов судебно-психиатрической экспертизы другим собранным по делу доказательствам, повторные экспертизы, как правило, не производятся (например, уголовное дело, возбужденное в отношении Антошкина⁶).

10. Встречаются врачебные ошибки при описании анамнеза, которые допускаются обычно не умышленно, а, как правило, в результате небрежности или невнимательности эксперта-психиатра, проводящего исследование (когда диагноз ставится на основе предыдущего, то есть налицо чрезмерное доверие

эксперта, некритичное отношение к постановке предыдущего диагноза).

11. Неправильная оценка заключения эксперта (что является причиной неправильного истолкования судом заключения эксперта-психиатра). Неправильное истолкование заключения эксперта в решении суда может проявляться по-разному: в одном случае эксперт-психиатр дает категорическое заключение, а суд придает ему иное значение; в другом — экспертом дано вероятное заключение, а суд считает его категорическим; наконец, в заключении эксперта не устанавливается определенный факт, а суд считает его установленным и т. п.⁷

12. Иногда эксперты-психиатры при построении окончательного вывода не учитывают обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения уголовного дела, хотя они были указаны в самом постановлении о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

13. Недостаточная полнота проведенного исследования (такое заключение ставится под сомнение потому, что эксперт-психиатр недостаточно полно провел само исследование. Например, довольно часто суды сомневаются в выводах амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы и назначают производство стационарной экспертизы).

14. На судебно-психиатрическую экспертизу направляются недоброкачественно оформленные уголовные дела. В них иногда отсутствуют важные сведения о психическом состоянии испытуемых, особенностях их поведения до и после совершения общественно опасного деяния, подлинники медицинских документов об установленных фактах лечения испытуемых в психиатрических стационарах, нахождении под наблюдением у психиатра, психоневролога, нарколога, копии приговоров в отношении ранее судимых и т. п. Хотя эти недостатки устраняются в рабочем порядке, изложенное влечет дополнительную трату времени на производство экспертиз, затягивает сроки предварительного расследования и судебного разбирательства⁸.

15. Выход экспертов-психиатров за пределы своей профессиональной компетенции. Как известно, не относятся к специальным познаниям общеизвестные факты, выводы, получаемые посредством простых логических умозаключений, а также юридические вопросы, решаемые в уголовном или гражданском процессе следователем, прокурором и судом.

16. Неточное употребление специальной терминологии при проведении судебно-психиатрической экспертизы. Так, например, в судебной психиатрии редко используется такое понятие, как исследование, чаще — освидетельствование, хотя они различны по своему содержанию. Исследование — это комплекс специальных мер, реализуемых экспертом для ответа на поставленные перед ним вопросы. Освидетельствование — это часть исследовательских экспертных действий, проводимых непосредственно, с участием испытуемого, и оно не используется при проведении заочных и посмертных экспертиз как часть экспертного исследования.

В уголовном процессе освидетельствование — это следственное действие, состоящее в обнаружении

на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявлении состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 179 УПК). Эти понятия процессуально различны и подмена одним другим, на наш взгляд, недопустима.

17. Вне зависимости от конкретных обстоятельств дела на разрешение экспертов-психиатров, как правило, ставится несколько стандартных вопросов, сущность которых сводится к выяснению, страдает ли лицо психическим расстройством (и каким именно); являлось ли оно вменяемым в момент совершения инкриминируемого ему деяния и (или) в момент производства по делу; нуждается или нет в принудительном лечении в психиатрическом стационаре и т. п.

18. Ни разу правоприменительными органами не был поставлен вопрос: может ли рассматриваемое лицо в силу своего психического расстройства участвовать в производстве следственных действий и судебном разбирательстве? Естественно, комиссия врачей-психиатров также не обсуждала этот вопрос по собственной инициативе и не формулировала ответ в своем заключении.

19. Не было в изученных нами постановлениях также вопроса о том, может ли это лицо в силу своего психического состояния причинить «иной существенный вред».

20. Хотелось бы обратить внимание и на кадровое обеспечение при производстве судебно-психиатрических экспертиз. К сожалению, зачастую должности врачей-экспертов по-прежнему занимают совместители, не всегда имеющие специальную подготовку по судебной психиатрии.

Если обратиться к статистическим данным по Российской Федерации, то можно отметить рост числа занятых должностей судебно-психиатрических экспертов. Так, например, число занятых должностей в 2004 г. составило 1071 (на 6,8% больше, чем в 2003 г.), число физических лиц — 525 (на 7,8% больше, чем в предыдущем году). Несмотря на положительный прирост, ожидалось более высокие показатели, учитывая проводившееся лицензирование экспертных учреждений, а также сертификационные циклы кафедры социальной и судебной экспертизы Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова и Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. За десятилетний период число занятых должностей и число физических лиц увеличились почти в 2 раза⁹.

Приказами Министра здравоохранения России от 14.08.2002 № 261, № 262 введена специальность, требующая углубленной подготовки, — судебно-психиатрическая экспертиза. Учитывая новации последних лет, в том числе и положения Закона РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ, судебно-психиатрическим экспертом СПЭУ (отделения) может быть врач-психиатр, имеющий специальную подготовку по судебно-психиатрической экспертизе, производящий экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей (ст. 13)¹⁰. Введение закона об экспертной деятельности повлекло реорганизацию судебно-психиатрической экспертной службы. В соответствии с ним судебно-экспертное учреждение

может быть либо самостоятельным с правами юридического лица (в России таковым является ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию»), либо специализированным подразделением (отделения стационарной и (или) амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы психиатрических учреждений системы здравоохранения) с укомплектованным штатом судебно-психиатрических экспертов. Психиатрические учреждения, имеющие в своем составе хотя бы одно из перечисленных отделений, могут претендовать на статус экспертного и получение лицензии на осуществление экспертной деятельности¹¹. Судебно-психиатрические экспертные комиссии, составы которых ранее утверждались территориальными органами управления здравоохранения, утратили юридическую силу¹².

Необходимо напомнить, что судебно-психиатрическая экспертиза в 2004 г. в Российской Федерации осуществлялась в 155 территориальных психиатрических учреждениях (100 психиатрических больниц и 55 психоневрологических диспансеров) и Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. По аналитическим данным, посмертные судебно-психиатрические экспертизы составили 1,6%, заочные — 2,9%, амбулаторные — 84,8% от общего объема экспертной работы, выполненной в 2004 г.¹³

Как известно, заключение судебно-психиатрической экспертизы, как и любое доказательство, подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — с точки зрения достаточности для правильного разрешения уголовного дела рассматриваемой категории (ст. 88 УПК РФ)¹⁴. Содержание заключения эксперта должно быть понятно не только специалистам-психиатрам, но и судебно-следственным работникам. Акт судебно-психиатрической экспертизы состоит из введения, сведений о прошлой жизни обследуемого, истории настоящего заболевания (если таковое имеется), описания физического, неврологического и психического состояния (включая результаты лабораторных исследований и методик), заключительной (так называемой мотивировочной) части, которая содержит выводы и их обоснование. Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта, прилагаются к заключению и являются его составной частью.

Оценка заключения экспертов-психиатров — наиболее сложная и ответственная часть работы органов предварительного следствия, прокурора и суда, которая требует тщательного изучения самого заключения как по форме, так и по содержанию. Оценивая заключение судебно-психиатрической экспертизы, необходимо выяснить следующие вопросы: 1) соблюдены ли процессуальные условия подготовки, назначения и проведения экспертизы? 2) достаточна ли научная квалификация эксперта для ответа на поставленные вопросы и не вышел ли он за пределы своих специальных познаний? 3) полно ли проведены исследования и дано ли исчерпывающее экспертное заключение? 4) какова научная обоснованность применяемых экспертом методов, научная и логическая аргументированность его выводов? 5) какая роль отводится заключению эксперта с точки зрения его относимости, допустимости, достоверности и достаточности в системе других доказательств для разрешения уголовного дела¹⁵?

Спорным в теории пока остается вопрос: должны ли эксперты-психиатры высказывать в заключении свое суждение о вменяемости (невменяемости) лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние?

Представители правоприменительных органов иногда испытывают затруднения из-за отсутствия в заключениях судебно-психиатрической экспертизы термина «вменяем» или «невменяем», поскольку эксперты указывают только саму «формулу» вменяемости (невменяемости) испытуемого, утверждая при этом, что сделать окончательный вывод должны следователь или суд. В юридической литературе по данному вопросу высказываются различные суждения. Одни авторы полагают, что было бы неправильно относить к компетенции экспертов-психиатров дачу заключения о невменяемости рассматриваемого лица¹⁶. Другие исходят из позиции, что в заключении судебно-психиатрической экспертизы должен содержаться прямой ответ на вопрос о вменяемости или невменяемости лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние¹⁷.

Существует и третья точка зрения, сторонники которой считают, что эксперт-психиатр, давая заключение о вменяемости (невменяемости) лица, совершившего общественно опасное деяние, не решает его в юридическом смысле, а лишь дает мотивированное медицинское заключение по этому поводу. Юридический факт вменяемости (невменяемости) могут устанавливать только следователь или суд, оценивая заключение наряду с другими материалами, характеризующими личность обвиняемого (подсудимого)¹⁸.

Последняя позиция представляется нам наиболее предпочтительной. Не следует забывать, что невменяемость — это не только юридическое понятие, определенные условия, исключающие вину и уголовную ответственность, но и реальный факт, означающий действительное наличие у конкретного лица, в отношении которого ведется дело, психического расстройства, проявляющегося в том, что оно не понимает фактического значения и общественной опасности своих действий (бездействия) либо не может руководить ими. Этот факт и должны установить эксперты-психиатры, не решая его с правовых позиций. Приобретет ли он по уголовному делу юридическое значение обстоятельства, исключающего возможность вменения или невменения лицу содеянного, зависит, несомненно, от следователя и суда, которые и должны окончательно оценить полученное заключение исходя не только из него самого, но и из других собранных по делу доказательств.

Представляется, что издание в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ разъяснения суда о соблюдении законности при разбирательстве дел об общественно опасных деяниях невменяемых явилось бы своевременным шагом, направленным на устранение названных и ряда других проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2004 г.: Аналитический обзор / Под ред. акад. РАН Т. Б. Дмитриевой. М., 2005. Вып. 13. С. 22.

² О вопросах, которые могут быть поставлены перед экспертами, см. подр.: Хомовский А. А. Производство по применению при-

нудительных мер медицинского характера в советском уголовном процессе. М., 1974. С. 43–63; Шишков С. Н. Судебно-психиатрическая экспертиза: Учеб. пособие. М., 1996. С. 10–15; Козлов В. В., Новикова Е. Е. Основы судебно-психиатрической экспертизы. Общая психопатология: Учеб. пособие. Саратов, 2002. С. 14 и др.

³ См. подр.: Указание заместителя Генерального прокурора РФ «О недостатках в назначении и организации производства судебно-психиатрических экспертиз» от 29.04.1999 № 28-15/362. С. 2–4; Колмаков П. А. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар, 2001. С. 152–161; Бажукова Ж. А., Колмаков П. А. О проблемах и ошибках при производстве дел о применении принудительных мер медицинского характера // Сб. науч. тр. юрид. факультета / Отв. ред. проф. П. А. Колмаков. Сыктывкар, 2005. Вып. 4. С. 118–128 и др.

⁴ См.: Големинов Б., Малюкин В. Упущения при назначении судебно-психиатрической экспертизы // Соц. законность. 1988. № 4. С. 46–47.

⁵ По этому делу см. подр.: Исаенко В. Использование возможностей судебно-психиатрической экспертизы // Законность. 1998. № 10. С. 6–7.

⁶ См.: Там же. С. 8–10.

⁷ См.: Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995. С. 33–36.

⁸ См. подр.: Исаенко В. Указ. соч. С. 6–10.

⁹ См.: Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2004 г. / Под ред. акад. РАН Т. Б. Дмитриевой. С. 9.

¹⁰ См.: Российская газета. 2001. № 4. С. 4.

¹¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

¹² В целях реализации закона об экспертной деятельности и повышения качества судебно-психиатрической экспертизы Приказом Минздравсоцразвития России от 30.05.2005 № 370 была утверждена новая Инструкция об организации производства судебно-психиатрических экспертиз в отделениях судебно-психиатрической экспертизы государственных психиатрических учреждений. А приказом того же министерства от 27.07.2005 № 473 была признана не действующей на территории России Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР от 27.10.1970.

¹³ См. подр.: Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2004 г. / Под ред. акад. РАН Т. Б. Дмитриевой. С. 3, 10.

¹⁴ Судебная коллегия Верховного Суда РФ по обвинению Волошина и др. отметила, что акт судебно-психиатрической экспертизы подлежит оценке судом, который сам должен вынести соответствующее решение по существу о назначении принудительного лечения (См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9. С. 19).

¹⁵ О методике оценки заключения экспертов-психиатров см. подр.: Элькин П. С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. М., 1959. С. 42–46; Хомовский А. А. О повышении действенности принудительных мер медицинского характера как средства предупреждения общественно опасных деяний // Сов. гос-во и право. 1966. № 8. С. 127–131; Шишков С. Н. Анализ заключений экспертов-психиатров в суде по уголовным делам // Судебно-психиатрическая экспертиза. М., 1978. № 30. С. 78–81; Он же. Доказывание психических расстройств в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 16–17; Жариков Н. М., Морозов Г. В., Хритинин Д. Ф. Судебная психиатрия / Под общ. ред. Г. В. Морозова. М., 1997. С. 32–38 и др.

¹⁶ См.: Портнов В. П. Процессуальный порядок применения мер медицинского характера в советском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1956. С. 75; Степичев С., Хомовский А. Особенности производства по применению принудительных мер медицинского характера // Соц. законность. 1967. № 5. С. 57; Протченко Б. А. Доказывание и оценка психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом // Сов. юстиция. 1983. № 14. С. 9; Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983. С. 168; Шишков С. Н. Доказывание психических расстройств в советском уголовном процессе. С. 21 и др.

¹⁷ См. подр.: Случевский И. Ф. Спорные вопросы судебно-психиатрической экспертизы // Соц. законность. 1955. № 5. С. 37–40; Элькин П. С. Указ. соч. С. 43; Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 133–134; Степутенкова В. К. Роль судебного эксперта при исследовании вменяемости (невменяемости) // Сов. гос-во и право. 1977. № 7. С. 104; Галаган А. И. Процессуальные особенности расследования дел об общественно опасных деяниях лиц, признаваемых невменяемыми: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1983. С. 15 и др.

¹⁸ См.: Бородин С. В., Палиашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебно-психиатрической экспертизы. М., 1963. С. 15; Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973. С. 36 и др.

Симуляция психических заболеваний лицами, отбывающими уголовные наказания в виде лишения свободы: анализ практики

Н. Д. ГОМОНОВ — профессор Мурманского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Симуляция психических заболеваний является одной из форм защитной реакции, которую довольно часто демонстрируют лица, отбывающие уголовные наказания в виде лишения свободы. Поэтому сотрудники исправительных учреждений должны владеть общей информацией об особенностях симулятивных проявлений для своевременного их распознавания и принятия адекватных мер реагирования.

Симуляция может осуществляться вполне здоровыми людьми, но иногда к ней прибегают личности с психическими отклонениями — психопаты, олигофрены и другие лица, обнаруживающие остаточные явления органического поражения головного мозга. Эмоциональное напряжение, постоянная настороженность, сознание неотвратимости исполнения уголовного наказания побуждают симулянтов к своеобразной мобилизации психики. Поэтому психиатру, тем более другим сотрудникам исправительного учреждения, нелегко определить симулятивное поведение, так как имеющаяся патологическая почва, а также проявления отдельных патологических симптомов делают это весьма затруднительным. Здесь имеет место общность источников и механизмов возникновения реакций: чисто защитной и патологической — в виде реактивных состояний. Поэтому приходится различать симуляцию и реактивные состояния или иные заболевания, имеющие прогрессивный характер.

Условия, при которых развивается защитная реакция в виде симуляции психических заболеваний, весьма различны. В одних случаях защитная тенденция ведет к сознательному, произвольному и планомерному притворному поведению. В других случаях, в зависимости от особенностей преморбида и наличия патологической почвы проявляются недостаточно осознаваемые и автоматические механизмы, которые выражаются в клинических формах истерической, невротической или психотической реакции. Клинические проявления при этом носят обычно характер аггравации. При диагностике необходимо помнить и учитывать общность внешних условий, а также основной аффективный фон фрустрации, подчеркнутую «убедительность» клинической симптоматики при симуляции.

В отдельных случаях симуляции наблюдается целая демонстративная недоступность, достигаемая путем мутизма и агрессии, или чрезмерное фантазирование, граничащее с бредовыми идеями. Наличие чрезмерного внутреннего аффективного напряжения с участием автоматических механизмов и резко выраженных соматических вегетативных симптомов, не поддающихся произвольному воспроизведению, говорит против симуляции.

Следует отметить, что у лиц с неустойчивой психикой при наличии внушаемости и при постепенном вживании в роль симулятивных проявлений могут стать настоящими симптомами болезненного со-

стояния. Это произвольное соскальзывание к патологии может углубляться и фиксироваться так, что возвращение к обычному состоянию собственными силами становится затруднительным, а подчас совершенно невозможным и купируется лишь лечением. Внутренняя близость симуляции и психогенных реакций дала повод некоторым пенитенциарным психиатрам ошибочно рассматривать нетипичные в клиническом отношении реактивные психогении как симуляцию.

Предметом подражания для симулянтов могут являться некоторые типические формы психических заболеваний. Обычно форма симуляции изобретается в соответствии с интеллектуальным развитием, темпераментом, запасом общежитийских представлений и полученным опытом. Отсюда вытекают примитивные и сложные изображения болезни. Источником подбора вида симуляции являются: 1) общежитийские представления о психически больных; 2) популярная литература и изучение психиатрических учебников; 3) изучение «знающими» лицами психической болезни («тюремный инструктаж»); 4) копирование тех или иных психических болезней, наблюдаемых и специально изучаемых в условиях психиатрических больниц; 5) изображение болезни в обывательском представлении.

Клинические формы симуляции весьма разнообразны. Они, в частности, выражаются демонстрацией кратковременных психических расстройств по типу приступов возбуждения с переходящими изменениями сознания и галлюцинаторными переживаниями. Для изображения длительных психических расстройств обычно выбирают такие, при которых не требуется чрезмерной затраты энергии и споры сравнительно элементарны. Чаще всего это вялое монотонное поведение с упорным мутизмом, внешним безучастием к окружающему, а в случаях, когда все же имеется речевая продукция, она характеризуется нелепыми ответами. Редко симулируются маниакальные состояния, так как они требуют большого напряжения.

В изображениях симулятивной депрессии кроме основного симптома в виде заявления о нежелании жить иногда присутствуют рискованные демонстративные попытки самоубийства путем самоповешения и упорные отказы от еды, вызывающие необходимость кормления через зонд. Иногда симулянты прибегают к поеданию собственных экскрементов, воспроизводя симптомы глубокого слабоумия. Неопрятность в постели мочой и калом также встречается часто.

Распознавание симуляции требует наличия основательной теоретической подготовки и достаточного клинического опыта у врача. Оно особенно затруднительно в тех случаях, когда установочное поведение по своей клинической симптоматике сближается с психогенными реакциями, и тогда, когда в клинической картине наблюдаются трудно дифференцируе-

мые проявления надуманности и истинных психотических реакций.

Грубая симуляция обычно наблюдается у интеллектуально недоразвитых субъектов и распознается сравнительно легко по примитивности и наивности приемов изображения болезни в соответствии с обыквательскими представлениями о ней, явной надуманности высказываний по типу детской фантастики.

Распознавание бывает значительно затруднено тогда, когда к симуляции прибегают лица, изучившие по книгам психические болезни, ранее лечившиеся в психиатрических стационарах, а также лица, прошедшие «специальную выучку» в местах заключения. Здесь психиатрам приходится ориентироваться на несоответствие и противоречивость отдельных симптомов, не укладывающихся в клиническую картину определенной болезни. Основные ошибки распознавания происходят из-за переоценки отдельных симптомов без анализа их генезиса и учета наличия необходимого сочетания симптомов для той или иной болезни.

Распознаванию помогают анамнестические данные, сопоставляемые с наблюдаемыми клиническими проявлениями. При этом часто обнаруживаются противоречия. В поведении симулянта очень важно вскрыть систему симуляции с подчеркнутой излишней демонстративностью перед сотрудниками исправительного учреждения и переходом к нормальному типу поведения при общении с осужденными.

Изобличают симуляцию также собранность и целенаправленность симулянтов, выявляющие их заинтересованность в переводе на облегченные условия отбывания наказания, проведении судебно-психиатрической экспертизы, и проявляющиеся в отдельных репликах протесты против зондирующих вопросов (установка на недоступность). Дополнительно к клиническим данным симулянты изобличаются своими промахами и оплошностями. Изображая, например, слабоумие, они пишут разумные, назидательные письма родным, содержащие даже советы дать о них сведения как о давних хронически больных.

При сочетании симулятивных механизмов с психогенно обусловленной болезненной симптоматикой, а также при симуляции, возникающей на патологической почве (олигофрении, психопатии, дефектные состояния), длительность симуляции обуславливается подбором формы симулируемой болезни. При соответствии избранной формы болезни особенностям личности симулируемые симптомы могут закрепляться, автоматизироваться, и тогда симуляция затягивается на длительный срок, не требуя активной волевой направленности. Выход из такого состояния труден и осуществляется лишь с помощью психотерапии и медикаментозного лечения. В случаях несоответствия подобранной формы симуляция срывается, особенно при понимании симулянтом критического отношения к ней врача-психиатра.

Аггравация, то есть усиление уже существующих симптомов, чаще встречается у умственно неполноценных личностей, в частности у олигофренов и лиц с органическим поражением головного мозга различной этиологии. Форма аггравации у них идет по линии демонстрации ослабления интеллекта, упадка памяти, расстройства внимания, что проявляется в грубых ошибках счета, выпадении из памяти элементарных профессиональных знаний, вплоть до непонимания простейших бытовых потребностей.

Значительную трудность представляет оценка симуляции на патологической почве. Задача психиатра при этом не исчерпывается лишь установлением факта симуляции. Для окончательного суждения о наличии психического заболевания требуется выяснение характера патологической почвы, на которой возникла симуляция, выраженности этой почвы, а при дефекте — его глубины.

Наличие элементов критики при симуляции не всегда доказывает истинность произвольного симулирования. Можно, например, столкнуться с меланхолическим бредом самообвинения, когда истинно больной расценивает свое поведение как притворное. Также может иметь место шизофреническое истолкование своих болезненных переживаний по типу насильственности с утверждением о полном своем здоровье и подчинении «постороннему вредному влиянию», приводящему к будто бы притворному поведению.

Необходимо обращать внимание на то, что глубина и устойчивость симулятивного поведения нередко находятся в прямом соответствии с длительностью срока лишения свободы. Вместе с тем большая глубина и устойчивость симуляции, несомненно, очень часто бывают связаны с наличием патологической почвы.

Изолированное представление таких симптомов, как, например, мутизм и амнезия, особенно должны настораживать и ориентировать на возможность симуляции. То же следует сказать об изолированно от структуры какого-либо психического заболевания высказываемых бредовых идеях, особенно если они носят характер фантастический или глубоко дементный, не соответствующий интеллектуальному развитию исследуемого.

Таким образом, необходимо отметить, что распознавание различных проявлений симуляции у осужденных, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы, прежде всего должно основываться на сопоставлении их с клиническими картинами известных форм психических заболеваний и закономерностями их течения. В последние годы в практике пенитенциарных психиатров все большее значение в распознавании симуляции приобретает патопсихологический анализ наблюдаемой клинической картины, чему способствует применение различных психологических методик исследования состояния высшей нервной деятельности.

К проблеме информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков

С. Ю. ВЕДРОВ — старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Деятельность оперативных подразделений субъектов ОРД в самом общем виде, с точки зрения ее содержания, представляет собой не что иное, как сбор, фиксацию, обработку, анализ, накопление, хранение, поиск, распространение и потребление информации об определенных лицах, фактах и событиях¹.

В этой связи деятельность оперативных подразделений правоохранительных органов рассматривается как целостная и динамичная система, правомерно создаваемая для сбора информации о явлениях, процессах в преступной среде, а также для осуществления оперативно-розыскной деятельности, обеспечивающей успешное выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Информационное обеспечение, как представляется, это комплекс организационных и тактических мер по применению средств и методов, направленных на получение достаточных фактических данных, а также на создание условий для эффективного и оптимального их использования в деятельности правоохранительных органов. Система информационного обеспечения оперативных аппаратов характеризуется вертикальными и горизонтальными связями: циркулирующая в ней информация является связующим звеном между источниками и потребителями, между отдельными сотрудниками и подразделениями. Следовательно, наличие информационных связей между определенными субъектами системы подразумевает организацию сбора, накопления, анализа, систематизации и использования необходимых сведений. Такая организация осуществляется в рамках отдельных информационных систем², которые создаются для решения четко сформулированных задач.

Особенность информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков обусловлена во многом латентностью данного рода преступности.

Начальная стадия информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений предполагает сбор исходной информации о деятельности лиц, подозреваемых в причастности к незаконному обороту наркотиков. Сбор информации может проводиться как гласными, так и негласными способами.

Добытые сведения подвергаются оценке с точки зрения их точности и полезности при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Традиционно оценку осуществляют те сотрудники оперативных подразделений, которые собирают информацию и располагают всеми данными как о самих сведениях, подлежащих оценке, так и об их источнике.

Немаловажное значение для совершенствования информационного обеспечения имеет правильная

систематизация. Она заключается в том, что имеющуюся информацию выстраивают в определенной логической последовательности, позволяющей выявить существенные признаки преступной деятельности. Поскольку незаконный оборот наркотиков представляет собой непрерывную деятельность, он должен изучаться как процесс. В оптимальном варианте (при достаточном информационном обеспечении деятельности оперативных подразделений) информация для анализа должна поступать из как можно большего числа источников различной степени надежности. При этом она может быть получена не в хронологическом порядке и касаться на первый взгляд не связанных между собой событий, лиц или фактов. В этой связи все поступившие данные систематизируются таким образом, чтобы можно было выделить взаимосвязи.

Важной частью информационного обеспечения является его организационная основа, содержащая ряд управленческих элементов, влияющих на формирование процесса борьбы с незаконным оборотом наркотиков. «Организационный аспект системы информационного обеспечения представляет собой систему методов и средств удовлетворения заданных информационных потребностей служб и отдельных работников и состоит в свою очередь из подсистем информационных связей, которые обеспечивают движение информации между источниками и потребителями, обработку и хранение, а также ее выдачу в соответствии с запросами»³. Причем информационное обеспечение не только направлено на упорядочение организации оперативно-розыскной деятельности в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, но и преследует цель придать этому процессу устойчивость, комплексность и планомерность. Выделим обстоятельства, влияющие на организацию информационного обеспечения ОРД в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Во-первых, оперативные сотрудники на всех организационно-управленческих уровнях должны определять оптимальное количество информации, необходимой для осуществления деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Недостаток сведений может привести, например, к тому, что в отношении подозреваемых своевременно не будут проведены оперативные мероприятия. Излишняя же информация не только может ввести оперативного сотрудника в заблуждение, но и способна «утопить» его в потоке фактов, существенных и не имеющих значения для эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Во-вторых, получаемая оперативными сотрудниками информация должна быть достоверной, точной, детальной, то есть качественной, чтобы ее можно было перепроверить и подтвердить, в том числе и гласными источниками. В-третьих, информация должна быть своевременной, что предполагает не только получение ее в нужное время, но и своевременность реализации, надежность и стабильность каналов связи оперативного сотрудника с источниками информации, а также вышестоящими подразделениями.

В основе системы информационного обеспечения ОРД, на наш взгляд, должны лежать следующие основные посылы: во-первых, определение видов информации; во-вторых, определение источников информации; в-третьих, установление периодичности сбора информации; в-четвертых, определение информационных связей и каналов передачи информации; в-пятых, разработка форм систематизации, накопления и хранения информации.

Появление персональных компьютеров и их применение в качестве основного технологического звена информационных систем правоохранительных органов позволило использовать их как локальные центры для хранения и переработки информации. С повышением технических возможностей современных терминалов расширяется круг решаемых с их помощью профессиональных задач. Однако по мере развития информационно-вычислительных сетей правоохранительных органов наряду с их «открытостью» от них потребовалось еще одно новое качество — интегрированность (любые данные, введенные в систему, должны быть доступны всем санкционированным пользователям так, чтобы те могли получать их и в случае необходимости добавлять и корректировать).

Анализ состояния учета данных в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков показал, что существующий в настоящее время порядок обмена информацией весьма трудоемкий, не имеет единой формализованной системы, не приспособлен к обработке и получению необходимых сведений из других информационных систем. Это зачастую приводит к снижению значимости полученной информации, так как процессы, происходящие в криминальной среде, связанной с незаконным оборотом наркотиков, характеризуются быстрыми изменениями (преступники, доставившие наркотики к месту назначения, стараются как можно быстрее их реализовать).

Повышение эффективности взаимодействия неразрывно связано с совершенствованием систем информационного обмена, обеспечивающих накопление, обработку, хранение и взаимный обмен необходимыми данными между заинтересованными

службами и ведомствами, и развитием информационной базы данных⁴. Систематизация сведений оперативного назначения должна осуществляться исключительно на базе автоматизированных информационных систем.

Существующая система информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений имеет ряд недостатков, основными из которых являются: отсутствие единой для всех оперативных подразделений системы кодирования; отсутствие современной телекоммуникационной инфраструктуры между оперативными подразделениями и ведомствами; неудовлетворительное нормативное правовое обеспечение формирования, использования, защиты и предоставления информационных ресурсов.

В настоящее время информационное обеспечение деятельности оперативных подразделений является набором информационных систем (ведомственных, региональных), которые в силу различных причин остаются слабо связанными между собой и малодоступными в своей совокупности заинтересованным пользователям. Существующее положение дел объективно приводит к дублированию работ, избыточности в сборе первичной информации, удорожанию разработок и эксплуатации систем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. М., 2000. С. 17.

² Информационная система — организационно упорядоченная совокупность документов (массивов документов) и информационных технологий, в том числе с использованием средств вычислительной техники и связи, реализующих информационные процессы (См.: Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации». Ст. 2).

³ Титов Е. М. Понятие и сущность системы организации информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел // Проблемы информационного обеспечения органов внутренних дел. М., 1981. С. 15.

⁴ См.: Концепция развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 гг., утвержденная Приказом МВД России от 13.06.2002 № 562.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ресоциализация осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы на Украине

Н. Г. КАЛАШНИК — заместитель председателя Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник образования Украины;

О. Б. ЯНЧУК — начальник отдела организации деятельности воспитательных колоний управления социально-воспитательной и психологической работы Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний

Реформы, осуществляемые в социальной, политической и экономической жизни Украины, в первую очередь, отражаются на несовершеннолетних гражданах. Поэтому проблема защиты прав и законных интересов детей в украинском обществе приобрела особую значимость. Ее решение зависит не только от семьи, но и от деятельности общественных институтов, которые принимают участие в воспитании и обучении детей, способствуют их социализации.

Одним из таких институтов, обеспечивающих работу с детьми, находящимися в конфликте с законом, является Государственная уголовно-исполнительная система Украины.

В поле зрения Государственной уголовно-исполнительной службы страны сегодня находятся три категории несовершеннолетних правонарушителей.

Первая категория — несовершеннолетние, которые совершили преступления, и которым судом была определена мера пресечения в виде содержания под стражей. В следственных изоляторах Украины содержится около 1,7 тыс. таких несовершеннолетних.

Вторая категория — несовершеннолетние, которым применены наказания, не связанные с лишением свободы (общественные работы, исправительные работы, освобождение от отбывания наказания с испытательным сроком). Несовершеннолетние указанной категории (8,3 тыс. чел.) находятся на учете в подразделениях уголовно-исполнительной инспекции.

Третья категория — несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы. Это самая сложная категория молодых правонарушителей, насчитывающая 2,8 тыс. подростков, в том числе 170 — женского пола.

Для исполнения наказаний в виде лишения свободы для указанных категорий лиц на Украине функционирует 11 специальных учреждений (воспитательных колоний), в том числе одна для осужденных девочек.

Сложность работы с несовершеннолетними осужденными в местах лишения свободы во многом обусловлена социально-педагогической запущенностью последних, подтверждением чему является тот факт, что 39% из них никогда не работали и не учились, 65%, будучи сиротами или детьми из неполных семей, не имели полноценной опеки и воспитания.

Ежегодно в воспитательные колонии поступает порядка 30–50 осужденных несовершеннолетних, не умеющих читать и писать. 7% детей до осуждения воспитывались в специальных воспитательных заведениях системы образования, 57% — привлекались к наказаниям, не связанным с лишением свободы, а 2% — были осуждены к лишению свободы повторно. 60% подростков привлекались к уголовной ответственности за кражи, почти каждый четвертый — за разбой или ограбление, 8% — за преднамеренное убийство или нанесение тяжких телесных повреждений.

Согласно возрастной характеристике 11% осужденных рассматриваемых категорий имеют возраст 14–16 лет, 28% — 16–17, 40% — 17–18, 21% — старше 18 лет.

Указанные особенности контингента воспитательных колоний обуславливают необходимость особого подхода к процессу исполнения уголовного наказания.

В Уголовно-исполнительном кодексе Украины порядок исполнения и отбывания наказаний несовершеннолетними осужденными выделен в отдельную главу, основные положения которой приведены с учетом международных стандартов и ориентированы на защиту прав детей и возвращение их в общество.

Так, для отбывающих наказание несовершеннолетних предусмотрен более широкий спектр поощрений и контактов с внешним миром: посещение культурно-массовых мероприятий, проведение свиданий с родителями и родственниками за пределами учреждения, возможность трудоустройства за пределами учреждения перед освобождением, бесплатное питание, одежда, обувь, коммунально-бытовые услуги.

С целью закрепления результатов исправления и окончания учебы осужденные могут быть оставлены для последующего отбывания наказания в воспитательной колонии до 22 лет.

Поскольку проблемы социальной и педагогической запущенности являются основными причинами, по которым подростки попадают в места лишения свободы, решение вопроса об их реинтеграции в общество невозможно без создания надлежащих условий их содержания, улучшения здоровья, физического и духовного развития, предоставления обра-

зования, воспитания готовности к сознательной социально-нормативной жизни, установления стойких контактов с внешним миром.

С учетом этого основной целью ресоциализации осужденных несовершеннолетних является сохранение их здоровья, достоинства, формирование у них чувства ответственности и навыков, способствующих возвращению в общество, выполнению по освобождению требований законов, самостоятельному удовлетворению ими жизненных потребностей.

Для достижения указанной цели в воспитательных колониях действует комплексная система мероприятий, направленных:

— на обеспечение условий жизни осужденных, совместимых с их человеческим достоинством и нормами, принятыми в обществе;

— поддержку и развитие у несовершеннолетних осужденных чувства самоуважения посредством сведения до минимума негативных последствий лишения свободы и разницы между жизнью в заключении и на свободе;

— поддержку и укрепление социально полезных связей с родными и общественностью в интересах осужденных и их семей;

— обеспечение повышения образовательного уровня и получения профессиональных навыков, предоставление возможности развития умений и склонностей, которые помогут подросткам успешно включиться в жизнь общества после освобождения.

Указанная система содержит необходимые средства воспитательного, просветительского, морального, духовного и физического развития в соответствии с потребностями индивидуального исправительного влияния на осужденных.

Реализация форм и методов воспитательной работы с осужденными осуществляется, в первую очередь, специалистами социально-психологической службы, педагогами и психологами. При этом комплексная система мероприятий предусматривает участие в этом процессе всего персонала воспитательных колоний и обеспечение процесса ресоциализации путем:

— создания и внедрения индивидуальных программ социально-психологической работы с осужденными;

— организации общеобразовательного и профессионально-технического обучения осужденных;

— привлечения осужденных к занятиям физической культурой и спортом;

— развития у осужденных навыков здорового образа жизни;

— организации полезного досуга и культурно-просветительских мероприятий;

— духовной поддержки и помощи;

— предоставления советов и консультаций;

— психологического обеспечения процесса отбывания наказания;

— внедрения комплекса мероприятий, направленных на помощь в социальной адаптации после освобождения.

Обеспечение процесса ресоциализации осужденных начинается с первых дней их пребывания в воспитательной колонии с составления индивидуальной программы социально-психологической работы. Программа предусматривает проведение комплекса мероприятий по приобретению профессии, полного общего среднего образования, развитию позитивных способностей, социально полезных качеств и навыков. Она составляется при участии самого осужденного специалистами-психологами и педагогами с учетом индивидуальных качеств несовершеннолетнего, особенностей его поведения, психического состояния, степени социальной запущенности и срока наказания и предусматривает периодическую оценку «прогресса» исправления.

Такое сотрудничество воспитателя и осужденного содействует развитию у последнего сознательного отношения к целям ресоциализации в период отбывания наказания.

В зависимости от степени влияния на личность осужденных используются моральное, правовое, эстетичное, физическое, трудовое и другие формы воспитания, для чего разрабатываются программы (образовательные, оздоровительные, культурные и др.), позволяющие ориентировать осужденных относительно возможностей личностного развития, использования свободного времени, приобретения полезных знаний и навыков.

Одним из основных средств ресоциализации подростков, оказавшихся в местах лишения свободы, является повышение их образовательного уровня и обучение профессии.

Во всех воспитательных колониях работают средние общеобразовательные школы, в которых ежегодно обучается почти 2,8 тыс. подростков, из которых более 700 получают документы об образовании. Участие осужденных в учебе поощряется и учитывается при оценке степени их исправления.

В связи с тем что большинство подростков, находящихся в местах лишения свободы, не имеют профессионального образования, при колониях функционируют профессионально-технические училища, готовящие специалистов более чем по двадцати рабочим специальностям, имеющим спрос на рынке труда. Таким образом, та или иная полученная несовершеннолетним в исправительном учреждении профессия позволит ему трудоустроиться и самостоятельно обеспечивать свои потребности по освобождению.

Все подростки получают аттестаты о среднем образовании и свидетельства о приобретении профессии общегосударственного образца.

Во время пребывания в местах лишения свободы несовершеннолетним осужденным предоставляется возможность получения высшего профессионального образования по заочной или дистанционной формам.

Важным элементом ресоциализации осужденных несовершеннолетних в местах лишения свободы является создание условий для отдыха, полезного досуга и участия в культурной жизни общества. Для этого в воспитательных колониях организована работа 40 кружков культурно-художественного и спортивного направления, работают центры культурного развития и библиотеки. В свободное от учебы время для осужденных несовершеннолетних проводятся лекции, беседы, викторины и тематические вечера просветительского, морально-эстетического и патриотического направления, готовятся концерты и конкурсы художественной самодеятельности, выставки прикладного творчества, спортивные соревнования.

Ежегодно в воспитательных колониях организуются фестиваль самодеятельного творчества и заочная спартакиада, родительские дни, где имеется возможность ознакомиться с условиями жизни детей, встретиться с воспитателями, учителями, руководством колонии.

Традиционным стало посещение воспитательных колоний представителями общественности в рамках проведения концертов, спортивных соревнований, участия в праздничных мероприятиях.

В соответствии со ст. 59 правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, в воспитательных колониях Украины организуются мероприятия, направленные на предоставление помощи осужденным при возвращении их в общество.

Осуществление таких мероприятий, как уже отмечалось, начинается с первых дней пребывания осужденных в учреждении, а за полгода до освобождения они проходят специальный разработанный при содействии представителя Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Украине курс информационно-консультативной и психокоррекционной работы, главной задачей которого является внедрение ряда активных учебно-практических мероприятий, направленных на улучшение адаптивных и интеграционных возможностей подростков в социуме, повышение их правовой защищенности, знаний и навыков для решения социально-бытовых вопросов, безопасного поведения и здорового образа жизни.

В рамках данного проекта в воспитательных колониях созданы действующие модели центров подготовки осужденных к освобождению и участки социальной адаптации, куда осужденные переводятся за полгода до освобождения для прохождения специальных реабилитационных мероприятий, а также для реализации возможности трудоустроиться, осуществления свиданий с родными, посещения культурно-просветительских мероприятий за пределами воспитательных колоний.

Во время подготовки к освобождению, а также после него несовершеннолетние осужденные включаются в государственную программу социального сопровождения, реализуемую воспитательными колониями совместно с Государственной социальной службой для семьи, детей и молодежи и рядом государственных институций, перечень которых, а также мероприятий социального патронажа определен Законом Украины «О социальной адаптации лиц, которые отбывали наказание в виде ограничения сво-

боды или лишения свободы на определенный срок», принятым Верховной Радой в 2003 г. В первую очередь, это министерства: внутренних дел; по делам детей, молодежи и спорта; труда и социальной политики.

В компетенцию указанных органов входят вопросы социального патронажа освобожденных, деятельности специальных реабилитационных заведений для неимеющих социально полезных связей на свободе, осуществления временного контроля за поведением освобожденных, профилактики совершения ими противоправных деяний.

Значительную роль в процессе социальной адаптации выполняют общественные и религиозные организации, которые занимаются защитой прав несовершеннолетних, их духовным просвещением.

Участие общественных организаций в процессе ресоциализации осужденных несовершеннолетних является обязательным условием их успешного возвращения в общество.

Именно поэтому порядок участия общественности в исправлении и ресоциализации осужденных, общественный контроль за соблюдением их прав закреплен в уголовно-исполнительном законодательстве.

Сотрудничество Государственной уголовно-исполнительной службы Украины с государственными и общественными организациями по проблеме ресоциализации осужденных несовершеннолетних сегодня выходит на качественно новый уровень. Определена сеть постоянных партнеров уголовно-исполнительной системы в вопросах ресоциализации несовершеннолетних. Разовые мероприятия постепенно вытесняются длительными проектами. Повышается профессиональная компетентность не только осужденных, но и сотрудников учреждений.

К реализации в воспитательных колониях разного рода социальных проектов, улучшению условий содержания и материально-технической базы обучения, обеспечению полезной занятости и культурного развития подростков привлекаются ресурсы общественных и религиозных организаций.

Установление партнерских отношений с территориальными органами государственной власти, органами самоуправления, общественными организациями способствовало созданию при воспитательных колониях попечительских советов, деятельность которых регламентирована уголовно-исполнительным законодательством и соответствующим документом Правительства Украины.

К числу главных задач попечительских советов относятся: предоставление помощи администрации воспитательной колонии в организации учебно-воспитательного процесса и укреплении материально-технической базы колонии, решение вопросов социальной защиты осужденных, трудового и бытового устройства освобождающихся.

В каждой воспитательной колонии действует родительский комитет, занимающийся вопросами повышения эффективности воспитательного воздействия на осужденных и предоставления помощи

администрации воспитательной колонии во взаимодействии с семьями осужденных, предоставления помощи сиротам, лицам, лишенным родительской опеки, и осужденным, утратившим социально полезные связи на свободе.

Важным шагом для укрепления сектора ответственности, принимающей участие в процессе ресоциализации осужденных и осуществлении общественного контроля за соблюдением их прав и законных интересов, является создание в 2006 г. общественных коллегий при органах управления уголовно-исполнительной системой.

В процессе совершенствования системы ресоциализации осужденных несовершеннолетних значительное внимание уделяется изучению международных стандартов и практики исполнения наказаний в зарубежных странах. В рамках программы Совета Европы «Партнерство тюрем» и некоторых других программ работники воспитательных колоний имели возможность познакомиться с практикой ювенального судопроизводства и пенитенциарными заведениями для несовершеннолетних Австрии, Дании, Шотландии, Нидерландов, Северной Ирландии.

Благодаря последовательным действиям в процессе реформирования уголовно-исполнительной системы Украины, изменению общественной оценки процессов, связанных с уголовными наказаниями, достигнуты позитивные результаты в процессе гуманизации исполнения наказаний, совершенствования форм психолого-педагогического влияния на осужденных, улучшения условий их содержания, создана основа для профессиональной подготовки персонала уголовно-исполнительной системы.

В то же время следует отметить, что обеспечение системы ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей — многогранный процесс непре-

станного поиска и постоянного совершенствования. Социальная переориентация системы уголовных наказаний требует от Государственной уголовно-исполнительной службы Украины новых изменений в системе работы с молодыми правонарушителями и не только в формах и методах этой работы, но и в организации деятельности исправительных учреждений.

Сегодня формируется стратегия действий по извлечению от тюремной атрибутики воспитательных колоний вплоть до их реорганизации в учебно-воспитательные центры.

С учетом социальных и экономических изменений в обществе приобретает актуальность вопрос пересмотра системы профессиональной подготовки, ее ориентации на конкурентоспособные профессии. Нуждается в укреплении и последующем развитии система общего среднего образования в учреждениях для несовершеннолетних, разработка специальных образовательно-воспитательных программ, ориентированных как на предоставление образовательных услуг, так и на развитие духовности и морали, социально полезных навыков, формирование здорового образа жизни.

Проводится работа по поиску, разработке и внедрению инновационных программ аксиологической (социально полезной) деятельности осужденных несовершеннолетних, которые после освобождения могли бы жить по законам красоты в демократическом обществе.

Уголовно-исполнительная система Украины всегда открыта для конструктивного диалога, обмена опытом и внедрения инноваций, направленных на повышение правовой и социальной защищенности подростков, находящихся в конфликте с законом, улучшение процесса их ресоциализации и социальной адаптации.

Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь

А. П. ПАЦКЕВИЧ — доцент кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

С. Н. СТОРОЖЕНКО — соискатель Академии МВД Республики Беларусь

Попытаемся осветить эту проблему на основе исторического анализа, рассмотрев особенности развития института смертной казни с момента ее возникновения и до наших дней.

В древности, еще до писаного права, за любое совершенное преступление «злодеев» зачастую карали смертью, причем не обязательно скорой. Прообразом смертной казни, согласно древнерусским летописям, являлась кровная месть, представлявшая собой, как пишет И. Малиновский, «возмездие, воздаяние злом за зло, совершенное руками частного лица — потерпевшего»¹.

История наказания смертью в Беларуси берет свое начало с незапамятных времен, когда основным источником права было «звычайное» право (то есть

право, основанное на обычае). Оно складывалось на основе гражданских отношений, которые были одобрены и подтверждены гражданскими и государственными органами и применялись на протяжении длительного времени.

Первые записи «звычайнага» права Беларуси были сделаны в грамотах и договорах Полоцка, Витебска и Смоленска с Ригой и Ливонским орденом. В связи с рассматриваемой проблемой представляет текст договора Смоленска, Витебска и Полоцка с Ригой и Готским берегом 1229 г., где уделялось внимание нормам уголовного права. Так, ст. 1–3 договора предусматривали наказание за убийство и увечье человека. В частности, за убийство вольного человека требовалось 10 гривен серебра, а за попа или посла уплачивалось 20 гривен, в то же время за холопа —

только 1 гривна серебра. Как видим, в отношении убийц отсутствовал принцип талиона².

Смертная казнь нашла свое отражение в правовых актах, изданных на территории белорусских земель, входивших в разные годы в различные государственные образования.

Следующим шагом было объединение норм криминального, административного и процессуального права в Судебнике Казимира 1468 г. В нем получила свое законное закрепление и смертная казнь, которая предусматривалась в шести случаях, в основном за кражу. Если в соответствии со «звычайным» правом преступник, осужденный к смертной казни, мог от нее откупиться либо быть «отдан в неволю тому, кто потерпел», либо его близким, то судебник запрещал вызволять преступника от кары: «А над злодеем милости не надобе» — говорилось в ст. 12³.

Смертная казнь нашла свое отражение и в последующих законодательных актах Великого княжества Литовского: статутах 1529, 1566 и 1588 гг.

В 1792 и 1795 гг. в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой вся территория Беларуси вошла в состав Российской империи. На присоединенных белорусских землях виленский генерал-губернатор своим манифестом от 17 декабря 1795 г. приказал суд и расправу производить от имени и властью Ее Императорского Величества. Постепенно судебная система и наказание в Беларуси сближались с существовавшими в России⁴.

В 1812 г. при издании Воинского полевого уложения смертная казнь была сохранена только за воинские преступления, совершенные в походе. Однако в 1826 г. по делу о восстании 14 декабря 1825 г. пятеро его главных участников были повешены. Свод законов 1832 г. установил смертную казнь за тяжкие государственные и некоторые другие преступления. В то же время за ряд общеуголовных преступлений применялись такие меры, как наказания кнутом и шпицрутенами, которые часто заканчивались смертью осужденного.

В Уголовном уложении, принятом в 1903 г., наметилась тенденция к ограничению смертной казни. Так, например, сохранив ее за достаточно узкий круг политических преступлений, уложение указывало, что это наказание не применяется к лицам моложе 21 года и старше 70 лет, а женщинам может назначаться только за посягательство на жизнь императора, его семью и власть.

Количество смертных казней возросло во время революции 1905–1906 гг. и ежегодно исчислялось тысячами. Смертные казни совершались и на территории Беларуси. Так, за покушение 14 января 1906 г. на жизнь генерал-губернатора Минской губернии Курлова на воротах тюрьмы был повешен Пулихов. Однако, несмотря на это, все более настойчиво раздавались голоса за отмену смертной казни. 19 июня 1906 г. проект такого закона был принят Первой Государственной думой, а позднее — Второй Государственной думой, но Государственный Совет в обоих случаях его не утвердил, и смертные казни продолжались до Февральской революции.

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти стороной самосуд, то есть внесудебное ли-

шение жизни человека, — страшное явление, в течение нескольких веков лишавшее жизни многих людей, виновных и невиновных, на землях Российской империи, особенно в деревнях.

После Февральской революции созданное в Петрограде Временное правительство в первые же дни своего существования приняло ряд буржуазно-демократических законодательных актов. 12 марта 1917 г. было опубликовано правительственное постановление о повсеместной отмене смертной казни. Уже 12 июля 1917 г. смертная казнь была восстановлена на фронте за убийство, разбой, измену, побег к неприятелю, сдачу в плен, уход с поля боя и другие воинские преступления⁵. Но вскоре произошла Октябрьская революция, открывшая новый период истории смертной казни на территории Беларуси.

Буквально на второй день после свершения Октябрьской революции Второй Всероссийский съезд Советов в принятом им декрете отменил смертную казнь в стране. До лета 1918 г. карательные органы советской власти не применяли смертной казни. Однако после начала гражданской войны, убийства нескольких большевистских лидеров и покушения на Ленина ситуация резко изменилась. 21 февраля 1918 г. СНК РСФСР принял Декрет «Социалистическое отечество в опасности!», который провозгласил переход к чрезвычайным мерам и допустил применение расстрела на месте за совершение преступлений неприятельскими агентами, спекулянтами, погромщиками, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами. 5 сентября 1918 г. Совнарком РСФСР принял Декрет «О красном терроре», подтвердивший право ВЧК применять высшую меру без суда и следствия.

Следующая попытка отмены смертной казни была предпринята 17 января 1920 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)». Однако смертная казнь была восстановлена через несколько месяцев Постановлением ВЦИК и СТО «Об объявлении некоторых губерний на военном положении» от 11 мая 1920 г. и Декретом от 28 мая 1920 г.

Уголовное право БССР в 1919–1921 гг. основывалось не на законе, а на революционной сознательности деятелей различных революционных комитетов, трибуналов, Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов, судов и других карательных учреждений. «Красный террор», введенный в России в 1918 г., в Беларуси продолжался до 1922 г.

В 1930-е гг. принимаются самые жестокие законы, направленные против «врагов народа», «вредителей», «диверсантов» и «расхитителей социалистической собственности», широко предусматривавшие наказание смертной казнью. В частности, принятый 1 декабря 1934 г. Закон «Об особом порядке расследования и рассмотрения уголовных дел о террористических актах против работников Советской власти» запрещал обвиняемому пользоваться услугами адвокатов, обжаловать в кассационном порядке приговор, подавать ходатайство о помиловании. Приговор о высшей мере наказания подлежал незамедлительному исполнению.

В последующих уголовных кодексах Советского государства смертная казнь путем расстрела также

была широко распространена. Но в годы Великой Отечественной войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 г. была установлена смертная казнь через повешение. Право применения указа предоставлялось военным трибуналам. Однако указами Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г. и от 24 мая 1944 г. повешение рекомендовалось заменить расстрелом, что на практике не всегда соблюдалось. Например, в Беларуси 30 января 1946 г. по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, по приговору военного трибунала Минского военного округа публично через повешение казнили 14 бывших военнослужащих германской армии и полиции⁶.

Последняя попытка отказаться от смертной казни была предпринята в 1947 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая «Об отмене смертной казни» ликвидировал эту меру наказания в мирное время, предложив вместо нее применять лишение свободы сроком на 25 лет. Однако и в это время, по утверждению О.Ф. Шишова, действовала секретная директива о возможности применения смертной казни специальными судами МГБ по делам о так называемых контрреволюционных преступлениях⁷.

Отмена в 1947 г. смертной казни существенно отразилась на осложнении обстановки в местах лишения свободы. К междуусобным «войнам» среди воровских группировок заключенных добавились массовые побеги с нападением на охрану и ее разоружением. Отсутствие сдерживающего фактора в виде высшей меры наказания за убийство заключенных серьезно осложнило работу администрации по наведению порядка в ИТУ. В целях нормализации обстановки в местах лишения свободы МВД СССР в 1952 г. внесло в Совет министров СССР предложение о нераспространении Указа Президиума Верховного Совета СССР об отмене смертной казни заключенным, совершившим бандитские действия в лагерях и колониях. Формально действующий запрет был отменен в 1950 г., когда высшую меру наказания было разрешено применять к изменникам Родины, шпионам, диверсантам-подрывникам, а в 1954 г. — и за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Впоследствии перечень таких преступлений был существенно расширен. Согласно документам в период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. в судебном и несудебном порядке к высшей мере наказания за контрреволюционные преступления были приговорены 642 980 чел.⁸

К началу 1990-х гг. в уголовном законодательстве союзного государства и Беларуси насчитывалось более 30 составов преступлений, за которые могла быть применена смертная казнь.

В соответствии с Уголовным кодексом РБ в мирное время смертная казнь может назначаться за подготовку и ведение агрессивной войны, террористический акт против представителя другого государства, международный терроризм, геноцид, преступления против безопасности человечества, применение оружия массового поражения, нарушение законов и

обычаев войны, убийство, измену государству, заговор с целью захвата государственной власти, террористический акт, диверсию, убийство работника милиции (ст. 122, 124, 126–128, 134, 135, 139, 356, 357, 359, 360, 362). Санкции всех перечисленных выше статей предусматривают смертную казнь альтернативно пожизненному заключению и лишению свободы на длительные сроки, что способствует применению исключительного наказания только в тех случаях, когда это вызвано особо отягчающими ответственность обстоятельствами или исключительной опасностью лица, совершившего преступление. В том случае, когда суд посчитает целесообразным применить смертную казнь, он в приговоре должен перечислить те обстоятельства, которые послужили основанием для назначения этой суровой меры наказания. Уголовный закон (ст. 59 УК РБ) устанавливает, что смертная казнь не применяется в отношении некоторых категорий лиц: ее нельзя назначать, во-первых, лицам, которые не достигли 18-летнего возраста на день совершения преступления, во-вторых, женщинам, в-третьих, мужчинам старше 65 лет.

Анализируя ситуацию относительно реализации конституционных положений о временном характере смертной казни в Республике Беларусь необходимо отметить, что в Конституции Республики Беларусь прямо закреплен временный и исключительный характер смертной казни. Согласно ч. 3 ст. 24 Конституции смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда.

Конституция допускает применение наказания в виде смертной казни, указывая, тем не менее, на его исключительный и временный характер. В ней подчеркивается вынужденность применения, пока в обществе не сформированы все условия для отмены смертной казни. По сути, временный характер смертной казни — это направление развития законодательства республики в уголовно-правовой сфере, одной из целей которого является отмена смертной казни в будущем, что во многом обусловлено стремлением Беларуси вступить в Совет Европы.

Вопрос об отмене смертной казни требует фундаментального, основательного подхода в силу своей важности и широкого общественного резонанса. Всем памятна результаты всенародного голосования 24 ноября 1996 г. по вопросу об отмене смертной казни. Против высказались 80% принявших участие в голосовании граждан, что убедительно свидетельствует о неготовности общества отменить смертную казнь как вид уголовного наказания на тот момент. Однако необходимо учитывать ряд особенностей развития уголовного законодательства того периода. Выделим ряд отличий, существенно повлиявших, по мнению некоторых видных ученых-правоведов, на итог референдума, который, кстати, носил необязательный (консультативный) характер. Тогда Уголовный кодекс РБ не предусматривал такого исключительного наказания, как пожизненное заключение, которое по своей суровости может выступать в качестве реальной альтернативы смертной казни. В то время в качестве альтернативного исключительной мере наказания, применяемой за особо тяжкие преступления, в том числе и за умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах, как максимально возможное наказание предусматривалось лишение

свободы на срок до 15 лет, что было явно несоразмерно такому наказанию, как смертная казнь.

Также следует учитывать тенденцию гуманизации уголовной ответственности в направлении сужения круга преступлений, за которые может быть применена смертная казнь, примером чего служит новый Уголовный кодекс, принятый в 1999 г.

В общественном сознании прочно укрепился тезис о том, что смертная казнь во многом является устрашающим фактором и активно способствует сдерживанию особо тяжких преступлений. Однако же ни практика, ни научные исследования не выявили зависимости количества совершаемых особо тяжких преступлений от степени использования в государстве смертной казни и не определили уровень ее устрашающего эффекта. Этот факт находит свое подтверждение и в других государствах, являясь для них одним из достаточно серьезных аргументов в пользу отмены смертной казни. По своей природе смертная казнь не может обеспечить достижения и других целей уголовной ответственности, закрепленных в ч. 2 ст. 44 УК нашей республики: исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения им новых преступлений. Также важным является то, что смертная казнь не может исправить возможные судебные ошибки, которые, к сожалению, имеют место в отечественной судебной системе.

К тому же для обеспечения безопасности общества государство и так обладает достаточно эффективными уголовно-правовыми средствами, позволяющими изолировать преступников от общества и тем самым не допускать совершения ими новых преступлений. Такими средствами воздействия, в частности, на убийц в Республике Беларусь, как и во многих других странах, являются наказания в виде пожизненно-го заключения либо лишения свободы, назначаемого на срок до 25 лет.

Тенденция к отмене смертной казни или сокращению ее применения характерна для всего мирового сообщества. В настоящее время не применяют смертную казнь свыше ста государств. Следует отметить, что во многих европейских государствах, в том числе и странах Содружества Независимых Государств, решения об отмене смертной казни либо об объявлении моратория на ее применение принимались в условиях, когда общественное мнение о сохранении этого наказания в законодательстве, как правило, преобладало над мнением об отмене смертной казни. Абсолютное большинство европейских государств уже несколько десятилетий вообще не применяют смертную казнь. В настоящее время 45 государств-членов Совета Европы отказались от применения этого наказания.

Все изложенные аспекты говорят о необходимости внесения изменений в законодательство, касающееся применения смертной казни как вида уголовного наказания. Следует отметить, что приведенные аргументы являются достаточно вескими и содержат всесторонний анализ сложившегося в государстве положения.

Палата представителей Национального собрания предложила Конституционному суду вынести заключение о соответствии Конституции Республики Беларусь и международных договоров Республики Беларусь, по-

ложений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни. Конституционный суд пришел к выводу, что норма ч. 3 ст. 24 Конституции, предусматривающая отмену смертной казни и устанавливающая своего рода переходное положение, когда та может временно применяться в качестве исключительной меры лишь за особо тяжкие преступления, предполагает отказ государства от использования этого наказания. На основании изложенного, руководствуясь ст. 116 Конституции Республики Беларусь, ст. 5, 6, 9, 11, 34, 38, 40 и 43 Закона «О Конституционном суде Республики Беларусь», Конституционный суд решил:

1. Признать п. 11 ч. 1 ст. 48 и ст. 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь не соответствующими Конституции Республики Беларусь в части отсутствия в них указания на временный характер смертной казни.

2. Считать, что ч. 3 ст. 24 Конституции Республики Беларусь, устанавливающая возможность применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания лишь до ее отмены, позволяет принять решение об объявлении моратория на применение смертной казни или о полной отмене этого наказания.

Исходя из содержания данной нормы, динамики преступности, необходимости выполнения рекомендаций Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по вопросу о смертной казни, принятых постановлением Палаты представителей от 13 июня 2002 г., а также учитывая, что Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах не ратифицирован Республикой Беларусь, не решен вопрос о ее полноправном членстве в Совете Европы, и в силу этого не подписаны и не ратифицированы Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и соответствующие протоколы к ней, что обусловило бы в силу ст. 8 и 116 Конституции Республики Беларусь верховенство указанных международных актов в системе национального права, Конституционный суд полагает, что в современных условиях вопрос об отмене этого вида наказания или об объявлении моратория на его применение как первом шаге может быть решен главой государства и парламентом.

В заключение хотелось бы отметить, что право человека на жизнь является чрезвычайно важным, фундаментальным правом. Оно имеет долгую историю: зародившись в концепции общих прав человека в V–IV вв. до н. э., оно получило дальнейшее значительное развитие со становлением естественно-правовой школы, признающей неотчуждаемые права человека, присущие ему от рождения вне зависимости от подданства и правосубъектности. Право на жизнь было формально регламентировано лишь в 1948 г. с принятием Всеобщей декларации прав человека, ст. 3 которой провозглашает, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Тем не менее данная декларация не содержит толкования этого права.

В Конституции Республики Беларусь прямо закреплено право каждого человека на жизнь в ст. 24. Никто не может лишиться человека жизни, и, более того, государству вменяется в обязанность защищать жизнь человека от любых противоправных посягательств. Государство создает для этого соответс-

твующие социально-экономические условия, имеет правовую базу.

В целях дальнейшей защиты конституционных прав и свобод личности в Республике Беларусь было бы целесообразным проведение работы по совершенствованию национального законодательства в области защиты прав человека.

Решение одного из центральных вопросов, связанных с правом на жизнь, — о применении смертной казни — авторы видят в следовании последним тенденциям в правотворчестве и правоприменении. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что и при отмене смертной казни действующее уголовное законодательство будет располагать достаточными средствами защиты прав граждан, борьбы с преступностью, в том числе и с посягательствами на жизнь при отягчающих обстоятельствах⁹.

Грамотная судебная политика, направленная на практическое ограничение использования смертной казни, явилась основой для выработки адекватного решения по этому вопросу Конституционным судом, который оказался перед выбором: следовать по пути абсолютного большинства европейских государств и тем самым проявить свое стремление к интеграции с европейским сообществом или прислушаться к общественному мнению.

Как представляется авторам научной статьи, для реализации указанных решений Конституционного суда законодателем должны быть предприняты пос-

ледовательные, в определенной мере осторожные действия по введению моратория на применение смертной казни с постановкой перед компетентными органами задачи по всестороннему и глубокому исследованию влияния данного решения на состояние преступности и развитие общественного мнения, а затем как следующий шаг — по отмене смертной казни. Решение же вопроса о том, когда это следует предпринять, целиком зависит от воли законодателя.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Шелкопояс Н.А. Смертная казнь в России: история становления и развития (X — середина XIX вв.) Минск, 2000. С. 74.

² См.: Повесть временных лет. М., 1950. Ч. 1. С. 14.

³ Малиновский И. Сборник памятников русского права. Ростов н/Д, 1917. С. 112.

⁴ См.: История исправительно-трудовых учреждений Беларуси: Курс лекций / А.В. Шарков, В.Б. Шабанов, В.М. Павлов и др. Минск, 1990. С. 4.

⁵ См.: Смертная казнь: за и против / Под ред. С. Г. Келиной. С. 70.

⁶ См.: Шарков А.В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944–1951 гг.). Минск, 1997.

⁷ См.: Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории Советского государства // Смертная казнь: за и против / Под ред. С.Г. Келиной.

⁸ См.: Жирнов Б. Десять железных наркомов // Комсомольская правда. 1989. 29 сент.; Аргументы и факты. 1989. № 38, 39, 45; 1990. № 36.

⁹ См.: История государства и права зарубежных стран / Под ред. О.А. Шидкова и Н.А. Крашенинникова. М., 1988. Ч. 1; О проблеме смертной казни в Республике Беларусь // Вестник Конституционного суда Республики Беларусь. 2002. № 2.

Роль и значение первой кодификации уголовного и исправительно-трудового законодательства Украины для организационно-правовых основ деятельности органов и учреждений исполнения наказаний

И. В. ИВАНЬКОВ — начальник цикла уголовно-правовых дисциплин Черниговского юридического колледжа Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний, кандидат юридических наук

Анализ исследований отечественных и зарубежных ученых в области деятельности системы органов и учреждений исполнения уголовных наказаний свидетельствует о том, что изучение нормативно-правовых основ становления и развития уголовно-исполнительной системы, факторов, влияющих на этот процесс, объективное отображение его основных этапов позволяет определить основные принципы, на которых должна базироваться современная уголовно-исполнительная политика.

Научное исследование правовых основ функционирования системы органов и учреждений исполнения уголовных наказаний Украины, определение их роли и места в процессе государственного строительства в период становления и развития разных форм украинской государственности в первой половине XX в. является сегодня актуальным, поскольку предостерегает от ошибок, допускаемых в реформировании уголовно-исполнительной системы в целом, и деятельности органов и учреждений исполнения уголовных наказаний в частности, предоставляет возможность использования положительных нарабо-

ток в структурно-организационном усовершенствовании УИС.

Целью настоящей статьи является исследование процесса образования центрального и местных аппаратов управления органами и учреждениями, которые решали специальные задачи по исполнению уголовных наказаний, и их нормативно-правового обеспечения в период возникновения и утверждения на территории Украины советской власти.

Большую помощь в исследовании указанной проблемы оказала «Хрестоматия из истории пенитенциарной системы Украины (911–1927 гг.)», составленная Г. О. Радовым и И. И. Резником, посредством которой впервые были введены в научный оборот важные правовые источники и нормативно-правовые акты, действовавшие на Украине в период до 1927 г.

Определяющее значение для анализа советского периода функционирования пенитенциарной системы Украины имели работы Л. Бородича, Я. Ю. Кондратьева, Р. С. Мулукаева, П. П. Михайлен-

ко, М. П. Мелентьева, А. И. Олейника, М. А. Стручкова, В. Н. Трубникова, Ю. А. Фролова, Б. С. Утевского и др.

Начало 20-х гг. прошлого века на Украине, как и в России, было отмечено формированием нового советского исправительно-трудового законодательства — изданием новых ведомственных нормативно-правовых актов сначала Народным комиссариатом юстиции, а с декабря 1922 г. Народным комиссариатом внутренних дел. 23 августа 1922 г. на Украине был принят Уголовный кодекс, юридически закрепивший общие основы назначения и применения наказания, определивший его цели, категории лиц, к которым может применяться тот или иной вид наказания.

В НКВД УССР в связи с необходимостью и пониманием важности кодификации норм уголовно-исполнительного права для укрепления законности и правопорядка в местах лишения свободы, повышением уровня управления ими в августе 1924 г. был разработан проект Пенитенциарного кодекса республики¹.

Документ был подготовлен почти на два месяца раньше Исправительно-трудового кодекса РСФСР и значительно отличался от него, прежде всего тем, что «ориентировался большей частью на последние достижения пенитенциарной науки и практики»². Несмотря на то, что указанному ранее проекту был присущ классовый подход, его правовые нормы были более гуманны.

В связи с тем что понятие «пенитенциарный» не отображало задач и сущности уголовных наказаний в УССР, проект Пенитенциарного кодекса был отправлен руководством республики на доработку.

В новой редакции украинский кодекс сохранил название исправительно-трудового. Этим подчеркивалась основная задача мест лишения свободы и органов принудительных работ в Советском государстве — исправление преступников, и важнейшее средство их исправления — труд. В основу норм данной редакции кодекса были взяты положения, содержащиеся в ИТК РСФСР.

Подготовка новой редакции проекта ИТК Украины происходила на фоне значительных изменений в структуре Народного комиссариата внутренних дел республики. Правовое закрепление данной реорганизации состоялось 20 сентября 1924 г., когда ВУЦИК и правительство УССР совместным постановлением утвердили Положение об НКВД³, где были определены задачи и соответствующая им организационная структура наркомата.

В состав центрального аппарата НКВД входили административный отдел, отдел милиции и розыска, исправительно-трудовой отдел, инспекция по делам коммунального хозяйства (на правах отдела) и управление делами⁴. Кроме того, при наркомате действовали три постоянных межведомственных органа — особая комиссия по административной высылке, центральная межведомственная комиссия по делам о союзах, совет по делам коммунального хозяйства. Местными органами НКВД были губернские и окружные административные управления (отделы), аппарат которых упрощенно повторял приведенную выше структуру наркомата.

Согласно ст. 17 Положения об НКВД на исправительно-трудовой отдел возлагались следующие задачи: разработка по согласованию с НКЮ вопросов пенитенциарной политики и режима в местах лишения свободы; управление местами лишения свободы общегосударственного значения и находящимися в ведении исправительно-трудового отдела; руководство местными исправительно-трудовыми органами и планомерным распределением заключенных между местами лишения свободы, разработка планов их территориального местонахождения; реорганизация старых и организация новых мест лишения свободы и контроль за выполнением законов в области исправительно-трудовой системы; разработка видов принудительных работ для лиц, лишенных свободы и осужденных к наказанию без лишения свободы; организация трудовых сельскохозяйственных колоний и других предприятий, составление планов работ и проверка их выполнения; руководство деятельностью распределительных комиссий и бюро принудительных работ; разработка штатов мест лишения свободы, губернских инспекций, перемещение, назначение и освобождение в предусмотренном законом порядке и случаях сотрудников этих учреждений; руководство деятельностью конвойных частей в области выполнения ими оперативных задач; содействие органам Народного комиссариата здравоохранения в деле осуществления лечебно-санитарного надзора и медпомощи в местах лишения свободы; разработка по соглашению с заинтересованными ведомствами и учреждениями норм всех видов снабжения для заключенных и служащих в местах лишения свободы; руководство по согласованию с органами НКЮ культурно-просветительской и политической работой в местах лишения свободы, а также делами школьного, внешкольного и профессионального образования и развития заключенных.

Структурно исправительно-трудовой отдел состоял из общего отделения, административно-пенитенциарной и производственно-хозяйственной инспекций.

Итак, административные функции, которые выполнял НКВД после реорганизации, не придавали политического содержания его деятельности и значительно суживали влияние данного органа в области административного управления. По словам народного комиссара внутренних дел УССР В. А. Балицкого, НКВД на протяжении 1923–1926 гг. находился «в каком-то непостоянном положении» во всей системе органов советской власти и «по сути утратил свое влияние на руководство админработой в республике»⁵. Главное содержание деятельности НКВД и его местных органов в этот период составляло руководство милицией республики, исправительно-трудовой политикой и коммунальным хозяйством.

Параллельно с деятельностью по подготовке новой редакции проекта ИТК УССР исправительно-трудовой отдел НКВД Украины продолжал нарабатывать новые правовые нормы, которые в случае их положительной реализации должны были войти в кодекс. Таким образом, происходило накопление как положительного, так и отрицательного опыта нормотворчества.

В этот период ИТО НКВД УССР были изданы документы, совершенствовавшие правовое положение заключенных: циркуляры «О порядке изымания личных денег и ценностей от заключенных при поступ-

лении в места лишения свободы» от 15.11.1924 № 49, «О недопустимости грубого обращения с заключенными» от 06.03.1925 № 22, «О порядке содержания в местах лишения свободы беременных женщин и женщин, которые кормят грудью» от 12.07.1925 № 94⁶.

В процесс дальнейшей регламентации и детализации порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы активно включались другие государственные органы.

Так, например, Верховным Судом Украины было разъяснено, что «в случае болезни осужденных, которая препятствует отбыванию предназначенной судом меры социальной защиты в виде лишения свободы, допускается отсрочка выполнения приговора независимо от того, исполняется уже назначенная судом мера или ее отбывание еще не началось»⁷.

Дальнейшего усовершенствования требовали взаимоотношения администрации мест лишения свободы и контрольно-надзорных государственных органов, в частности прокуратуры. Совместный циркуляр прокурора республики, НКЮ и НКВД УССР «О взаимоотношениях лиц прокурорского надзора с исправительно-трудовыми учреждениями» от 07.06.1925 № 96 установил обязательность выполнения требований лиц прокурорского надзора в пределах их полномочий для администрации ИТУ и порядок решения спорных вопросов на управленческом уровне⁸.

Таким образом, период подготовки нового проекта ИТК Украины был обусловлен процессом активного поиска и создания новых норм уголовно-исполнительного права, направленных на усовершенствование правового статуса заключенных, обеспечение реализации их законных прав и интересов. К этому процессу кроме непосредственных органов управления местами лишения свободы активно привлекались и другие государственные органы — Верховный Суд, прокуратура, Народный комиссариат юстиции и т. п.

6 октября 1925 г. проект ИТК УССР был заслушан на заседании Совнаркома Украины, а 12 октября — на объединенном заседании Президиума ВУЦИК и СНК УССР, где было принято решение о представлении проекта на рассмотрение и утверждение очередной сессии ВУЦИК⁹.

23 октября 1925 г. II сессия ВУЦИК IX созыва утвердила Исправительно-трудовой кодекс УССР, приняв Постановление «О предоставлении действия Исправительно-трудовому кодексу УССР». Началом срока действия ИТК было определено 15 ноября 1925 г.¹⁰

В Исправительно-трудовом кодексе Украины¹¹ нашли свое отображение закрепленные в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик (от 30.11.1924) важнейшие положения вопросов применения уголовного наказания, определено содержание понятия мер социальной защиты судебно-исправительного характера, к которым относились объявление врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и изгнание за пределы СССР навсегда; лишение свободы со строгой изоляцией; лишение свободы без строгой изоляции; принудительные работы без лишения свободы; ограничение в правах; удаление за пределы СССР на установленный срок; изгнание за пределы союзной республики

или отдельной местности с запретом проживания в тех или других местностях (ссылка и высылка); освобождение от должности; запрет занимать определенную должность, заниматься видом деятельности или промыслом и т. п. Меры социальной защиты применялись с целью предупреждения преступлений, лишения общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления, а также осуществления исправительно-трудового воздействия на осужденных.

Структурно ИТК Украины 1925 г. состоял из «Общих положений» и 21 главы.

Анализ статей кодекса и их правовых норм позволяет выделить положения, составившие историко-правовое значение рассматриваемого документа.

ИТК УССР окончательно установил и закрепил основные принципы советского исправительно-трудового права, определил его основные задачи в условиях социалистического строительства: создание и осуществление системы исправительно-трудовых мер с целью приспособления преступных элементов к условиям свободной законопослушной жизни; построение системы ИТУ; организация соответствующего режима в них; целесообразная организация и применение принудительных работ без содержания под стражей.

Исправительно-трудовой кодекс Украины обобщил понятие системы ИТУ, куда по смыслу ст. 2 относились переходные трудовые дома, трудовые сельскохозяйственные, ремесленные и фабрично-заводские колонии, которые должны были размещаться преимущественно за пределами городов. Кодекс прямо указывал на необходимость реорганизации в том же направлении существующих исправительно-трудовых учреждений и тюрем, чем доказательным окончательный отказ от тюремной системы.

ИТК УССР 1925 г. раскрыл содержание правил содержания заключенных в условиях социалистического государства, их материально-бытового обеспечения, правового статуса и дисциплинарной ответственности за нарушение требований режима. Правилами режима, установленными кодексом, в качестве дисциплинарных наказаний не допускались телесные наказания, кандалы, наручники, лишение пищи и т. п., что доказывало гуманный характер первого украинского свода законов об отбывании уголовных наказаний.

Впервые в Украине было на законодательном уровне определено, что общественно полезный труд является основным средством исправления лиц, совершивших преступления и осужденных судами к уголовному наказанию в виде лишения свободы. Статья 3 ИТК УССР закрепила принципиальное положение о том, что труд в ИТУ должен быть организован в соответствии с Кодексом законов о труде, а гл. 12 детально регламентировала порядок и условия его организации в условиях мест лишения свободы. При этом в ст. 6 отмечалось, что каждое ИТУ, преследуя прежде всего исправительные цели, должно в то же время стремиться возмещать трудом заключенных расходы на их содержание. Это было важное указание о соотношении задач перевоспитания правонарушителей и переведении мест заключения на самоокупаемость.

Значительным преимуществом ИТК Украины 1925 г. было закрепление в деятельности ИТУ такого понятия, как прогрессивная система, по которой заключенные находились в разных условиях отбывания наказания и ослабление или усиление карательных элементов прямо зависело от особенностей личности преступника, его социального положения, содержания судебного приговора, причин и мотивов преступления, поведения в ИТУ, успехов в трудовой деятельности и обучении. Именно для этого была создана система ИТУ разных видов и устанавливался порядок распределения осужденных на разряды.

Не менее важными являлись указания ст. 5 кодекса о необходимости использования всех мер по устранению вредного влияния наиболее опасных заключенных на других. Это должно было дать возможность развитию самостоятельности заключенных, направленной на формирование свойств и профессиональных привычек, необходимых для трудовой жизни в условиях свободы, чему также содействовало закрепленное в кодексе положение о раздельном содержании разных категорий осужденных.

В ст. 7 ИТК регламентировались возможность и необходимость создания общественных учреждений и обществ, которые бы дополняли исправительно-трудовую систему республики и были предназначены для предоставления разных видов помощи заключенным и лицам, освобожденным из исправительно-трудовых учреждений. Именно они должны были оказывать содействие в борьбе с преступностью и предупреждении развития рецидивной преступности, что окончательно закрепляло принцип участия общественности в процессе исправления и перевоспитания заключенных в украинском исправительно-трудовом праве.

Серьезной основой для научного обоснования исправительно-трудового или медико-педагогического воздействия на лиц, совершивших преступления, было предусмотренное ст. 8 ИТК УССР привлечение к участию в деятельности ИТУ уголовно-диагностических кабинетов и других научных учреждений, которые функционировали на основании особых постановлений и положений о них.

ИТК Украины в ст. 9 и 11 закрепил систему управления органами исполнения наказания. Общее руководство и управление ИТУ, а также руководство организацией принудительных работ без содержания под стражей возлагалось на Народный комиссариат внутренних дел УССР и осуществлялось на местах через местные исправительно-трудовые органы НКВД. Исправительно-трудовые инспекции должны были действовать под надзором и контролем начальника административного отдела окружного исполнительного комитета, но на основании инструкций, распоряжений и указаний НКВД. Кодекс определял правовой статус персонала ИТУ и порядок его деятельности, ответственность и порядок прохождения службы представителями администрации учреждения. Состав надзора и других служащих исправительно-трудовых учреждений определялись как кодексом, так и особым Положением о службе в ИТУ.

Кодекс предусматривал создание двух видов комиссий, в состав которых вместе с администрацией исправительно-трудовых органов входили представители суда и общественности. Это были наблю-

дательные комиссии, создававшиеся при каждом ИТУ и занимавшиеся главным образом контролем за правильным распределением осужденных по разрядам в пределах учреждения выполнения наказаний, а также комиссии распределительные (при окрисполкоме), которые распределяли осужденных по ИТУ, проводили зачет двух дней работы за три дня срока лишения свободы, разрешали осужденным проведение отпуска за пределами ИТУ, ходатайствовали об условно-досрочном освобождении осужденных и т. п.

Анализ гл. 3 и 4 ИТК УССР позволяет сделать вывод о том, что функции распределительной и наблюдательной комиссий в большинстве случаев дублировались, то есть вопросы, рассматривавшиеся наблюдательными комиссиями всех ИТУ округа, должны были утверждаться на заседании окружной распределительной комиссии.

В качестве серьезного достижения, связанного с принятием ИТК республики, необходимо отметить введение норм, регламентировавшихся гл. 18 и касавшихся организации помощи заключенным и осужденным, освобождающимся из ИТУ.

В условиях общих экономических трудностей в стране, конечно, речь не шла о конкретных мероприятиях. Статья 177 лишь декларативно определяла цель такой помощи — предоставление материальной поддержки необеспеченным осужденным при возвращении их на родину или на место постоянного проживания после освобождения из ИТУ; предоставление освобожденным на первое время помещения, питания и займов на приобретение инструментов и необходимых предметов домашнего быта на льготных условиях; устройство мастерских и предприятий для привлечения к работе бывших заключенных; предоставление юридической, медицинской помощи и т. п.

Глава 20 ИТК УССР была посвящена специальным воспитательным учреждениям для несовершеннолетних преступников — реформаториумам, создание которых основывалось на принципах объединения карательных свойств режима лишения свободы с культурно-просветительской работой и являлось конечной целью формирования из несовершеннолетних правонарушителей самостоятельных граждан, осознающих свои права и обязанности. Срок отбывания наказания несовершеннолетних в реформаториумах не должен был превышать двух лет, а максимальный возраст — восемнадцати лет.

Таким образом, ИТК УССР 1925 г. сыграл решающую роль в становлении и развитии украинского исправительно-трудового законодательства, и, несмотря на дальнейшие изменения и дополнения, юридически продолжал действовать до 1960 г., хотя фактически его действие прекратилось в 30-х гг. прошлого века.

■ ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Хрестоматия по истории пенитенциарной системы Украины / Сост. Г.О. Радов, И.И. Резник. Киев, 1998. Т. 2. Ч. 1. С. 228–277.

² Там же. С. 14.

³ См.: Борьба с преступностью в Украинской ССР (1917–1967): В 2 т. Киев, 1966. Т. 1. С. 665–673.

⁴ См.: Собрание узаконений УССР. 1924. № 37–38. С. 245.

⁵ Выступление народного комиссара внутренних дел УССР В. А. Балицкого. Январь 1926 г. // Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее — ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2803. С. 4.

⁶ См.: Сборник материалов по исправительно-трудовому делу УССР. Харьков, 1927. № 60. С. 69–70.

⁷ Борьба с преступностью в Украинской ССР (1917–1967). С. 704.

⁸ См.: Сборник материалов по исправительно-трудовому делу УССР. С. 65–67.

⁹ См.: Протокол объединенного заседания Президиума ВУЦИК и СНК УССР. 12 октября 1925 г. // ЦГАОО Украины. Ф. 8. Оп. 3. Д. 2203. С. 13.

¹⁰ См.: Собрание узаконений УССР. 1925. № 94–95. С. 524.

¹¹ См. Хрестоматия по истории пенитенциарной системы Украины. С. 307–343.

Распределение осужденных по учреждениям исполнения наказаний на современном этапе реформирования пенитенциарной системы Украины

И. В. БОДНАР — старший преподаватель цикла уголовно-правовых дисциплин Черниговского юридического колледжа Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний

В 2001 г. был принят и вступил в действие новый Уголовный кодекс Украины, в 2003 г. был принят, а в 2004 г. вступил в действие новый Уголовно-исполнительный кодекс страны.

С принятием указанных нормативных актов изменились виды и сама система уголовных наказаний. Данные изменения национального законодательства в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний были произведены в соответствии с требованиями Европейских тюремных правил, принятых в 1973 г.

Проведя анализ национального уголовно-исполнительного законодательства, можно прийти к выводу о том, что его нормы почти полностью соответствуют требованиям норм международных. Так ч. 1–5 ст. 11 Уголовно-исполнительного кодекса Украины определяет следующие виды органов и учреждений исполнения наказаний: арестные дома, уголовно-исполнительные и специальные воспитательные учреждения.

При этом уголовно-исполнительные учреждения подразделяются на учреждения открытого и закрытого типа. К первым относятся исправительные центры, ко вторым — исправительные колонии, которые бывают трех уровней безопасности — минимального, среднего и максимального. Исправительные колонии минимального уровня безопасности подразделяются на колонии с обычными и облегченными условиями содержания¹.

Правильное определение вида учреждения исполнения наказания имеет важное значение для индивидуализации карательного и воспитательного воздействия на личность осужденного и выбора степени допустимых ограничений его прав и свобод².

До 2001 г. вид режима и учреждения отбывания наказания определялся в приговоре суда при назначении уголовного наказания. С момента вступления в действие Уголовного кодекса Украины данная деятельность была возложена на Государственный департамент Украины по вопросам исполнения наказаний (далее — ГДУВИН).

Причиной тому послужило переполнение исправительных колоний, частые случаи неправильного определения уровня безопасности, нерациональное использование осужденных в производствен-

ной деятельности, недостаточная профилактическая работа.

На современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы решением указанным вопросам занимается созданная при территориальных управлениях ГДУВИН комиссия по вопросам распределения, направления и перевода для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (далее — региональная комиссия). Именно она на основании Инструкции о порядке распределения, направления и перевода для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (утв. Приказом Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний от 16.12.2003 № 261) (далее — инструкция) проводит распределение осужденных непосредственно в следственных изоляторах.

В соответствии с указанной инструкцией региональная комиссия:

- осуществляет в границах своей компетенции определение вида безопасности исправительной колонии; перевод, направление и распределение осужденных к лишению свободы в учреждения исполнения наказаний в границах региона или по запрашиваемым нарядам ГДУВИН в другие исправительные учреждения;

- направляет соответствующие материалы на рассмотрение апелляционной комиссии;

- обобщает практику применения законодательства по вопросам в пределах своей компетенции, разрабатывает предложения по его совершенствованию и в установленном порядке вносит их на рассмотрение апелляционной комиссии;

- обеспечивает апробацию, внедрение информационных технологий в практику своей деятельности и осуществляет их интеграцию в информационную систему ГДУВИН;

- организует подготовку, повышение квалификации и стажировку своих членов; вносит предложения ГДУВИН по совершенствованию своей деятельности;

- осуществляет другую деятельность в границах своих полномочий и заданий³.

Наличие у региональной комиссии широких полномочий позволяет ей более детально, чем суду, рассматривать личность осужденного и определять вид соответствующей исправительной колонии.

В рамках вопроса распределения осужденных необходимо детально проанализировать критерии, по которым комиссия определяет вид уровня безопасности исправительной колонии. Сделаем это на примере работы по направлению осужденных из следственных изоляторов для отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

В ч. 2 ст. 18 УИК Украины определены общие категории осужденных, которые отбывают наказание в исправительных колониях того или иного уровня безопасности.

В исправительных колониях минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания: впервые осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, преступления небольшой и средней тяжести; лица, переведенные из колоний минимального уровня безопасности с общими условиями содержания и колоний среднего уровня безопасности.

По официальным данным ГДУВИН на конец сентября 2006 г., в данных исправительных колониях существовало 6 учреждений, где находилось 1374 осужденных.

В исправительных колониях минимального уровня безопасности с общими условиями содержания: мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести; женщины, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления; осужденные, переведенные из воспитательных колоний.

По тем же данным ГДУВИН на конец сентября 2006 г., в указанного вида колониях существовало 19 учреждений (9 для содержания мужчин и 10 для содержания женщин), с численностью контингента 6481 и 5676 чел. соответственно.

В исправительных колониях среднего уровня безопасности содержатся: женщины, осужденные к наказанию в виде пожизненного лишения свободы; женщины, которым наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы заменено лишением свободы на определенный срок в порядке помилования или амнистии; мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за тяжелые и особо тяжелые преступления; мужчины, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы; мужчины, осужденные за совершение преднамеренного преступления средней тяжести в период отбывания наказания в виде лишения свободы; осужденные, переведенные из колоний максимального уровня безопасности.

По данным ГДУВИН, в исправительных колониях среднего уровня безопасности существовало 77 учреждений, содержащих 80 901 осужденного.

В исправительных колониях максимального уровня безопасности содержатся: мужчины, осужденные к наказанию в виде пожизненного лишения свободы; мужчины, которым наказание в виде смертной казни

заменено пожизненным лишением свободы; мужчины, которым наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы заменено лишением свободы на определенный срок в порядке помилования или амнистии; мужчины, осужденные за преднамеренные особо тяжкие преступления; мужчины, осужденные за совершение преднамеренного тяжкого или особо тяжкого преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы; мужчины, переведенные из колоний среднего уровня безопасности⁴.

В связи с тем что ст. 18 УИК Украины предусматривает только общие критерии распределения, инструкция вводит свои ограничения.

Так, в колонии минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания не направляются следующие категории осужденных: лица, злостно нарушавшие требования режима в местах предварительного заключения; инвалиды первой и второй групп; лица, достигшие пенсионного возраста; беременные женщины; женщины, имеющие при себе детей в возрасте до трех лет; лица, не прошедшие полный курс лечения венерического заболевания, активной формы туберкулеза, психического расстройства, алкоголизма и наркомании; лица, осужденные за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров; лица, осужденные за совершение преднамеренного преступления в период отбывания наказания в виде ареста или ограничения воли.

Данные ограничения, по мнению ученых и практических работников ГДУВИН, предоставляют возможность более полно задействовать осужденных в производственной деятельности и уменьшить количество совершаемых правонарушений в указанном виде исправительных учреждений.

Инструкция более детально регулирует и распределение осужденных по исправительным колониям максимального уровня безопасности. Это обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, в учреждениях данного типа осужденные отбывают наказание в помещениях камерного типа или в обычных жилых помещениях. Во-вторых, в исправительных колониях среднего уровня безопасности созданы секторы максимального уровня безопасности для содержания осужденных, которые в соответствии со ст. 18 УИК Украины должны отбывать наказание в исправительных колониях максимального уровня безопасности.

По данным на конец сентября 2006 г., на Украине в исправительных колониях среднего уровня безопасности существовало 13 секторов максимального уровня безопасности численностью 1243 осужденных; 11 секторов максимального уровня безопасности численностью 1293 осужденных; 8 исправительных колоний максимального уровня безопасности численностью 5076 осужденных.

Таким образом, инструкция вносит свои коррективы в отношении направления осужденных для отбывания наказания в исправительные колонии максимального уровня безопасности с содержанием в помещениях камерного типа и с обычными условиями.

Так, в исправительные колонии максимального уровня безопасности с отбыванием наказания в обычных жилых помещениях направляются:

— мужчины, которым наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы заменено лишением свободы на определенный срок в порядке помилования;

— мужчины, осужденные за преднамеренные особо тяжкие преступления, имеющие неснятую и непогашенную судимость за преднамеренное тяжкое или особо тяжкое преступление, за которое они фактически отбывали наказание в местах лишения свободы;

— мужчины, которые ранее дважды в любой последовательности были осуждены и фактически отбывали наказание в виде лишения свободы за преступления против основ национальной безопасности Украины, преднамеренное убийство, преднамеренное тяжкое телесное повреждение, захват заложников, изнасилование; разбой, совершенный при отягчающих обстоятельствах; вымогательство, совершенное при отягчающих обстоятельствах; изготовление, хранение, приобретение, перевозку, пересылку, ввоз на Украину с целью сбыта или сбыт поддельных денег, государственных ценных бумаг или билетов государственной лотереи; создание преступной организации; бандитизм; террористический акт; создание непредусмотренных законом военизированных или вооруженных формирований, похищение, присвоение, вымогательство огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов или завладение ими путем мошенничества или злоупотребления служебным положением; незаконное завладение транспортным средством при отягчающих обстоятельствах; контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров; незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку или сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; организацию или содержание мест для незаконного употребления, производства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; посягательство на жизнь работника правоохранительного органа; посягательство на жизнь судьи, народного заседателя или присяжного в связи с их деятельностью, связанной с осуществлением правосудия; злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения; побег из места лишения свободы или из-под стражи; посягательство на жизнь представителя иностранного государства и которые вновь совершили любое из перечисленных преступлений, за что они осуждены к наказанию в виде лишения свободы.

В исправительные колонии или секторы максимального уровня безопасности с отбыванием наказания в помещениях камерного типа направляются:

— мужчины, осужденные к наказанию в виде пожизненного лишения свободы;

— мужчины, которым наказание в виде смертной казни заменено пожизненным лишением свободы;

— мужчины, осужденные к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок за посягательство на территориальную целостность и неприкосно-

венность Украины, которое привело к гибели людей или другим тяжелым последствиям; государственную измену; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; диверсию, шпионаж; преднамеренное убийство (двух или больше лиц, заложника, лица или ее близкого родственника в связи с выполнением этим лицом служебного или общественного долга), совершенное на заказ, совершенное лицом, которое ранее совершило преднамеренное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. 116, 118 КК Украины; захват заложников, если оно совершено относительно несовершеннолетнего либо организованной группой, либо было связано с угрозой уничтожения людей, либо повлекло тяжелые последствия; создание преступной организации; бандитизм, террористический акт, совершенный повторно либо с предварительным сговором группой лиц, если привел к причинению значительного имущественного вреда или других тяжелых последствий или гибели человека; создание террористической группы или террористического организации; посягательство на жизнь работника правоохранительного органа, члена общественного формирования из охраны общественного порядка и государственной границы или военнослужащего; посягательство на жизнь судьи, народного заседателя или присяжного в связи с их деятельностью, связанной с осуществлением правосудия; посягательство на жизнь защитника или представителя лица в связи с деятельностью, связанной с предоставлением правовой помощи; посягательство на жизнь представителя иностранного государства; захват представителя власти или работника правоохранительного органа как заложника;

— мужчины, осужденные за совершение преднамеренного тяжкого или особо тяжкого преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы;

— мужчины, которые раньше были осуждены к лишению свободы за любое из следующих преступлений: против основ национальной безопасности Украины; преднамеренное убийство при отягчающих обстоятельствах; захват заложников; изнасилование, повлекшее особо тяжелые последствия, а также изнасилование несовершеннолетней или несовершеннолетнего, малолетней или малолетнего; разбой, совершенный организованной группой или связанный с причинением тяжелых телесных повреждений; вымогательство, совершенное организованной группой или связанное с причинением тяжкого телесного повреждения; создание преступной организации; бандитизм; террористический акт; посягательство на жизнь работника правоохранительного органа, члена общественного формирования из охраны общественного порядка и государственной границы или военнослужащего; посягательство на жизнь судьи, народного заседателя или присяжного в связи с их деятельностью, связанной с осуществлением правосудия; злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения; побег из мест лишения свободы или из-под стражи и которые вновь совершили любое из перечисленных преступлений, за что они осуждены к наказанию в виде лишения свободы⁵.

Данное распределение позволяет существенно снизить возможность совершения повторного преступления в местах лишения свободы и обезопасить

персонал учреждения от противоправных посягательств.

Следует отметить, что инструкция существенно ограничивает число осужденных, привлекаемых к хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов и исправительных колоний максимального уровня безопасности.

На конец сентября 2006 г. на Украине существовало 33 следственных изолятора. Им, а также исправительным колониям максимального уровня безопасности хозяйственного обслуживания ст. 18 УИК разрешает оставлять осужденных за преступления небольшой, средней и большой тяжести. При этом инструкция ограничивает данную категорию, исключая из нее осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства; бывших военнослужащих, осужденных за самовольное оставление части и дезертирство; бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления; осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, хищением оружия, боеприпасов; лиц, не имевших постоянного места проживания.

Данные ограничения установлены с целью более рационального использования осужденных в хозяйственной деятельности учреждений и снижения вероятности совершения ими новых преступлений, риска установления неразрешенных взаимоотношений как с осужденными, следственно арестованными, так и с персоналом учреждений⁶.

Таким образом, на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы большое внимание ГДУВИН уделяется вопросу распределения осужденных по учреждениям исполнения наказаний.

Наделение региональной комиссии широкими полномочиями предоставляет ей возможность выполнения обязанностей по правильному распределению осужденных и решению следующих задач:

— снижения плотности контингента в учреждениях исполнения наказаний;

— уменьшения количества ошибок в определении осужденным уровня безопасности исправительных колоний;

— рационального использования осужденных в хозяйственной деятельности исправительных колоний;

— уменьшения негативного влияния среды исправительной колонии на осужденных и снижения уровня пенитенциарной преступности;

— обеспечения безопасности персонала учреждений исполнения наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Колб О. Г. Установа виконання покарань як суб'єкт профілактики злочинів: Монографія. Луцьк, 2006. С. 124.

² См.: Кримінально-виконавче право України: Підручник для студентів юридичних спеціальностей вищих навчальних закладів / За ред. проф. А. Х. Степаненка. Х., 2005. С. 127.

³ См.: Кримінально-виконавче законодавство України / В. С. Ковальський, Ю. М. Хахуда. К., 2005. С. 358.

⁴ См.: Кримінально-виконавчий кодекс України: Науково-практичний коментар / А. Х. Стефанік, І. С. Яковець; За заг. ред. А. Х. Степанюка. Х., 2005. С. 63.

⁵ См.: Кримінально-виконавче законодавство України / В. С. Ковальський, Ю. М. Хахуда. С. 343.

⁶ См.: Кримінально-виконавчий кодекс України. С. 283.

Развитие казахской криминологии

Е. О. АЛАУХАНОВ — главный редактор журнала «Научный мир Казахстана», доктор юридических наук, профессор, член союза писателей и союза журналистов Казахстана

Криминология в качестве самостоятельной науки в Советском Союзе получила интенсивное развитие с середины 60-х гг. XX в. Первостепенное значение придавалось криминологии и как учебной дисциплине. Ее курс впервые был прочитан на юридическом факультете Московского государственного университета в 1963/1964 учебном году. Сначала он был рассчитан всего на 40 часов лекций и семинаров, впоследствии данный объем постоянно увеличивался. С 1964/1965 учебного года курс криминологии постепенно стал читаться на всех юридических факультетах госуниверситетов и в юридических вузах СССР.

Преподавание криминологии и профилактики правонарушений в учебных заведениях с первых дней вызвало необходимость подготовки квалифицированных кадров, создания соответствующей организационной базы, а также осуществления научных криминологических исследований. Поэтому с середины 60-х гг. в научно-исследовательских учреждениях юридического профиля стали создаваться криминологические отделы, секторы, группы, а в ряде вузов — криминологические лаборато-

рии. В органах внутренних дел криминологическое направление научных исследований стало одним из основных¹.

В современном Казахстане рассматриваемая наука активно развивается. За последние пятнадцать лет опубликовано большое количество монографий по криминологии и профилактике правонарушений. Результаты научных криминологических исследований с каждым годом все чаще применяются в практике борьбы с преступностью. В 2005 г. автором настоящей статьи был опубликован учебник «Криминология» на государственном языке и монография «Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений».

Возникновение криминологии в Казахстане связано с именем Сергея Яковлевича Булатова, создавшего свои труды в то время, когда криминология как дисциплина еще не преподавалась в вузах. С. Я. Булатов предвидел возрождение криминологии и старался исследовательской работе своих студентов дать соответствующее направление. Ученый был непререкаемым авторитетом среди коллег и студен-

тов, подражавших ему как человеку, глубоко преданному науке.

Невероятная трудоспособность Сергея Яковлевича способствовала созданию им в кратчайшие сроки таких капитальных трудов, как «Уголовная политика эпохи империализма» (1933 г.), «Военно-уголовное законодательство французской революции 1789–1791 гг.» (2000 г.), «Каролина» (1960 г.), «Возрождение Ломброзо в советской криминологии» и др., а также множества статей на актуальные темы.

Указанные работы вышли в свет лишь после смерти профессора. Немногие ученики знали о разносторонних дарованиях своего преподавателя, как и о том, что он в совершенстве владел языками переведенных им трудов (французским, немецким).

С большим уважением относились к С. Я. Булатову те, кого он направлял по научной стезе.

Одним из учеников Сергея Яковлевича был казахский криминолог Б.С. Бейсенов, исследовавший алкоголизм как один из главных факторов воспроизводства преступности в республике, предложивший идеи борьбы с этим социальным злом.

Почитаемым продолжателем науки криминологии является следующий ученик С. Я. Булатова — Е. И. Кайржанов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РК, академик Академии естественных наук РК, автор учебников, монографий и типовых учебных программ по криминологии. Человек, сделавший многое для становления криминологической науки в республике.

Нельзя не сказать и о деятельности ученых, занимающихся сегодня актуальными проблемами правовых наук в целом и криминологии в частности.

По праву к таковым можно отнести И. И. Рогова — заслуженного деятеля науки РК, доктора юридических наук, профессора, исследующего проблемы противодействия экономической преступности; А. Н. Агыбаева — доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля РК, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии, автора диссертации на соискание ученой степени доктора наук по теме «Теоретические проблемы ответственности должностных лиц за служебные преступления»; М. С. Нарикбаева — доктора юридических наук, профессора, президента Казахского гуманитарно-юридического университета, исследующего проблемы, причины и меры предупреждения преступности среди несовершеннолетних, вопросы коррупционной и организованной преступности, внесшего большой вклад в реорганизацию судебной системы в РК².

За последние шестнадцать лет в стране была осуществлена подготовка высококвалифицированных научных криминологических кадров, докторов юридических наук, профессоров: Н. М. Абдилова, А. Н. Агыбаева, Е. О. Алауханова, Н. Дулатбекова, Б. Ж. Жунусова, М. С. Нарикбаева, А. Х. Миндагулова, Д. С. Чукмаитова, И. И. Рогова, Г. Р. Рустемовой, М. О. Нукунова, Б. М. Имашева, Г. С. Мауленова, Н. Н. Турецкого и др.

В официальном перечне наук, действующем в стране, предусмотрена специальность 12.00.08 —

Уголовное право и криминология; исправительно-трудовое право.

Образованию криминологии как отрасли знаний активно способствовали своими научными трудами и представители других юридических наук: К. А. Мами, Х. К. Халиков, Т. К. Айтмухамбетов, Б. Х. Толеубекова, М. Ч. Когамов, С. Е. Еркенов, А. А. Исаев и многие другие ученые Казахстана.

Со времени создания криминологии в жизни общества произошло немало событий, изменивших взгляды как на саму эту науку, так и на ее практическую значимость. Криминологические исследования постепенно становятся реальным научным и практическим делом, а криминология превращается в солидную науку, оказывающую все возрастающее воздействие на борьбу с преступностью.

Таким образом, криминология вступает в качественно новый этап своего развития: если ранее она была преимущественно учебной дисциплиной, то теперь, сохраняя свою познавательную роль, в большей мере становится областью особой профессиональной практической деятельности.

Катко характеризуя современное состояние криминологии, можно выделить шесть основных итогов ее развития.

Во-первых, криминологами были рассмотрены критически и освоены сложившиеся в науке теории преступности, ее причины и личность преступника. В основу методологии исследований были поставлены положения диалектического и исторического материализма.

Во-вторых, были преодолены узкоюридические представления об антиобщественном (преступном) поведении, которое стало рассматриваться как категория социальная и психологическая. Все это позволило с широких научных позиций подойти к анализу факторов человеческого поведения, раскрыть многие причины и условия преступлений, лежащие за рамками права, определить профилактику правонарушений как главное направление противодействия преступности. Преодоление узкоюридического подхода стало выходом в социальную сферу, позволило перейти к комплексным криминологическим исследованиям.

В-третьих, был осуществлен поворот к исследованию вопросов, выдвигаемых практикой борьбы с преступностью, актуальных проблем современности. Повысился при этом теоретический уровень публикуемых трудов.

В-четвертых, проведена значительная работа по совершенствованию системы криминологических исследований, осуществляемых на различных уровнях, которая сегодня приведена в соответствие современным требованиям. Уточнены задачи каждого научного криминологического учреждения — вуза, секции, лаборатории, отдела. Повысилась роль планового начала в разработке криминологической тематики. Усилился контроль и координация научных исследований.

В-пятых, сделаны первые ощутимые шаги к объединению усилий представителей различных наук

для более эффективного противодействия преступности. Основным как в организации научных исследований, так и в практической деятельности стал комплексный подход.

В-шестых, возрос авторитет казахских криминологов за рубежом. Показательным фактором этого является их успешное участие во многих международных научных конгрессах, симпозиумах и конференциях. Многие криминологи являются признанными лидерами разработки определенных научных направлений.

Криминология имеет мобилизирующее значение. Она призвана выполнять сложную работу по раскрытию механизма воздействия на преступность факторов, обстоятельств и т. д.³

Президентом республики Н.А. Назарбаев среди прочих были обозначены следующие задачи борьбы с преступностью: выявление и научное изучение ее причин и условий, состояния, уровня и структуры; выявление лиц, способных в силу их поведения совершить преступление, их изучение с целью оказания воспитательного профилактического воздействия. Исходя из этого криминология как наука призвана обеспечить практику конкретными рекомендациями, оптимальной информацией.

Для казахской криминологии имеют большое значение труды известных ученых, академиков национальной Академии наук РК (С. З. Зиманова, С. С. Сартаева, С. Н. Сабикенова, М. Т. Баймаханова, Г. С. Сапаргалиева, М. К. Сулейменова), докторов юридических наук, профессоров (У. С. Джекебаева и Е. И. Каиржанова).

Известно, что криминология в СССР в известной мере была стеснена. Нестандартные доктрины отдельных ученых вызвали противодействие (социально-генетическая концепция профессора И. С. Ноя)⁴ или замалчивались, не пользовались поддержкой (например, семейная криминология, возникшая в 70-е гг. благодаря работам профессора Д. А. Шестакова и др., только спустя четверть века, когда в моду вошла тема насилия в семье, вновь обрела своего исследователя)⁵.

В Казахстане до сих пор выявляются пробелы в ходе разработки проблем уголовной политики и наказания. Назрела необходимость коренной перестройки пенитенциарной системы. Для республики актуально развитие общей криминологической теории. В этом плане представляют особенный интерес идеи, разрабатываемые Невско-Волжской криминологической школой (положенная в ее основу концепция «преступность — свойство общества порождать преступления» и производные от этой концепции новые отрасли криминологии)⁶. Актуальным было бы для Казахстана и развитие политической криминологии⁷.

Традиционные научные контакты с российскими учеными, в частности с Санкт-Петербургским криминологическим клубом и Российской криминологической ассоциацией, имеют важное значение для совершенствования противодействия преступности в обеих странах.

В 2000 г. была создана Криминологическая ассоциация Казахстана, первым президентом которой

стал доктор юридических наук, профессор И. И. Рогов. При ассоциации издается юридический журнал «Предупреждение преступности».

Развитие научных исследований в области криминологии в настоящее время развивается по линии выделения в ее составе различных аспектов: профилактического, прогностического (входящего в структуру управленческого), изучения преступности и ее причин, личности преступника, виктимологического, суицидологического и др.

Все аспекты подвергаются самостоятельному научному исследованию, образуя в ряде случаев предмет особого изучения и предмет относительно самостоятельной учебной дисциплины. Однако каждый из этих аспектов является, прежде всего, криминологическим. Речь идет не только об общей теории криминологии, но и о частных теориях данной науки. Их взаимосвязь очевидна. Все они имеют общую криминологическую область изучения.

Отрицая то обстоятельство, что профилактика правонарушений входит в предмет криминологии, отдельные ученые указывают на несовпадение предмета криминологии и профилактики. При этом отмечается также, что профилактика преступлений опирается на основные теоретические концепции криминологии, широко их использует, но не сводится к этим концепциям⁸. Рассмотрение проблемы с позиций обобщенного толкования профилактики правонарушений (или преступлений) не совсем верно. Следует определить, о какой профилактике идет речь. Мы, включая профилактику в предмет криминологии, имеем в виду криминологическую профилактику, а она, как и наука криминология, имеет междисциплинарный характер.

А. Миндагулов отмечает, что правовая профилактика означает, прежде всего, метод, способ воздействия на причины и условия, порождающие правонарушения⁹.

Становление и развитие профилактического направления в криминологии было обусловлено потребностями практики борьбы с преступностью, правонарушениями. Данное направление обычно именуется прикладным. Оно, однако, рассматривается не только с позиции криминологии, но и с точки зрения социологии и права, всего комплекса уголовно-правовых наук, психологии управления и т. д.

Именно поэтому и развивается такая комплексная прикладная научная дисциплина, как социальная профилактика, которая, хотя и твердо стоит на основе криминологических теорий, существует самостоятельно, так как содержание ее определяется той областью практики, которую она обслуживает.

Разумеется, предмет социальной профилактики не может быть поглощен предметом криминологии. Концепция такой профилактики не совпадает с концепцией криминологической профилактики. Последняя является лишь частью социальной профилактики.

Криминология как самостоятельная наука и учебная дисциплина все более утверждается в качестве научной базы для разработки уголовной политики,

научно-методической основы нормотворчества и практики борьбы с преступностью.

С 1 января 1998 г. в Казахстане действуют новые Уголовный и Уголовно-процессуальные кодексы, 2 июля 1998 г. был принят Закон РК «О борьбе с коррупцией». Это свидетельствует о том, что в республике принимаются необходимые меры для борьбы с преступностью.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Курс советской криминологии (предмет, методология, преступность и ее причины, преступник) / Под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карлеца, Б. В. Коробейникова. М., 1985. С. 77–101.

² См.: Жадбаев С. Х. Криминология: Краткий курс лекции. Алматы, 2002.

³ См.: Там же. С. 7–8.

⁴ См.: Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

⁵ См.: Шестаков Д. А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.

⁶ См.: Шестаков Д. А. Криминология: Учеб. для вузов. СПб., 2006. С. 98–101, 134–140, 404–407.

⁷ См.: Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение: Учеб. пособие. Нижнекамск, 2000.

⁸ См.: Блувштейн Ю. Д. Предупреждение преступлений в обществе. Минск, 1980.

⁹ См.: Миндагулов А. Х. Профилактика преступлений: Учеб. Алматы, 2005. С. 45.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества

В. Ф. ЛАПШИН — доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

После многочисленных дискуссий о целесообразности исключения из действующего УК РФ такого наказания, как конфискация имущества¹, законодателем принято решение о ее повторном включении в действующее уголовное законодательство, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера². Отметим, что до декабря 2003 г. конфискация имущества представляла собой дополнительное наказание, которое заключалось в принудительном безвозмездном изъятии в пользу государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Она устанавливалась за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и могла быть назначена только в случаях, предусмотренных в санкциях соответствующих статей Особенной части УК РФ³.

Анализ прежних положений уголовного законодательства показывает, что конфискация была достаточно распространенным видом наказания. К примеру, до изменений 2003 г. в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» из 32 основных и квалифицированных составов возможность назначения конфискации имущества предусматривалась в 11 случаях (санкциях), в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» — в 17 санкциях⁴.

Прежде чем приступить к юридическому анализу конфискации имущества в современном уголовном праве, представляется целесообразным высказать собственное мнение по вопросу ее сущности и необходимости уголовно-правовой регламентации. Данное наказание имеет достаточно продолжительную историю существования как в отечественном, так и в зарубежном уголовном законодательстве. Но соответствие этой меры уголовно-правового воздействия основополагающим началам проводимой государством уголовной политики последних лет вызывает серьезные сомнения. Конфискация напоминает собой меру государственного принуждения, активно применяемую к так называемым «врагам революции и пролетариата» при коллективизации в СССР. Имущество этих «врагов» рассматривалось только как полученное в результате эксплуатации трудового народа, а поэтому без каких-либо дальнейших разбирательств подлежало передаче в доход государства. Тяжесть и последствия совершения против советской власти преступления (если таковое вообще имело место) не имели никакого значения при решении вопроса о конфискации имущества представителей классовых врагов пролетариата. Разумеется, данный подход не имеет ничего общего с принципами законности, равенства и неприкосновенности частной собственности, которые были сформулированы просветителями времен Великой французской буржуаз-

ной революции и легли в основу построения систем права многих стран мира⁵.

Но, несмотря на это, подобная ситуация в уголовном праве советского и постсоветского периодов оставалась практически неизменной вплоть до конца 2003 г. Если санкция статьи предусматривала возможность назначения дополнительного наказания в виде конфискации, то осужденный на основании обвинительного приговора мог лишиться всего имеющегося у него на праве собственности имущества. Ограничение изъятия в порядке конфискации касались в основном жизненно необходимых вещей и предметов личного пользования, перечень которых содержался в УК РСФСР⁶, а позднее — в уголовно-исполнительном законодательстве⁷. Полагаем, что возможность конфискации имущества осужденного без установления противоправности его приобретения несколько не соответствует уголовно-правовым принципам вины и справедливости, поскольку признание лица виновным в совершении из корыстных побуждений тяжкого или особо тяжкого преступления позволяло одновременно сделать вывод и о неправомерности способа получения принадлежащего ему имущества.

Небезынтересно отметить, что конфискацией (наказанием) не признавалось изъятие орудий преступления, вещей ограниченных или изъятых из гражданского оборота, материальных ценностей, которые были получены в результате совершения преступных действий, поскольку на все перечисленные вещи права собственности у осужденного вообще не могло возникнуть. Их бесспорное изъятие предусматривалось нормами уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими порядок решения вопроса о собранных по делу вещественных доказательствах после вступления обвинительно приговора в законную силу.

С декабря 2003 г. конфискация как вид наказания исключена из УК РФ, а в соответствующих санкциях статей Особенной части она была заменена штрафом, который применяется в качестве дополнительного наказания. Думается, что такое решение законодателя является оправданным и соответствующим тенденциям современной уголовной политики. Во-первых, штраф имеет строго установленные размеры, что существенно ограничивает возможность злоупотреблений при вынесении приговора, а во-вторых, он может взыскиваться в том числе и за счет реализации имущества, принадлежащего осужденному на праве собственности. Это дает все основания утверждать, что конфискация имущества осужденного фактически осталась в уголовном законе, а установление

размеров изымаемых сумм (стоимости изымаемого имущества) придает ей цивилизованный характер, соответствующий принципу справедливости.

С июля 2006 г. конфискация имущества вновь включена в УК РФ (гл. 151), но в качестве иной меры уголовно-правового характера (разд. VI), а не наказания. Согласно указанным нововведениям конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, которые либо получены в результате преступной деятельности, либо использовались в процессе совершения преступления (п. «а–г» ч. 1 ст. 1041 УК РФ). Обращает на себя внимание положение п. «а» указанной статьи, в соответствии с которым конфискации подлежит имущество, полученное в результате совершения только некоторых уголовно наказуемых деяний. Более того, данный перечень практически не содержит составов преступлений, совершаемых в сфере экономики (гл. 21–23 УК РФ). Подобная законодательная избирательность выглядит по меньшей мере странно, особенно при учете принципов, перечисленных в ст. 4, 6 УК РФ.

Кроме того, само рассмотрение конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера приводит к невозможности определения правовой природы данной категории. Действительно, иными мерами являются принудительные меры медицинского характера (гл. 15) и принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90–92). Но их применение вызвано личностными характеристиками лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, а не характером и степенью общественной опасности последнего⁸.

В теории уголовного права принудительные меры медицинского характера не рассматриваются в качестве разновидности уголовной ответственности, так как они применяются не за совершение преступления, а в связи с его совершением⁹. В ходе производства по уголовному делу названные лица испытывают определенные лишения и правоограничения, но по состоянию здоровья они не способны в полной мере осознавать и воспринимать данные негативные последствия своего поведения. В связи с изложенным можно констатировать в таких случаях факт отсутствия субъективного аспекта уголовной ответственности, и, следовательно, самой уголовной ответственности.

Применение к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, перечисленных в ч. 2 ст. 90, 91 УК РФ, возможно только в случае освобождения последнего от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 90 УК РФ) или от наказания (ч. 1 ст. 92 УК РФ). Следовательно, применение мер воспитательного воздействия, равно как и принудительных мер медицинского характера, нельзя признать разновидностью привлечения лица к уголовной ответственности или исполнения наказания по обвинительному приговору суда.

Таким образом, современная конфискация имущества осужденного, с одной стороны, не может рас-

сматриваться в качестве составляющей уголовной ответственности, а с другой — применяться к лицам, способным осознавать общественную опасность совершенного уголовно наказуемого деяния, а также понимать, в связи с чем они претерпевают определенные лишения и правоограничения личного и (или) имущественного характера, определяемые по обвинительному приговору суда.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые уголовно-правовые нормы-новеллы фактически не имеют ничего общего с содержанием института иных мер уголовно-правового характера и наказанием. Положения гл. 151 УК РФ дублируют содержание норм уголовно-процессуального и гражданского права об определении дальнейшей судьбы полученных в ходе предварительного расследования вещественных доказательств и возмещении ущерба в порядке внедоговорных обязательств, возникающих вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК).

Итак, существующая на сегодняшний день в УК РФ конфискация имущества является чуждой для уголовного права. По своей сути гл. 141 представляет симбиоз отдельно взятых положений перечисленных отраслей права. Закрепляя в таком виде конфискацию имущества в уголовном законе, законодатель не только допускает отступление от уголовно-правовых принципов равенства граждан перед законом и справедливости, но и несколько выходит за рамки предмета уголовного-правового регулирования. В этой связи можно прогнозировать новые изменения в уголовном законе, в соответствии с которыми конфискация имущества или вновь исчезнет из УК РФ, или все-таки будет включена в общую систему наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См., напр.: Данилова С. Изъятая конфискация // Щит и меч. 2005. № 10. С. 5; Лунев В. В. Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 5–10; Цепляева Г. И. Конфискация имущества: прошлое или будущее // Уголовный процесс. 2005. № 11. С. 45–58 и др.

² См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева и Ю. И. Скуратова. М., 2002. С. 116–117.

⁴ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2003.

⁵ См. об этом: Юдовская А. Я., Баранов П. А., Ванюшкина Л. М. История. Мир в новое время (1640–1870). СПб., 1998.

⁶ См.: Перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда. Приложение к Уголовному кодексу РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁷ См.: Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ. Приложение 1 // Российская газета. 1997. 16 янв.

⁸ См. подр.: Звечаровский И. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 36–39.

⁹ См. подр.: Благоев Е. В. Основы применения уголовного права: Учеб. пособ. Ярославль, 1992. С. 43; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Расширенный уголовно-правовой анализ / Под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 169; Каплин М. Н. О мерах уголовно-правового характера // Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника в уголовном праве и процессе: Сб. науч. ст. Ярославль, 2003. С. 173 и др.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Генерал-лейтенант Леонтьев

В. Б. КОНАСОВ — профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член-корреспондент Международной Славянской Академии

Александр Михайлович Леонтьев родился в 1902 г. в Вологодской губернии, по бытующей версии, в границах современного Вологодского района. Каких-либо данных об уроженце Вологодчины не сохранилось ни в областном архиве МВД, ни в областном архиве ФСБ. Так что точкой отсчета в исследовании биографии земляка стала его служебная карьера в центральном аппарате Наркомата внутренних дел.

В апреле 1939 г., то есть уже в зрелом возрасте, Александр Михайлович был назначен помощником начальника разведывательного отдела Главного управления пограничных войск НКВД СССР. На такой пост и в столь горячую предвоенную пору дилетантов обычно не назначали. Остро ощущалось приближение войны: все чаще «поднимали в ружье» наши пограничные заставы вдоль финской границы. В одном из своих донесений полковник Леонтьев писал: «С 19 сентября 1939 г. против участка Карельского пограничного округа финны усилили охрану границы и снабжение пограничных постов оружием и огнеприпасами. Подвоз их производится в ночное время на автомашинах с потушенными фарами. В район Питкорята и Салми, на северо-восточное побережье Ладожского озера, отмечено прибытие до полка полковых войск и самокатной роты финской армии... Охрана границы на участке Карельского пограничного отряда усилена»¹. А уже через два с половиной месяца погранвойска Ленинградского округа приняли участие в советско-финляндской войне (30.11.1939–13.03.1940). Все чаще фиксирует полковник Леонтьев и нарушения государственной границы со стороны фашистской Германии.

В середине марта 1941 г. его назначили заместителем начальника УНКВД Калининской области. Уже во время Великой Отечественной войны, незадолго до оккупации Калинин немецкими войсками, он был отозван в Москву. По приказу НКВД СССР «О создании и задачах штаба охраны московской зоны обороны» от 13 сентября 1941 г. старший майор госбезопасности Леонтьев отвечал за один из семи секторов обороны столицы — Можайский. В его задачу входило «наведение жесткого порядка на тыловом участке фронта, прилегающем к территории Москвы»².

Через семнадцать дней новое назначение, 30 сентября 1941 г., он вступил в должность заместителя начальника отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР. В телесериале «Рожденная революцией» режиссеры довольно точно воссоздали реальную картину событий. В октябре 1941 г. в столице, выполняя приказ Государственного комитета обороны, милиционеры расстреляли в одном из московских дворов мародеров и диверсантов. Командовал стражами порядка браваый военный со шпалами в петлицах, которого в

фильме сыграл артист Евгений Жариков. Так вот, одним из тех, кто организовал работу по разоблачению фашистских пособников и приведению приговоров в исполнение, был начальник ОББ Леонтьев.

28 апреля 1942 г. приказом НКВД СССР № 00852 было вновь организовано ранее упраздненное Главное управление внутренних войск НКВД, а в его составе — Управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии, которое возглавил старший майор госбезопасности Леонтьев. Что скрывается за скупыми строками анкеты? Напомню, то было время, когда от Москвы только-только отбросили отборные дивизии вермахта. Ленинград переживал суровую блокадную пору. В прифронтовой полосе дезертиров было немало. К тому же свою деятельность активизировала вражеская разведка, переправлявшая в наш тыл одну за другой группу диверсантов. Одним словом, работы у подчиненных Леонтьева было предостаточно. К примеру, только за два месяца было задержано свыше 15 тыс. бойцов Ленинградского фронта, самовольно покинувших свои части³.

Судя по стремительному карьерному росту, вологжанин Леонтьев с обязанностями справлялся неплохо. 13 сентября 1943 г. он назначается начальником ОББ НКВД СССР (с 1 декабря 1944 г. — Главное управление борьбы с бандитизмом). В штате главка насчитывалось 179 сотрудников. Кроме того, в его распоряжение перешел бывший Штаб истребительных батальонов НКВД⁴.

О результатах борьбы с преступностью лучше всего говорят факты и цифры. Уже к концу 1944 г. число хорошо вооруженных, имеющих автотранспорт и надежные документы бандитских формирований пошло на убыль. Успешно шла борьба с бандитами в блокадном Ленинграде. В 1943 г. число разбоев и ограблений в городе-фронте снизилось более чем в 10 раз, а раскрываемость этих преступлений достигла 81%⁵. Кстати сказать, советские кинематографисты не раз обращались к эпизодам, связанным со службой Александра Леонтьева. К примеру, это его сотрудники, ставшие прототипами героев культового фильма «Место встречи изменить нельзя», ликвидировали осенью 1945 г. легендарную банду «Черная кошка».

В годы Великой Отечественной войны нашему земляку пришлось участвовать в депортации советских граждан. Так, в 1944 г. переселяли в Казахстан, Киргизию, Узбекистан «наказанные народы Кавказа» — чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев. Самое поразительное, что даже те из них, которые воевали в рядах Красной армии с фашистами, после демобилизации согласно приказу № 140 от 22 августа 1944 г. направлялись в места ссылки. Этих демо-

билизованные солдаты в отчетах НКВД проходили под категорией «легализованные бандиты». 17 июля 1946 г. заместитель министра внутренних дел СССР полковник Николаев докладывал начальнику Главного управления борьбы с бандитизмом Леонтьеву: «До последнего времени в Казахскую ССР продолжалось переселение легализованных бандитов. Прибыло 173 человека»⁶. Справедливости ради надо сказать, что полководческих орденов за операции по депортации «без вины виноватых» граждан СССР Леонтьев, в отличие от ряда других руководителей центрального аппарата НКВД, не получил.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны в Латвии, Литве и Эстонии противники советской власти провели ряд крупных террористических актов. С контрреволюционерами развернулась самая настоящая война. 26 марта 1945 г. начальник Главного управления борьбы с бандитизмом Леонтьев докладывал народному комиссару внутренних дел Л. П. Берии: «В Литовской ССР на 15 марта 1945 г. проведено 2257 чекистско-войсковых операций. Ликвидированы 497 бандгрупп численностью 16 983 чел., убито бандитов — 5364 чел., захвачено — 10 923 чел., арестовано — 31 674 чел., в том числе участников националистического подполья — 11 412 чел. Задержано дезертиров, уклонявшихся от службы в Красной армии, — 33 670 чел., явилось с повинной — 9376 чел. Изъято: орудий — 4, минометов — 48, противотанковых ружей — 33, пулеметов станковых — 72, пулеметов ручных — 662, автоматов — 912, винтовок — 7606, револьверов и пистолетов — 1229, гранат — 6190, патронов — 1 070 410 штук»⁷.

10 марта 1947 г. Александр Михайлович становится начальником Главного управления милиции МВД СССР. В приказе министра внутренних дел за № 327 по этому случаю говорилось, что снятие комиссара милиции А. Г. Галкина и назначение на эту должность генерал-лейтенанта А. М. Леонтьева осуществлено в целях «укрепления руководства ГУМ»⁸. С первых же дней нахождения на новом высоком посту ему приходится заниматься не только охраной общественного порядка, но и принимать участие в разработке планов по ликвидации националистического подполья в Прибалтике и на Украине, обезвреживанию банд, грабительских групп и шаек, особенно активно действующих в Краснодаре, Ростове, Киеве.

В конце 40-х гг. в Советском Союзе в местах ссылки продолжало находиться более 2 млн советских граждан. Бесправное положение, материальные трудности, обида на власть приводили некоторых из них на путь конфликта с законом. 8 марта 1948 г. генерал-лейтенант Леонтьев получил приказ министра внутренних дел СССР за № 00246, согласно которому ему предписывалось «всемерно активизировать работу по борьбе с бандитизмом и другими противоправными проявлениями среди спецпоселенцев». Одновременно ему поручалось организовать вербовку надежной агентуры из числа ссыльных и в декадный срок представить министру план мероприятий «по решительному улучшению борьбы с преступностью в местах спецпоселений»⁹.

Стилем работы нашего земляка было умение мыслить на перспективу, своевременно выявлять болевые точки в деятельности центральных и региональных органов правопорядка. Важной мерой, направленной на усиление борьбы с преступностью,

стало создание следственных отделов при республиканских, краевых и областных управлениях милиции¹⁰. Одновременно были приняты меры по улучшению качественного состава милиции, устранению диспропорции между растущим населением и штатной численностью стражей законности. На службу в органы приходят демобилизованные воины, бывшие партизаны, лучшие рабочие и колхозники. В 1947 г. в милиции служат 24 Героя Советского Союза. В 1950 г. личный состав милиции возрос до 233 тыс. чел., в 1953 г. — до 277 тыс. чел.¹¹

Девизом советской милиции в то время стал лозунг «Работать и учиться, учиться и работать». К 1950 г. в стране насчитывалось 18 школ милиции, 3 школы МВД СССР, несколько курсов милиции и 7 школ проводников служебно-розыскных собак. Десятки тысяч сотрудников повышали свою квалификацию, как принято говорить, «без отрыва от производства». Единая 140-часовая программа обучения предусматривала овладение навыками оперативной-служебной работы, строевую и огневую подготовку. Правда, в духе тех лет большая часть учебного времени отводилась все же политзанятиям, теории марксизма-ленинизма¹².

Роль научных и учебно-методических центров в подготовке региональных кадров, как справедливо считал генерал-лейтенант Леонтьев, могут помимо учебных заведений сыграть криминалистические музеи. До 1947 г. таких музеев было всего 3 — в Москве, Ленинграде и Свердловске. Через год их стало уже 12, ставилась задача создать подобные учебные центры во всех республиканских, областных и краевых управлениях милиции¹³.

В 1948 г. по инициативе генерал-лейтенанта А. М. Леонтьева был разработан и вступил в силу новый Дисциплинарный устав милиции, сыгравший новую роль в укреплении служебной дисциплины сотрудников, соблюдения ими законности. Тогда же был принят Устав постовой и патрульной службы.

1 ноября 1950 г. опять же по инициативе руководителя Главного управления милиции страны, которое годом ранее перешло под начало Министерства государственной безопасности, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медали “За отличную службу по охране общественного порядка”». В числе первых награжденных этой медалью были участковый уполномоченный Сокольского городского отдела внутренних дел Н. И. Грибков, оперуполномоченный Грязовецкого РОВД Г. А. Тропинов, оперуполномоченный Харовского РОВД Ю. А. Смирнов¹⁴.

На основании Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 декабря 1950 г. в МГБ была создана коллегия из 19 чел. во главе с министром генерал-полковником В.С. Абакумовым. Членом этой коллегии стал и генерал-лейтенант Леонтьев¹⁵. Это был пик его служебной карьеры. Вскоре после смерти И. В. Сталина МВД и МГБ слились в одно министерство — МВД СССР. Под предлогом сокращения начались устранение и перемещение по службе негодных новому министру МВД Л. П. Берии лиц. С середины марта 1953 г. начальником Главного управления милиции становится генерал-лейтенант Н. П. Стаханов, а попавший в опалу генерал-лейтенант Александр Михайлович Леонтьев занимает должность заместителя начальника погранвойск Ленинградского округа. Жизнь нашего земляка оборвалась в 1960 г. в возрасте 58 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пограничные войска СССР 1939 — июнь 1941: Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 45.

² См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1975. С. 201.

³ См.: Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 г. — январь 1944 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 19.

⁴ См.: Кокурин А., Петров Н. НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 9. С. 96.

⁵ См.: Панфилец А.В. Указ. соч. С. 23.

⁶ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 17.

⁷ Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1992. С. 191–192.

⁸ Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 1997.

⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 20-х — первая половина 1950-х гг.: Собр. документов: В 7 т. М., 2004. Т. 5. С. 561.

¹⁰ См.: Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987. С. 187.

¹¹ См.: Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: Учеб. для вузов. М., 2005. С. 255.

¹² См.: Советская милиция: история и современность (1917–1987). С. 192.

¹³ См.: Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. Указ. соч. С. 256.

¹⁴ См.: Калашникова Н.В. История вологодской милиции. Вологда, 2003. С. 139.

¹⁵ См.: Кокурин А., Петров Н. НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 114.

Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа

А. Л. КУЗЬМИНЫХ — преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

Войны с глубокой древности были известны человечеству как особая форма насильственного решения тех или иных социальных проблем. Уже в период первобытно-общинного строя между отдельными племенами происходили вооруженные столкновения, которые велись с целью расширения территории, ставшей недостаточной для обеспечения того или иного человеческого сообщества необходимыми пищевыми ресурсами. В условиях господства присваивающего хозяйства род и племя не интересовала излишняя рабочая сила, и пленные уничтожались, а те, которым сохранялась жизнь, становились членами коллектива, будучи усыновленными. Широкое распространение у древних народов получило принесение пленников в жертву. Так, скифы устраивали особые святилища, где в жертву божеству приносили скот и захваченных невольников. По верованиям древних германцев, бог войны Вотан должен быть умилостивлен человеческой кровью: его жертвами становились пленные¹. Что касается склавин и антов, то они не убивали пленников, а предлагали им нехитрый выбор: либо за выкуп вернуться на родину, либо остаться на положении «свободных друзей»².

С развитием производственных отношений изменялось и отношение к пленным. Они приобрели определенную экономическую ценность. Им сохраняли жизнь и, превращая в рабов, эксплуатировали. Бегство пленных, укрывательство их правителями других государств, отказ выдавать беглецов нередко являлись поводом для начала военных конфликтов. В древности существовало две категории пленников: те, которые находились в собственности частных лиц, и те, которые находились в собственности государства. Первые могли продаваться, передаваться по наследству, то есть фактически являлись рабами. Хозяин мог убить невольника или сохранить ему жизнь. Что касается пленных, принадлежавших государству, то они имели более высокий социальный статус и даже сами могли иметь рабов.

Пленные иноземцы являлись одной из типичных социальных групп в большинстве древних обществ, выполняя масштабные производственные задачи.

К примеру, в Хеттском государстве захваченные в плен чужеземцы обрабатывали земли, разрабатывали рудники, строили дороги. Государство налагало на эту категорию лиц общегосударственные повинности, заселяло ими пустующие земли, наделяло землей, скотом, вело строгий учет, решая таким способом проблему воспроизводства рабочей силы за счет внутренних источников³.

Таким образом, государство с момента своего появления начинает активно регулировать режим военного плена, вырабатывать порядок содержания и трудового использования пленных, стратегию их интеграции в общество. Не забывало государство и о защите прав своих подданных, попавших в плен к неприятелю. Например, в п. 133 законов Хаммурапи говорилось, что, в случае если муж попал в плен, то его жена, не испытывающая материальной нужды, «не должна входить в дом другого». Этот поступок приравнивался к прелюбодеянию и сурово карался.

В древних законодательных памятниках прослеживается и мысль о гуманном отношении к поверженному врагу. Так, в древнеиндийских законах Ману говорится, что «воин не должен убивать того, кто просит о пощаде, кто с мольбой протягивает руки... говоря: «Я — твой пленник», также ни безоружного, ни обнаженного, ни раненого, ни бегущего»⁴.

В период античности возникает ряд обычаев, касающихся военного плена. Памятники V в. до н.э. свидетельствуют о том, что в это время уже была известна практика обмена пленными. Никиев мир, заключенный между Афинами и Спартой в 421 г. до н.э., обязывал афинян возвратить «всех лакедемонских граждан, содержащихся в заключении в Афинах или какой-либо другой части Афинского государства, а равно и всех союзников», а лакедемонянам возвратить всех афинян и их союзников⁵. В целом характерной чертой античного общества являлось тяжелое положение пленных, в число которых попадали все лица, захваченные на вражеской территории. В качестве примера можно сослаться на практику использования пленников в гладиаторских боях, существовавшую в Древнем Риме.

Тяжелым остается положение узников войны и в период средневековья — времени непрерывных и жестоких феодальных войн. Различие в режиме военного плена при феодализме, по сравнению с античностью, заключается в том, что система превращения пленных в рабов постепенно заменяется системой выкупа. Сумма выкупа зависела от богатства и достоинства пленного и равнялась для рыцаря его годовому доходу, а для рядового воина — месячному жалованию. Огромный выкуп платился в случае пленения персон королевской крови. Так, английский монарх Эдуард III за освобождение плененного в сражении при Пуатье в 1356 г. французского короля Иоанна потребовал 3 млн золотых крон. Для сбора этих средств французским властям пришлось установить особый налог, тяжесть которого пала на простолюдников. Все это послужило причинами восстаний Жакерии и Этьена Марселя. В средневековой Европе договоры, устанавливавшие сумму выкупа, назывались картелями⁶.

Что касается древнерусского государства, то уже договоры первых киевских князей свидетельствуют о том, что в то время существовала практика взаимного выкупа. Так, в договорах князей Олега и Игоря с Византией 911 и 944 гг. предусматривался выкуп военнопленных как русскими, так и греками, причем при выкупе учитывались индивидуальные особенности пленных. Так, за молодого воина платили 10 золотников, за старого и дряхлого ратника — 5⁷.

В период монголо-татарского ига освобождение соотечественников из ордынского плена стало одной из важнейших государственных задач. Тысячи русских людей содержались в то время в Золотой Орде на положении рабов-заложников. В первую очередь в неволю уводили искусных ремесленников и молодых женщин, а также молодых мужчин, способных быть воинами. Излишек рабов ордынцы продавали на невольничьих рынках Крыма и Кавказа, государств Ближнего Востока. Сохранились сведения, что в 1429 г. в Италии за 17-летнюю русскую девушку была заплачена самая высокая цена, которую когда-либо платили за рабов в то время, — 2093 лиры. Для выкупа соотечественников из ордынского рабства был учрежден даже особый вид налога — «полонянничьи деньги»⁸.

По иному складывались отношения с европейскими соседями. В дипломатических документах эпохи Ивана Грозного встречаются упоминания о возвращении пленных на родину без выкупа. Так, в Плюсском и Тязвинском мирных договорах, заключенных между Россией и Швецией в 1583 и 1595 гг., предусматривалось «пленных без всякого откупа или размены отпустить»⁹. Примечательно, что гуманные инициативы в отношении военнопленных исходили от властостолобывого русского самодержца. Так, Е. А. Коровин приводит факт об отпуске Иваном IV в 1584 г. «без откупа и обмену» 900 поляков, после чего польский король поблагодарил русского царя «за такое государево к нему снисхождение»¹⁰.

С принципиально иных позиций проблема военнопленных стала рассматриваться в период Нового времени. В XVIII в. французский просветитель Ж.-Ж. Руссо высказал мысль о необходимости выделения особой категории лиц — комбатантов — и применения к ним режима военного плена. Мирное население, по его мнению, не должно подвергаться

массовому уничтожению и пленению. Идеи французского просветителя были известны в России, где уже имелся богатый опыт решения вопросов гуманитарного характера. Известно, как великодушно поступил Петр I со шведскими генералами, попавшими в плен в ходе Полтавской битвы¹¹. В Артикуле воинском, принятом в 1715 г., убивать военнопленных запрещалось под страхом «потеряния чести и живота»¹².

О гуманном обращении России в конце XVIII в. с обезоруженными неприятельскими солдатами свидетельствуют Правила для партикулярных российских корсаров, принятые 10 сентября 1788 г. В частности, в них говорилось: «По завладении всяким неприятельским судном, поступать с пленными со всяким человеколюбием и довольствоваться их пищею и всем нужным без недостатка, платья у них отнюдь не отнимать, и лишней строгости над ними не употреблять сверх присмотра, взыскиваемого самую безопасность судна, которое их в плен взяло, а если между ними будут находиться раненые, таковых стараться лечить и подавать им всякую помощь, по долгу человечества. Отнюдь не отдавать и не продавать в неволю какой-либо другой земле»¹³.

О том, как реализовались эти нормы на практике, свидетельствуют следующие факты. Академик Е. В. Тарле в своей работе «Адмирал Ушаков на Средиземном море» приводит ряд примеров гуманного отношения к захваченным французским морякам. Так, упоминается, что эскадрой Ушакова на острове Занто 13 октября 1798 г. были взяты в плен около 500 французских солдат и офицеров. «На русских кораблях с пленными французами обращались прекрасно, — пишет историк. — Тем же из них, кто попал на суда Кадыр-бея (адмирал турецкой эскадры. — *Прим. авт.*), довелось вынести муки галерных невольников»¹⁴.

Таким образом, Россия одна из первых европейских государств вступила на путь законодательного оформления гуманного обращения с жертвами войн. Она явилась также инициатором отказа от пленения гражданского населения. Вместе с тем единых правил содержания иностранных военнопленных в период царствования ни Петра I, ни Екатерины II, ни Павла I еще не существовало.

Новое содержание в понимание режима военного плена внесла Французская буржуазная революция. Декрет Национального собрания от 4 мая 1792 г. о военнопленных провозглашал, что захваченные в плен солдаты и офицеры неприятельской армии больше не принадлежат частным лицам, а «находятся под охраной нации и под особым покровительством закона». Далее говорилось: «Всякие суровости, насилие или издевательства, совершенные против военнопленных, будут наказываться, как если бы эти злоупотребления были совершены против французского гражданина»¹⁵. Однако принципы, провозглашенные революционной Францией, не были закреплены в международном праве, и они получили всемирное признание лишь спустя столетие.

Влияние европейских представлений на формирование режима военного плена демонстрирует Русско-шведская война 1808–1809 гг. По условиям капитуляции Свеаборгской и Швартгольмской крепостей весной 1808 г. личный состав гарнизонов объявлялся военнопленными и распускался по домам. Всем

офицерам предоставлялось право возвратиться в Швецию под «честное слово» и обещание больше не воевать против России и ее союзников. Офицерам финской национальности возвращались шпаги; они получали возможность жить в Финляндии по российским паспортам. В договор также была включена статья, согласно которой офицеры во время плена должны были получать их годовое жалование¹⁶.

Большой интерес для исследователя представляет изучение режима военного плена в период Отечественной войны 1812 г.¹⁷ Появление в ходе боевых действий на территории России более чем 200-тысячного контингента военнопленных стало для правительства Александра I серьезной проблемой. Политика царского правительства по отношению к военнопленным определялась решением двух текущих задач: с одной стороны, государство стремилось максимально удалить военнопленных от театра военных действий, с другой — создать нормальные условия для поддержания их жизни¹⁸. По распоряжению правительства для размещения военнопленных было выделено пять губерний: Вятская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Астраханская. Позднее в их число вошли Вологодская и Архангельская губернии.

Основным документом, регламентирующим положение пленных, было циркулярное предписание Министерства полиции от 29 августа 1812 г. В нем регулировались основные вопросы конвоирования, размещения и содержания пленных солдат противника. В соответствии с этим документом конвойным командам поручалось следить, «чтобы пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было». Заболевших неприятельских военнослужащих поручалось отдавать на лечение в местные больницы¹⁹. Для направления партий пленных в отдаленные губернии была разработана система выделения порционных денег и провианта. На пропитание французам выдавалось суточное пособие, сумма которого зависела от чина и воинского звания: генерал получал ежедневно 3 руб., полковники и подполковники — 1 руб. 50 коп., майоры — 1 руб., обер-офицеры и нижние чины — 5 коп. Рядовые солдаты обеспечивались одеждой, а также получали паек, равный суточному пайку солдата русской армии²⁰.

Пленникам разрешалось заниматься мелкой торговлей, наниматься на работу. При этом местные власти контролировали, чтобы владельцы промышленных и торговых предприятий в обязательном порядке заключали с ними договор, устанавливающий размер заработной платы и продолжительность рабочего дня²¹. В январе 1813 г. Комитет министров, желая сократить казенные издержки на содержание пленных, разрешил использовать их труд на фабриках и заводах, в сельском хозяйстве, а также на подсобных работах²².

За жизнью военнопленных устанавливался надзор со стороны полиции, которой поручалось пресекать побег, беспорядки, а также нелегальную переписку. В мае 1813 г. вышло положение Комитета министров, в котором говорилось, что «военнопленных, учинивших разные проступки, надлежит судить по нашим законам военным судом, а где оного не из кого составить, то гражданским». Беглецов надлежало ссылать «в отдаленные сибирские города и крепости для строжайшего за ними наблюдения».

Русское правительство, желая воспользоваться профессиональными навыками военнопленных, объявило о возможности предоставления им российского подданства. Ремесленникам гарантировались освобождение от налогов и рекрутской повинности, свобода вероисповедания и ряд иных льгот. Однако мало кто из военнопленных желал остаться на чужбине — большинство предпочло возвратиться на родину.

Репатриация бывших солдат наполеоновской армии началась еще в конце 1812 г. Первыми право возвратиться на родину получили пруссаки, испанцы и португальцы. 28 мая 1814 г. вышел императорский указ о том, чтобы «все без изъятия пленные, каких бы наций они ни были, отпущены были в отечество с должным распоряжением к обеспечению содержания их до границ наших»²³.

Анализ законодательства о военнопленных периода Отечественной войны 1812 г. позволяет говорить о попытках расширения прав военнопленных при одновременном усилении надзора за жизнью иностранных подданных на территории Российской империи. Налицо и стремление государства максимально сократить расходы на содержание пленных, что вылилось во внедрение практики самообеспечения. Отметим также влияние сословного и имущественного положения пленников на их содержание.

Определенные новации в российское законодательство по проблеме военного плена внесла Крымская война 1853–1856 гг. Особый интерес для исследователя представляют утвержденные императором положения и циркуляры министра внутренних дел, направляемые губернаторам. Так, в предписании главы МВД от 23 октября 1856 г. излагались условия проживания на территории Российской империи оставшихся после войны перебежчиков и дезертиров иностранных армий. Главным требованием являлись принятие русского подданства, а также выбор занятий и местожительства. Бывшим военнопленным запрещалось проживать в Москве, Санкт-Петербурге, а также в приграничных территориях: Польше, Курляндии, Финляндии, Бессарабии. Иностранцам разрешалось приписываться к сословию мещан или государственных крестьян при согласии на это членов общества или же поступать на военную службу. Особые льготы устанавливались для военнопленных, принявших православие, вплоть до пожизненного освобождения от оброчной и подушной подати. Остальные освобождались от натуральных и рекрутских повинностей на 10 лет. Приписанные к тому или иному сословию получали от казны денежное пособие на домоустройство, причем эта сумма удваивалась для принявших православие. При нежелании принять российское подданство военнопленных предписывалось выслать из России «туда, куда пожелают» с сопровождением их до границы²⁴. Любопытно, что захоронение турецких военнопленных, умерших в российской провинции, разрешалось производить по мусульманским обычаям. Тем не менее политика явного покровительства и разделения военнопленных по религиозному принципу не дает оснований для утверждения о существовании свободы вероисповедания военнопленных.

60-е гг. XIX в. по праву можно считать заметной вехой в регулировании режима военного плена. Военных и политиков заняла решением этой пробле-

мы вынуждал сам ход событий: в результате боевых действий в неприятельском плену оказывались уже не сотни и тысячи, а десятки и сотни тысяч солдат и офицеров, от положения которых нередко зависела судьба и престиж нации. Так, в результате крупнейшего сражения в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг. при Седане в немецком плену оказались 83 тыс. французских солдат, офицеров и генералов вместе с Наполеоном III²⁵. Многократно выросли и потери среди узников войны. Например, в годы гражданской войны в США в 1861–1865 гг. северяне взяли в плен 220 тыс. южан, из числа которых в плену от ран и болезней скончались около 27 тыс., то есть 12%, а южане пленили 127 тыс. северян, из которых погибли в неволе 29%²⁶.

В 1863 г. в Швейцарии был основан Международный комитет Красного Креста — благотворительная организация, оказывающая помощь жертвам войн и вооруженных конфликтов. Первым председателем МККК был избран швейцарский гражданин Густав Муанье.

В 1864 г. по инициативе одного из учредителей МККК Анри Дюнана состоялась международная конференция по регулированию правил ведения войны. Итогом ее работы стала Конвенция об улучшении во время сухопутной войны участи раненых и больных воинов, которую подписали представители 12 государств, в том числе и России. Согласно ст. 6 упомянутой конвенции каждый воин имел право на лечение независимо от того, принадлежит ли он к своим или неприятельским войскам.

Вслед за этим Россия выступила инициатором проведения конференции по кодификации военного права, которая прошла в Брюсселе в 1874 г. Накануне появилась нота российского Министерства иностранных дел, к которой прилагался уже готовый проект конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Автором данного документа был известный дипломат Ф.Ф. Мартенс. Впервые правила поведения на поле боя распространялись не только на армию, но и на участников добровольческих отрядов и ополчения. При этом последние приобретали статус военнопленных, если вооруженные формирования, в которые они вступали, во-первых, имели во главе лицо, ответственное за своих подчиненных, во-вторых, имели отличительный знак, в-третьих, открыто носили оружие, в-четвертых, соблюдали законы и обычаи войны. Тем не менее, несмотря на все усилия российской делегации, проект конвенции, насчитывавший 60 статей, так и остался проектом. Участники конференции, прежде всего английская, французская и прусская делегации, полагавшиеся скорее на право силы, чем на силу права, не стремились связывать себя столь многообязывающим соглашением.

Ряд законодательных актов, регулирующих положение военнопленных, появился в России во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Так, циркуляр МВД от 16 сентября 1877 г. обязывал обеспечить пленных турок исправной одеждой и обувью. Временное положение от 2 июля 1877 г. разрешало местным властям использовать военнопленных на государственных, общественных и частных работах, однако оговаривало, что виды труда не должны быть унижительны для воинского звания и общественного положения военнопленного, занимаемого им на родине, а также иметь отношение к боевым действиям против

их отечества²⁷. Таким образом, законодательство определяло круг работ, противоречивших статусу военнопленного, предвосхищая тем самым положения международных конвенций последующего столетия.

Со вступлением человечества в эпоху новейшего времени изменились формы и методы ведения боевых действий: орудия убийства совершенствовались, войны приобрели массовый и затяжной характер, выросло число их участников, увеличилось и количество жертв войны. Так, во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. погибло почти 60 млн чел., более 35 млн чел. оказались за колючей проволокой лагерей для военнопленных, интернированных и перемещенных лиц.

На рубеже XIX–XX вв. активно развивается и международное право о жертвах войны. В 1899 г. состоялась Гагская мирная конференция, созванная по инициативе русского императора Николая II. На ней были приняты три конвенции: «О мирном разрешении международных столкновений», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. о раненых и больных», «О законах и обычаях сухопутной войны». В последней говорилось об учреждении справочного бюро по военнопленным в странах-участницах вооруженного конфликта, освобождении от таможенных сборов посылок и почтовой корреспонденции военнопленных, обязательном и взаимном порядке их репатриации. В документе указывалось, что «по заключению мира отсылка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок»²⁸.

Историческое значение Гагской конференции 1899 г. состояло в том, что, несмотря на многочисленные противоречия между государствами, принимавшими участие в ее работе, впервые в истории удалось выработать многостороннее международное соглашение, регулирующее положение военнопленных на основе общепризнанных правовых принципов и обычаев обращения с военнопленными.

Положения конвенции 1899 г. получили дальнейшее развитие в ходе Гагской конференции 1907 г. Доработанная Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны насчитывала 18 статей, регулирующих правовое положение военнопленных, а именно: порядок содержания, медицинское обслуживание, продовольственное обеспечение, а также порядок посещения мест пребывания пленных со стороны уполномоченных благотворительных обществ. Кроме того, этот документ, подписанный делегациями от 44 государств, определял состав комбатантов — участников боевых действий, имевших право на статус военнопленных.

В перерыве между двумя Гагскими конференциями состоялся еще один крупный международный форум — Женевская конференция 1906 г. Сторонами-участницами были внесены существенные коррективы в Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, принятую в 1864 г. Принцип нейтральности походных лазаретов и госпиталей, не выдержавший проверку временем, был заменен принципом покровительства. Это означало, что медицинский персонал терял право на неприкосновенность и подлежал пленению наравне с другими военнопленными. Однако во время пребывания в плену медики получали возможность заниматься

своими прямыми обязанностями, использование их в каком-либо ином качестве категорически воспрещалось. Согласно конвенции военнопленные, нуждавшиеся в лечении, должны получать медико-санитарный уход вне зависимости от их национальности. Реализацию этого положения обеспечивала ст. 28, которая устанавливала судебную ответственность для лиц, виновных в «дурном обращении с ранеными и больными».

Первая мировая война стала серьезным испытанием действенности норм международного права. Обязательства, вытекавшие из конвенций о военнопленных, ставили правительства стран-участниц в достаточно сложную ситуацию: с одной стороны, приходилось содержать огромное количество обезоруженных неприятельских военнослужащих в условиях тотального напряжения экономических и материальных ресурсов, с другой — принятые международные обязательства требовали соблюдения принципов гуманизма к поверженному противнику.

Россия в этом отношении мало отличалась от других держав: на ее территории оказалось около 2 млн военнопленных из состава германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской армий²⁹. На основе положений Гаагской и Женевской конвенций русское правительство подготовило и утвердило 7 октября 1914 г. «Положение о военнопленных». Согласно циркулярам МВД все германские и австрийские подданные призывного возраста, находившиеся на территории Российской империи, объявлялись военнопленными и подлежали высылке в удаленные от театра боевых действий местности. Гражданам австрийской и немецкой национальности, занимавшимся мирным трудом и находившимся вне подозрения в проведении разведывательной работы, разрешалось оставаться на своих местах и пользоваться покровительством российских законов³⁰. Создание мест постоянного содержания для военнопленных не предусматривалось, поэтому при размещении пленных губернскими администрациями было предоставлено широкое поле для творчества, что привело их в состояние крайнего замешательства. Основная масса пленных размещалась в провинциальных селах и деревнях и использовалась на сельскохозяйственных работах, лесозаготовках, строительстве железных дорог и гидротехнических сооружений и т. д. Распределением пленных занимались губернские и уездные земства, куда земледельцы и землевладельцы направляли заявки, на основании которых затем формировались рабочие команды³¹.

Находясь под контролем местных властей, пленные имели возможность свободно передвигаться в границах отведенного им населенного пункта. Согласно инструкциям, они должны были еженедельно проходить регистрацию в местном полицейском участке и ежедневно возвращаться в выделенные для проживания помещения не позднее 22 часов. Как свидетельствуют документы и свидетельства очевидцев, пленные, трудившиеся в крестьянских или помещичьих хозяйствах, имели возможность не только хорошо питаться, но и существенно улучшить свое материальное положение³².

В гораздо худшем положении находились военнопленные, трудившиеся на объектах государственного и военного значения. Особенно тяжелым было положение бывших солдат австро-венгерской

армии, занятых на строительстве Мурманской железной дороги. Местная администрация не смогла в достаточной мере снабдить военнопленных ни продовольствием, ни медикаментами, ни помещениями, пригодными для проживания в полярном климате. В результате среди пленнх свирепствовали цинга, тиф и туберкулез, угрожающие масштабы приобрела смертность. Очевидец событий В. Визе писал: «Я видел много потрясающих картин бедствий военнопленных, видел, как в немногочисленных железнодорожных больницах цинготные, уже неспособные двигаться, валялись кучами в тесных коридорах, так как койки бывали всегда заняты, видел, как ежедневно пленнх с пожелтевшими и посеревшими лицами, со скрюченными от цинги ногами еле волочили положенное в грубо сколоченный гроб тело своего товарища»³³.

Проезжавший через Мурманск английский контр-адмирал Филлимор, пораженный ужасными условиями содержания военнопленных, предложил русскому правительству вывезти больных пленнх на одном из английских пароходов в Марокко, но Совет министров отклонил это предложение³⁴. Известие о невыносимом положении «братьев по крови» дошло до русского самодержца. Николай II поручил капитану II ранга М. С. Рошакскому объявить всем рабочим и служащим Мурманской железной дороги «благодарность за труды». «Царский посланец», проезжая в середине января 1917 г. из Кеми в Кандалакшу, рекомендовал лечить цинготных военнопленных «свежим воздухом и физическим трудом». Во время одной из остановок капитан на безукоризненном немецком языке произнес речь для военнопленных, основное содержание которой сводилось к тому, что отлынивающие от работы лица будут «расстреляны и повешены»³⁵.

События февраля 1917 г. внесли существенные изменения в жизнь военнопленных. После Октябрьской революции и заключения Брест-Литовского мирного договора иностранные пленнх были объявлены свободными. Большинство из них вернулось на родину, но были и те, кто остался в России и участвовал в гражданской войне.

Первая мировая война выявила многочисленные упущения и недоработки в законодательстве по вопросам военного плена. С 1925 г. началась подготовка конференции в Женеве, призванной, с одной стороны, пересмотреть конвенцию о раненых и больных, а с другой — выработать такую конвенцию о военнопленных, которая бы, в отличие от Гаагской, более подробно регламентировала их права и обязанности. Итогом этой подготовительной работы стало подписание в Женеве 27 июля 1929 г. делегациями от 47 государств двух конвенций: «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и «Об обращении с военнопленными». Они исходили из принципа неприкосновенности личности военнослужащего, попавшего в неприятельский плен. Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях обязывала воюющие государства оказывать раненым и больным военнослужащим противника медицинскую помощь независимо от их звания и национальности, на равных условиях с ранеными и больными военнослужащими собственной армии. Кроме того, стороны, находившиеся в состоянии войны, должны были извещать друг друга о местах содержания раненых и больных военнопленных и

предоставлять им первоочередное право на обмен и интернирование на территорию нейтральных государств.

Более подробно вопросы содержания военнопленных разъясняла Конвенция об обращении с военнопленными. В ней указывалось, что пленные должны находиться «во власти неприятельской державы, но отдельно не отделимой воинской части, взявшей их в плен». Подчеркивалось, что с обезоруженными солдатами противника необходимо обходиться гуманно, защищать их от насилия, оскорблений и любопытства толпы. Репрессии в отношении военнопленных строго воспрещались. Примечательно, что Советский Союз, исходявший в вопросах военного плена из классовых императивов, отказался от подписания упомянутой конвенции, мотивируя свою позицию буржуазной и милитаристской направленностью последней.

Известно, что в годы Второй мировой войны многие положения Женевских конвенций были преданы забвению почти всеми государствами-участниками. Наиболее цинично общепризнанные нормы человечности и гуманизма, зафиксированные в тексте Женевских конвенций, попирали гитлеровская Германия, в свое время подписавшая указанные документы. О масштабах злодеяний Германии в отношении военнопленных говорят следующие цифры: во власти Германии в годы войны находились 5,7 млн советских военнопленных, из которых 3,3 млн погибли от голода, холода, болезней и рабского труда (57,8%)³⁶.

Подобная практика получила осуждение в глазах мирового сообщества. 30 октября 1943 г. была принята Московская декларация об ответственности гитлеровцев за массовые преступления, подписанная СССР, США и Великобританией. В декларации говорилось, что германские солдаты, офицеры и члены нацистской партии, ответственные за зверства, убийства и казни, совершенные на территории временно оккупированных ими стран, после войны будут привлечены к судебной ответственности по месту совершения преступлений.

20 ноября 1945 г. — 1 октября 1946 г. в Нюрнберге перед Международным военным трибуналом предстали нацистские руководители (21 чел.), обвиняемые в совершении военных преступлений. Подсудимым кроме прочих обвинений были предъявлены обвинения в убийствах и истязаниях военнопленных и мирных жителей оккупированных стран. В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, было допрошено 116 свидетелей, рассмотрено свыше 5 тыс. документальных доказательств. Трибунал приговорил Г. Геринга, И. Риббентропа, В. Кейтеля, Э. Кальтенбруннера, А. Розенберга, Г. Фрика, Ю. Штрейхера, Ф. Заукеля, А. Йодля, А. Зейсс-Инкварту и М. Бормана (заочно) к смертной казни, остальных (Р. Гесса, В. Фрика, Э. Редера, Б. Шираха, А. Шпеера, К. Нойрата и К. Деница) — к разным срокам тюремного заключения. В 1967 г. специальная декларация ООН провозгласила принцип, согласно которому военным преступникам не может быть предоставлено право политического убежища. Неприменение сроков давности к данным лицам предусматривала конвенция Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г. Лица, виновные в совершении военных преступлений, были подвергнуты уголовному наказанию не только в Нюрнберге. Среди иностран-

ных военнопленных в СССР также были выявлены солдаты и офицеры, представшие перед судом за совершение подобных деяний.

Одним из закономерных итогов Второй мировой войны стало принятие Женевских конвенций 1949 г. — итоговых многосторонних международных соглашений в области законов и обычаев войны, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов. Непосредственное отношение к проблеме военного плена имели две конвенции. Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. обязывала ее участников оказывать помощь на поле боя раненым и больным неприятеля, причем запрещалась какая-либо дискриминация по признакам пола, расы, национальности, политических убеждений и религиозных воззрений. Указывалось, что все раненые и больные, оказавшиеся во власти неприятеля, должны быть зарегистрированы, а данные о них сообщены тому государству, на стороне которого они сражались.

Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. регламентировала правила обращения с обезоруженными солдатами противоборствующей стороны. В ней говорилось, что противник, вышедший из строя, сдавшийся в плен или выражающий намерение сдаться в плен, не должен быть объектом нападения. Запрещалось наносить физические увечья пленным или подвергать их медицинским и научным экспериментам. Неприятельских солдат и офицеров предписывалось размещать в помещениях, отвечающих необходимым гигиеническим требованиям, запрещалось посылать в район боевых действий и т. д. В рассматриваемых документах появились и принципиально новые статьи, касающиеся, к примеру, сроков репатриации и привлечения военнопленных к уголовной ответственности.

Несомненным достижением Женевской конференции 1949 г. явилось принятие Конвенции о защите гражданского населения. Согласно ей статус комбатантов получили участники партизанского движения. Известно, что на Нюрнбергском процессе адвокаты главных военных преступников оправдывали приказы о жестоком обращении с партизанами тем, что последние не попадали под действие Женевской конвенции о военнопленных 1929 г.

Женевские конвенции 1949 г., в отличие от Женевской конвенции 1929 г., были приняты с участием СССР, который ратифицировал их в 1954 г. В 1977 г. в качестве приложений к вышеназванным соглашениям были приняты два дополнительных протокола, направленные на защиту жертв вооруженных конфликтов международного и локального характера³⁷.

Таким образом, мы можем проследить историческое развитие нормативно-правового регулирования режима военного плена, увидеть гуманизацию норм международного права в отношении узников войны. Каждая новая война давала очередной толчок к принятию документов, учитывающих реалии минувших военных баталий и создающих международно-правовые механизмы защиты их участников от пагубных последствий вооруженных конфликтов. Но, к сожалению, человечество так и не научилось предотвращать сами войны — главный виновник гибели и неволи миллионов людей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См. подр.: Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 56.

² См.: Там же. С. 39.

³ См.: Чернышева А. З. Пленные в государстве хеттов // Вестник древней истории. 1986. № 4; Менабде Э. А. К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М., 1963. С. 73–87; Попов В. П. О статусе рабов в Хеттском царстве // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 73–88.

⁴ Цит. по: Амелин А. Б. Международно-правовое регулирование военного плена: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 7.

⁵ Цит. по: История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 45.

⁶ См.: Амелин А. Б. Указ. соч. С. 10.

⁷ См.: Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1. С. 12–13.

⁸ См.: Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000. С. 70; Лохвицкий А. О пленных по древнему русскому праву. М., 1855. Гл. I. С. 5–34.

⁹ Лохвицкий А. Указ. соч. Гл. IV. С. 18.

¹⁰ См.: Коровин Е. А. История международного права. М., 1946. Вып. 1. С. 61.

¹¹ См.: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 199–201. Что же касается 20 тыс. шведских солдат и офицеров, то их в конце 1710 г. разместили в Астрахани, Казани и Архангелогородской губернии. Около 9 тыс. шведов отправили в Сибирь под надзор сибирского губернатора князя М. П. Гагарина. Большинство из пленников зарабатывали на жизнь своим трудом, получая от казны скромное довольствие — по две деньги и полтора четверика ржи на месяц. В этих условиях шведы занимались торговлей, ремеслом, работали на уральских заводах, шли в музыканты, артисты, учителя. Часть из них состояла на государственной службе, используя свои управленческие знания и навыки. Так, государеву жалование 10 руб. в год и чин сына боярского получил в 1716 г. швед Михаил Почекулин (См.: Акишин М. Пленные шведы и дьявол // Родина. 1994. № 2. С. 42–44). Более подробно о судьбах шведских военнопленных в Петровскую эпоху см.: Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005.

¹² См.: Конасов В. Б. Проблема правовой защиты военнопленных в исторической ретроспективе // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вологда, 2000. Ч. 1. С. 39.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. № 16708.

¹⁴ Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948. С. 52. Практика гуманного обращения с обезоруженными неприятельскими военнослужащими была характерна не только для морского, но и для сухопутного театра военных действий. Так, в период русско-польской войны 1794 г. после штурма одного из городов русскими войсками под предводительством А. В. Суворова было захвачено в плен 12 860 поляков, из которых 10 тыс. были ранены. Всех раненых русский командующий приказал отпустить по домам (См.: Урланис Б. Ц. История военных потерь (историко-статистическое исследование). СПб., 1998. С. 313).

¹⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. 1. С. 12.

¹⁶ Однако бюрократическая путаница и произвол обрекли на провал некоторые из обещаний армейского командования. В результате далеко не все неприятельские офицеры получили причитающееся жалование, а часть из них вместо возвращения на родину оказалась выслана во внутренние губернии России. Более того, по указу А. А. Аракчеева почтовые чиновники осуществляли изъятие и перлюстрацию почтовой корреспонденции военнопленных. Все это породило целый поток жалоб пленных в Военное министерство России (См.: Миловидов Б. П. Шведские военнопленные в России в 1808–1809 гг. // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Ч. 2. С. 66–67).

¹⁷ См. подр.: Бессонов В. А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812

году // Отечественная война 1812 года: источники, памятники, проблемы. Бородино, 1999.

¹⁸ См.: Тихомиров С. А. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23–25 октября 1997 г.). Вологда, 1997. Ч. 1. С. 162.

¹⁹ См.: Голубцов Н. А. 1812 год в Архангельской губернии. Архангельск, 1912. С. 27–28.

²⁰ См.: Он же. Город Архангельск и его губерния в Отечественную войну. Архангельск, 1913. С. 7–8. Тем не менее требования относительно снабжения пленными одеждой и провиантом не всегда соблюдались. Так, в апреле 1814 г. губернатор Архангельска Перфильев доносил главнокомандующему в Петербург: «28 минувшего марта поступила в г. Архангельск из Вологды партия военнопленных французов, состоящая из 299 человек нижних чинов. Пленные сии прибыли сюда в самой худой и изношенной одежде, так что уже она впрямь к употреблению не способна, да и починить ее по ветхости нельзя, другие же объявляют, что они вообще ее не получали» (Цит. по: Голубцов Н. А. 1812 год в Архангельской губернии. С. 30).

²¹ См.: Тихомиров С. А. Указ. соч. С. 165.

²² Так, из находившихся в Архангельске 1189 неприятельских солдат 51 чел. был послан на казенные заводы, 66 чел. назначены в госпиталь для варки пищи, 7 чел. отданы на поручительство «партикулярным людям», 12 чел. отданы в услужение купцам и мастерам вышним людям. Остальные использовались на строительных работах с выдачей им зарплаты по существующим ценам. Военнопленные офицеры к работам не привлекались, а оставались на иждивении государства. По подсчетам Н. А. Голубцова, из числа 1189 военнопленных наполеоновской армии в Архангельске заболели 766 чел. (64,4%), из которых скончались 166 чел. (14,4%) (См.: Голубцов Н. А. Город Архангельск и его губерния в Отечественную войну. С. 10–11; он же. 1812 год в Архангельской губернии. С. 42–44).

²³ Голубцов Н. А. 1812 год в Архангельской губернии. С. 51. Справедливости ради надо сказать, что Франция по достоинству оценила благородство победителей. Так, генерал И. Н. Инаев, участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова, Отечественной войны 1812 г. и последовавших за ней заграничных походов, был удостоен ордена за гуманное обращение с пленными французскими подданными.

²⁴ См.: Голикова Н. И. Военнопленные в Вологодской губернии во второй половине XIX века // Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 1. С. 166.

²⁵ См.: История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 389.

²⁶ См.: Каминский Л. С., Новосельский С. А. Потери в прошлых войнах. М., 1947. С. 28–29.

²⁷ См.: Голикова Н. И. Указ. соч. С. 167.

²⁸ Цит. по: Амелин А. Б. Указ. соч. С. 50–51.

²⁹ Историк Л. В. Матушак, касаясь вопроса о численности военнопленных Первой мировой войны в России, приводит цифру 1 млн 961 тыс. чел. (См.: Матушак Л. В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале // Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 1. С. 173. См. также: Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999).

³⁰ См.: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 260.

³¹ См.: Люкшин Д. «Да за нашими бабами выются...»: Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24–27.

³² См.: Там же. С. 25.

³³ Визе В. Всемирная война и Архангельский край // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 3–4. С. 57.

³⁴ См.: Там же. С. 58.

³⁵ См.: Там же.

³⁶ См. подр.: Хавкин Б. Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 2. С. 6, 10.

³⁷ См.: Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. М., 1996.

ПАМЯТИ Л. И. КУЗЬМИНЫХ

Учитель с Большой Буквы

А. Л. КУЗЬМИНЫХ — преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Д. С. ВИШНЕВСКАЯ

*В жизни надо иметь свое служение —
служение какому-то делу. Пусть дело
это будет маленьким. Оно станет большим,
если будешь ему верен.*

Д. Лихачев

24 сентября 2006 г. безвременно ушел из жизни ветеран Вологодского института права и экономики ФСИН России Кузьминых Леонид Иванович — полковник в отставке, опытнейший педагог и воспитатель, победитель первого общеинститутского конкурса на звание «Лучший преподаватель года» (2001 г.).

Леонид Иванович стоял у истоков создания Вологодской средней специальной школы подготовки начальствующего состава МВД СССР. В октябре 1979 г. он прочитал первую лекцию для курсантов, посвященную политэкономии капитализма. С первых дней работы на цикле общественных дисциплин Леонид Иванович, тогда еще начинающий преподаватель, проявил себя талантливым и энергичным организатором учебного процесса. Под его началом был оформлен ряд учебных кабинетов, закуплена необходимая методическая и научная литература, приобретены технические средства обучения, установлены контакты с библиотеками, фильмотекой, музеями, учебными заведениями г. Вологды.

Л. И. Кузьминых принимал активное участие в организации общественной работы в будущем институте. При его участии действовал «общественный буксир», направленный на оказание помощи отстающим курсантам, регулярно проводились политинформации, работал кинолекторий, благодаря которым учащиеся всегда находились в курсе общественно-политической жизни в стране и за рубежом.

Большое внимание педагог уделял эстетическому и духовно-нравственному воспитанию курсантов. По инициативе Л. И. Кузьминых на базе цикла общественных дисциплин действовала «Малая Третьяковка», в рамках которой проходили тематические выставки произведений известных русских и советских художников, организовывались литературные вечера, исторические викторины. Ярким и запоминающимся мероприятием были учебные экскурсии в дом-музей В. В. Верещагина (г. Череповец), Кирилло-Белозерский монастырь, Вологодскую областную картинную галерею и областную краеведческий музей.

Большой общественный резонанс не только в стенах школы, но и в городе получил ряд мероприятий,

подготовленных Леонидом Ивановичем. Это в первую очередь «Слово о Вологде» (1980 г.), на которое были приглашены вологодские кружевницы, художники, Герои Социалистического Труда Б. Ф. Громов и А. А. Уханов. Другим крупным мероприятием стало «Слово о хлебе». В нем приняли участие жители блокадного Ленинграда. Курсанты смогли увидеть пайку блокадного хлеба и документальный фильм о героическом подвиге ленинградцев. Была организована выставка образцов продукции Вологодского хлебокомбината. А гости из Вологодского сельхозтехникума сыграли импровизированную сцену «Русский каравай». Положительный отзыв об этом мероприятии был опубликован в областной газете «Красный Север».

Еще одним ярким мероприятием, подготовленным Л. И. Кузьминых, стал праздник «Встреча трех поколений». Эти поколения представляли ветераны Великой Отечественной войны, Герои Социалистического Труда и курсанты. На праздник был приглашен Михаил Григорьевич Лобытов — дважды Герой Социалистического Труда. Надолго курсантам запомнились тематические вечера «Роль женщины в русской истории», посвященные Международному женскому дню, ежегодные викторины на знание событий Великой Отечественной войны, приуроченные ко Дню Победы.

В 2000–2005 гг. Леонид Иванович ежегодно проводил в институте круглый стол по теме «Мораль и религия» с участием представителей Русской православной церкви. В ходе занятий обучаемым предоставлялась возможность в беседе со священнослужителем обсудить вопросы, имеющие важное значение для их личностного развития. Закладывая нравственные основы будущей профессиональной деятельности курсантов, Леонид Иванович учил их относиться к человеку как к наивысшей ценности, видеть в людях прекрасное и доброе, ценить неповторимую красоту и гармонию окружающего мира.

Леонид Иванович обладал большой эрудицией, высоким уровнем педагогического мастерства. Его педагогический стиль отличался демократизмом, доброжелательностью, личностной направленностью. Отношения с курсантами строились на вза-

имном доверии, уважении, интересе к изучаемому предмету.

За длительный период преподавательской деятельности Л. И. Кузьминых разработал учебно-методические комплексы по целому ряду общественных и гуманитарных дисциплин, в том числе по политэкономии, профессиональной этике, отечественной истории, истории органов внутренних дел, истории органов юстиции. Каждое занятие, которое проводил Леонид Иванович, имело свою неповторимую «изюминку». Будучи педагогом-новатором, он использовал активные методы и приемы изучения учебного материала: работу в малых группах, подготовку творческих работ, с успехом применял на занятиях элементы драмогерменевтики. Свой педагогический опыт Л. И. Кузьминых передавал молодым педагогам, возглавляя «Школу начинающего преподавателя».

Леонид Иванович работал не только в стенах института, но и за его пределами. Так, в 2002 г. с целью профориентации учащихся им были подготовлены и проведены конкурсы-викторины в ряде средних школ и интернатов г. Вологды, посвященные 200-летию Минюста России.

Весом вклад Л. И. Кузьминых в научную жизнь института. В последние годы работы в нашем учебном заведении Леонид Иванович изучал проблему отражения деятельности правоохранительных органов в средствах массовой информации, в том числе через организацию круглых столов с представителями СМИ, подготовку слушателями аналитических обзоров, публикацию научных сборников, статей и сообщений. О широте научного кругозора и высокой гражданской позиции Леонида Ивановича свидетельствуют названия его публикаций: «Живая и ранимая душа подростка», «Социальные условия и нравственное формирование личности осужденно-

го (исторический опыт и современность)», «Морально-нравственные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы на длительный срок», «Мониторинг общественного мнения о гуманизации наказания», «Отражение современной истории уголовно-исполнительной системы в средствах массовой информации», «Мораль и религия в системе социальных факторов», «Взаимоотношения через общение: преподаватель — курсант». Последняя научная статья называется «Будущее вызревает в настоящем». Она направлена на изучение жизненных ожиданий и ценностных ориентаций курсантов.

Леонид Иванович был одним из тех преподавателей, кто работает с энергией и энтузиазмом, всю душу отдавая любимому делу. За 26 лет работы в институте он подготовил более 3 тыс. курсантов, организовал и провел свыше 500 экскурсий в культурные учреждения города, пользовался любовью у курсантов и слушателей, уважением — у руководства и своих коллег по преподавательскому ремеслу.

Об ответственности и добросовестном отношении к выбранной профессии свидетельствует послужной список Леонида Ивановича. За период службы он не имел ни одного взыскания, получил 58 наград и поощрений, в том числе был награжден медалями «За службу» I степени, «За безупречную службу» II и III степени, «За укрепление уголовно-исполнительной системы», «Ветеран труда», «Ветеран уголовно-исполнительной системы».

Безусловно, с уходом из жизни Леонида Ивановича институт понес невосполнимую утрату. Хочется надеяться, что его творческий опыт, трепетное отношение к ремеслу педагога, неиссякаемая жизненная энергия и оптимизм будут сохранены и приумножены преподавателями Вологодского института права и экономики ФСИН России.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В 2007 г. Вологодскому институту права и экономики ФСИН России исполняется 28 лет. Пройден путь от специальной средней школы подготовки начальствующего состава МВД СССР до института, являющегося сегодня многопрофильным образовательным учреждением уголовно-исполнительной системы на Северо-Западе России.

На первом этапе в течение четырнадцати лет учебное заведение осуществляло подготовку специалистов технического профиля для лесопромышленного комплекса УИС по средней форме обучения. В 1993 г. была начата подготовка юристов сначала по программам среднего, а впоследствии и по программам высшего профессионального образования.

В 1997 г. учебное заведение приобрело статус филиала Рязанского института права и экономики Министерства внутренних дел России. В июле 1999 г. состоялась его передача из системы МВД в Министерство юстиции Российской Федерации, что стало значительным событием в истории вуза, обусловившим его динамичное развитие и создание уже в декабре 1999 г. на базе филиала самостоятельного института.

Последние восемь лет — это время целенаправленного и поступательного развития вуза. Главный вектор совершенствования нашей деятельности связан с реализацией политики реформирования уголовно-исполнительной системы, направленной на гуманизацию исполнения наказаний. В соответствии с этим институт и осуществляет свою деятельность.

В 2002 г. в ВИПЭ созданы юридический, психологический и инженерно-экономический факультеты.

За последние пять лет в вузе введены в образовательный процесс 4 основные образовательные программы и 10 программ дополнительного профессионального образования. В настоящее время институт реализует образовательные программы высшего профессионального образования по трем профилям подготовки: гуманитарные науки — «Юриспруденция», «Психология», «Социальная работа»; технологический профиль — «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств»; экономика и управление — «Управление персоналом». Программы юридического образования реализуются в учебном заведении с 1993 г.

В целях обеспечения многоуровневой подготовки кадров созданы адъюнктура и факультет переподготовки и повышения квалификации.

За последние пять лет число обучающихся в институте по всем формам обучения возросло более чем в два раза. На сегодняшний день в вузе учится более 3,5 тыс. чел. В институте 5 факультетов и 17 кафедр. В учебном процессе задействовано 28 докторов наук и профессоров, 110 кандидатов наук и доцентов. За последние годы проведена значительная работа по учебно-методическому обеспечению преподаваемых в вузе дисциплин, создана необходимая мате-

риально-техническая и учебная база, сформирован квалифицированный профессорско-преподавательский состав.

С 1993 г. институтом подготовлено свыше 2 тыс. специалистов, в том числе 1740 — с высшим юридическим образованием, 722 — с инженерно-экономическим образованием и 89 психологов.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международное сотрудничество Вологодского института права и экономики ФСИН России

А. А. КРЫМОВ — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

Международное сотрудничество в вузе представляет собой взаимовыгодное и целенаправленное взаимодействие субъектов образовательной и научной деятельности разных стран, нацеленное на обмен интеллектуальными ресурсами (идеи, новые разработки, учебно-методические материалы, технологии), развитие академической мобильности (обмены студентами, аспирантами, профессорско-преподавательскими кадрами), а также на укрепление межкультурных и деловых связей с целью совершенствования образовательного процесса и подготовки кадров для органов и учреждений УИС.

С функциональной точки зрения международное образовательное сотрудничество позволяет вузам:

- осуществлять подготовку специалистов с учетом международных образовательных стандартов;
- осуществлять обмен студентами и аспирантами, что предоставляет им возможность приобрести зарубежный опыт во время учебы и стажировки;
- иметь доступ к предоставляемой вузами-партнерами научно-технической информации, которая непосредственно используется в учебном процессе и научной работе;
- командировать профессорско-преподавательские и административные кадры вуза для изучения опыта коллег в ведущих зарубежных учебных заведениях, участия в международных конференциях, симпозиумах;
- участвовать совместно с вузами-партнерами в международных проектах, финансируемых международными организациями и фондами;
- содействовать развитию деловых международных контактов, в которых принимают участие выпускники вузов.

Становление системы международного сотрудничества в нашем институте нельзя назвать простым. Определенная удаленность от Москвы, отсутствие

должной нормативно-правовой базы и подготовленного персонала вызывали ряд существенных проблем, которые требовали своего разрешения.

Временем становления международного сотрудничества в нашем институте можно считать 2001 г., когда была проведена международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы научного обеспечения организации воспитательной работы с осужденными». Впервые в научном мероприятии вуза приняли участие представители пенитенциарных систем стран ближнего зарубежья — Украины и Беларуси.

С 2002 г. институт стал участником российско-швейцарского проекта «Совершенствование системы подготовки и практической деятельности специалистов в области социальной работы в УИС», который впоследствии стал отличным примером эффективного взаимодействия с пенитенциарными системами зарубежных стран, а его положительными результатами институт может по праву гордиться.

В апреле 2002 г. в ВИПЭ ФСИН России была проведена очередная международная научно-практическая конференция «Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание». По итогам ее работы издан сборник научных статей, который впервые был переведен и издан на немецком языке. В этом же году состоялся и первый выезд делегации института для участия в международной конференции «Европейские пенитенциарные системы: прошлое, настоящее, будущее», организованной при поддержке президента Чешской Республики и Совета Европы в г. Кромержише (Чешская Республика).

Развитие международных контактов потребовало систематизации работы и конкретизации ее направлений. В итоге 6 сентября 2002 г. заместителем министра юстиции Российской Федерации Ю.И. Калининным была подписана Программа развития международного сотрудничества Вологодского института права и экономики Минюста России на период до 2007 г., в соответствии с которой вуз вел работу в данном направлении.

В соответствии с программой международное сотрудничество осуществлялось институтом по следующим основным направлениям:

— сотрудничество в области подготовки кадров для УИС;

— сотрудничество в области совершенствования практической деятельности органов и учреждений УИС;

— организация и проведение совместных научных мероприятий и научно-исследовательских работ;

— привлечение средств международных фондов и грантов на финансирование НИОКД и реализацию совместных проектов.

За пять лет работы институтом установлены контакты с образовательными учреждениями пенитенциарных служб Беларуси, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Норвегии, Польши, Узбекистана, Украины, Чехии, Швейцарии.

На сегодня ВИПЭ принимает участие в реализации двух международных проектов и трех программ сотрудничества в рамках подписанных соглашений. Успешно реализованы мероприятия в рамках российско-швейцарского проекта «Совершенствование системы подготовки и практической деятельности специалистов в области социальной работы УИС России» (совместно с тюремной администрацией кантона Базель Министерства юстиции и полиции Швейцарии, Институтом социальной работы г. Базель, Департаментом международного развития МИД Швейцарии). С начала работы института в данном проекте были подготовлены квалификационные характеристики выпускников по специальности «Социальная работа», определен профиль подготовки специалиста по социальной работе; получена лицензия и открыта указанная специальность; в 2006 и 2007 гг. проведены наборы групп социальных работников по очной форме обучения; организованы стажировки специалистов кафедры социальной работы в пенитенциарных учреждениях Швейцарии, проводятся курсы повышения квалификации и переподготовки социальных работников УИС.

Благодаря контактам, установленным во время стажировки специалистов кафедры социальной работы, швейцарской стороной поддержана заявка на новый проект, участниками которого выступают образовательные учреждения ФСИН России и Швейцарии. Цель проекта — обмен опытом и повышение квалификации специалистов в области пенитенциарной социальной работы. В рамках данного проекта организовано сопровождение и осуществляются мероприятия по совершенствованию разработанного учебного плана профессиональной переподготовки сотрудников ФСИН России по социальной работе, разработан сайт по социальной работе, созданы автоматизированные рабочие места для социальных работников УИС, усовершенствована программа «Автоматизированное рабочее место соцработника». В декабре 2006 г. состоялось подведение итогов первой фазы проекта, подготовлено описание опыта реализации проекта.

В ходе работы международной конференции 14–15 декабря 2006 г. в институте состоялось обсуждение перспектив сотрудничества с Министерством юстиции и полицией Норвегии. Институт получил согласие на оказание академической поддержки российско-норвежского проекта, реализуемого УФСИН России по Мурманской области и Северным департаментом тюрем и пробации Министерства юстиции и полиции Норвегии в рамках проекта Совета Европы «Тюрьмы-побратимы». В настоящее время программа «Жизненные умения» реализуется в пяти исправительных учреждениях Мурманской области. Ее цель — дать осужденным навыки, благодаря которым они смогут жить на свободе, не прибегая к криминалу. Участие института в данном проекте предусматривает подготовку учебно-методических и дидактических материалов для проведения учебных занятий с осужденными, повышение квалификации персонала исправительных учреждений Мурманской области на базе факультета повышения квалификации института, проведение выездных занятий с сотрудниками в системе служебной подготовки, проведение совместных обучающих семинаров, мероприятия по изучению и распространению положительного опыта работы. В течение 2007 г. были организованы выезды сотрудников института в УФСИН России по Мурманской области с целью

изучения проекта, подписана программа совместных мероприятий. В марте силами института проведен обучающий семинар для сотрудников учреждений УФСИН по Мурманской области по методическому обеспечению проекта.

В течение пяти лет институтом проводились мероприятия по заключению соглашений о сотрудничестве с пенитенциарными и образовательными учреждениями зарубежных стран. В результате работы подписаны соглашения о сотрудничестве с Главным центром подготовки сотрудников тюремной службы Республики Польша в г. Калише (с 2004 г.), Черниговским юридическим колледжем Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний (с 2006 г.), Костанайским юридическим институтом КУИС МЮ РК (с 2007 г.). Предметом сотрудничества является взаимодействие в области совершенствования подготовки кадров для УИС. В рамках сотрудничества осуществляется обмен делегациями с целью изучения опыта подготовки специалистов для пенитенциарных учреждений, разрабатываются совместные научные продукты, проводятся совместные мероприятия. Осуществляется обмен с зарубежными партнерами института периодическими изданиями, результатами научных исследований. Собраны материалы по зарубежному опыту исполнения различных видов наказаний и идет их постоянное пополнение. Все поступающие материалы размещаются на научно-образовательном портале института (www.server), осуществляется их перевод с иностранных языков.

В рамках подписанных соглашений о сотрудничестве, а также в целях обмена опытом и расширения международных контактов в 2004–2007 гг. осуществлялись выезды сотрудников института в образовательные учреждения Швейцарии, Польши, Чехии, Казахстана, Украины. Преподаватели института не только познакомились с системой исполнения наказаний в других странах, но и получили от зарубежных коллег материалы по проблемам уголовно-исполнительной системы и подготовки кадров, которые активно используются в образовательном процессе и научной деятельности института, вызывают живой интерес у курсантов.

Благодаря высоким результатам международного сотрудничества институт получил известность за рубежом и стал постоянным участником международных мероприятий по проблемам пенитенциарной науки и практики. Представители института приняли участие в международной конференции «Европейские пенитенциарные системы» (2003, 2004 гг., Кромержиж, Чехия), международном научно-практическом семинаре «Подготовка кадров в уголовно-исполнительных системах на пороге XXI века: принципы, модели и практика» (20–22 сентября 2006 г., г. Лилехаммер Королевства Норвегия), IV Польском пенитенциарном Конгрессе (23–24 ноября 2006 г., г. Калиш, Польша), международной научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система: перспективы реформирования и проблемы подготовки кадров» (2–3 ноября 2006 г., Костанай, Республика Казахстан), Международном форуме «Превенция или повторное заключение?» (21–22 июня 2007 г., г. Варшава, Польша), международной научно-практической конференции «Роль уголовно-исполнительной системы в предупреждении правонарушений» (2–3 ноября 2007 г., Костанай, Республика Казахстан).

Институт принял активное участие 13, 14 и 15-м заседаниях Руководящей группы Совета Европы по реформированию УИС Минюста России, встрече руководства Минюста России с представителями Генеральной дирекции по правовым вопросам Совета Европы.

В период с 2003 по 2007 гг. ВИПЭ проведено 15 международных научно-практических конференций и семинаров по актуальным вопросам пенитенциарной науки и практики, в которых приняли участие представители пенитенциарных служб 15 стран.

В июне 2007 г. состоялось обсуждение результатов международной деятельности института за пять лет, была разработана Программа развития международного сотрудничества института 2007–2011 гг. В качестве приоритетных задач развития вуза определены интеграция в международную систему науки и образования путем достижения и поддержания международного уровня подготовки специалистов для органов и учреждений ФСИН России, повышение качества проводимых научных исследований, а также становление института как центра изучения и распространения зарубежного передового опыта на Северо-Западе России.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является повышение научно-педагогического потенциала, подготовка и защита диссертационных исследований сотрудниками института.

За апрель-июнь 2007 г. сотрудниками ВИПЭ защищено 5 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Авторефераты диссертаций находятся в специальной библиотеке института.

Соколов Николай Александрович, научный сотрудник организационно-научного отдела института. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР А.И. Зубков) состоялась в диссертационном совете НИИ ФСИН России (г. Москва) 18 апреля 2007 г. Тема: «Уголовная ответственность за незаконную порубку лесных насаждений».

Целью диссертационного исследования является теоретико-прикладное изучение проблемы незаконной порубки лесных насаждений, выявление наиболее уязвимых пробелов в законодательстве и практике его применения, разработка предложений и рекомендаций по устранению выявленных недостатков.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Изучена и обобщена нормативная база и юридическая литература по экологическим преступлениям и незаконной рубке. Рассмотрены основные понятия и сущность незаконной рубки лесных насаждений в уголовно-правовом и административно-правовом законодательстве. Исследовано историческое развитие ответственности за незаконную рубку

в России, проанализирован состав преступления по ст. 260 УК РФ и практика его применения. Составлена криминологическая характеристика лиц, совершающих незаконные рубки, изучена и оценена административная и судебная практика назначения наказаний за незаконную рубку. Разработаны предложения по совершенствованию действующих норм уголовного и иного законодательства, а также иных правовых актов и практики их применения.

Сиряков Алексей Николаевич, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор М.Г. Детков) состоялась в диссертационном совете Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина 16 мая 2007 г. Тема: «Организационно-правовые вопросы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: исторические аспекты и современность».

Цель исследования обобщение и анализ опыта правотворческой и правоприменительной деятельности по вопросам организации и содержания воспитательной работы с осужденными к лишению свободы для разработки предложения по совершенствованию содержания, организации и правового регулирования воспитательной работы.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Проанализировано содержание воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в историческом аспекте, сформулировано понятие воспитательной работы и определены ее задачи применительно к осужденным к лишению свободы. Исследовано содержание принципов, используемых при организации и проведении воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. Дана характеристика содержания воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях, ее форм и методов. Изучены вопросы обеспечения и организации воспитательной работы с осужденными в период Российской империи, Временного правительства, а также в советский период. Выявлены проблемы нормативно-правового регулирования организации и проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы и разработаны предложения по совершенствованию организации и правового регулирования воспитательной работы с осужденными к лишению свободы.

Лукиянчук Елена Олеговна, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор М. Г. Детков) состоялась в диссертационном совете Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина 15 мая 2007 г. Тема: «Правовые и организационные аспекты социальной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы».

Цель исследования изучение теоретических, правовых и организационных основ института социальной работы в исправительных учреждениях, а также выра-

ботка предложений по совершенствованию действующего уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего реализацию социальной работы.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Изучены исторические аспекты возникновения и становления института социальной помощи осужденным в отечественной пенитенциарной практике. Определено понятие социальной работы в исправительном учреждении, ее содержание, формы, стадии на различных этапах исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Выявлена роль деятельности социальных работников в исправительном процессе и социальной адаптации осужденных к лишению свободы. Выделены различия между социальной и воспитательной работой с осужденными к лишению свободы. Проанализировано содержание норм отечественного уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере социальной работы с осужденными к лишению свободы. Сформулированы предложения по совершенствованию правового обеспечения деятельности служб социальной защиты осужденных.

Щерба Эдуард Тахирович, начальник кафедры боевой и тактико-специальной подготовки. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11 — Судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор С.А. Старостин) состоялась в диссертационном совете Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань) 22 мая 2007 г. Тема: «Организационно-правовые основы розыскной работы Федеральной службы исполнения наказаний и МВД России в отношении лиц, совершивших побег из исправительного учреждения».

Целью исследования являлось изучение организационных основ розыскной работы взаимодействующих подразделений ФСИН и МВД России в отношении лиц, совершивших побег из исправительного учреждения, выявление существующих проблем и выработка научно-обоснованных выводов и прикладных рекомендаций по совершенствованию организационно-правовых основ осуществления этой работы.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Определены понятийные характеристики и принципы взаимодействия при розыске лиц, бежавших из исправительного учреждения, произведен анализ и систематизация правовых основ взаимодействия ФСИН и МВД России при организации розыскной работы. Выявлен перечень субъектов, объектов, а также осуществлен анализ влияния основных функций розыскной работы на ее эффективность. Представлено собственное видение системы розыска и порядка его осуществления структурными подразделениями ФСИН и МВД России. Исследованы тактико-процедурные аспекты реализации системы взаимодействия розыскных подразделений ФСИН и МВД России. Определены основные организационно-правовые направления совершенствования деятельности органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства внутренней дел России по розыску лиц, совершивших побег из исправительного учреждения. Содержание диссертации имеет гриф «Для служебного пользования».

Садков Алексей Викторович, преподаватель кафедры физической культуры. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры (научный руководитель — доктор педагогических наук, профессор В.Б. Ендальцев) состоялась в диссертационном совете Военного института физической культуры (г. Санкт-Петербург) 19 мая 2007 г. Тема: «Дифференцированный подход на занятиях по физической культуре курсантов ВИПЭ ФСИН России».

Целью исследования являлось изучение организационно-методических особенностей самостоятельной физической тренировки курсантов для обеспечения должного уровня их физической подготовленности в процессе обучения в вузе Федеральной службы исполнения наказаний.

В ходе исследования автором обоснованы и разработаны содержание и организационно-методические основы самостоятельной физической тренировки курсантов в вузах ФСИН России, разработана программа подготовки курсантов к самостоятельной физической тренировке, которая включает систему принципов, этапов, педагогических условий, способов и методов обучения, а также уровня физических нагрузок в соответствии с индивидуальными возможностями курсантов, экспериментально доказана эффективность предложенной программы самостоятельной физической тренировки в период обучения. Содержание диссертации имеет гриф «Для служебного пользования».

Редакционная коллегия журнала поздравляет соискателей с успешной защитой диссертаций и желает новых творческих побед.

исполняющих наказания, имеет большое значение для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы.

Следует согласиться с автором, что на современном этапе в деятельности данной категории руководителей доминирует не управленческое мышление, а мышление, направленное на оперативное реагирование на отдельные, внезапно возникающие проблемы и ситуации, в то время как руководителю пенитенциарного учреждения должен быть свойственен системный стиль мышления. Тем не менее на сегодняшний день многие руководители не имеют системного видения своей деятельности.

На основе обобщения и анализа результатов эмпирического исследования автор справедливо делает вывод о том, что одной из основных причин возникновения различных негативных явлений в управленческой практике учреждений УИС является осуществление руководителями своей деятельности без учета присущих ей объективных закономерностей, а также с недооценкой роли влияющих на нее факторов.

Различного рода недостатки управленческой деятельности руководителей учреждений УИС, несовершенство нормативно-правовой базы их труда приводят к серьезным последствиям и создают реальную угрозу для нормального функционирования учреждений УИС. Поэтому задачей оптимизации процесса и механизма управленческого труда руководителя должна стать разработка таких принципов и методов его организационного построения, которые принесли бы максимальный эффект, заключающийся в повышении качества принимаемых управленческих решений, степени их реализации. Представленная монография направлена на решение указанных задач.

Теоретическую основу исследования составляют положения науки социологии управления, теории государственного управления, криминологии, психологии, теории государства и права, конституционного, административного, уголовно-исполнительного и иных отраслей права. Автором использовано значительное количество библиографических источников. Необходимо отметить стремление автора к глубокому теоретическому анализу вопросов, рассматриваемых в монографии, широкую методологическую базу исследования.

Эмпирическая основа исследования включает в себя результаты опросов и анкетирования руководителей территориальных органов, исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России (12 субъектов РФ), данные официальной статистики, нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность руководителей учреждений УИС, материалы практической деятельности. Все это указывает на большой объем исследовательской работы, осуществленной автором.

Теоретическая значимость исследования обусловлена объективной потребностью в теоретическом осмыслении организационно-правовых основ деятельности руководителей учреждений УИС. Практическая значимость исследования заключается в разработанных автором предложениях по совершенствованию управленческой деятельности руководителей учреждений УИС.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Голодова П. В. «Правовое регулирование и организация деятельности руководителя учреждения уголовно- исполнительной системы»

Б. Б. КАЗАК — начальник Псковского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В представленной монографии автором принята попытка системного исследования организационно-правовых аспектов деятельности руководителей учреждений УИС с целью выработки рекомендаций и предложений по ее совершенствованию.

Анализ содержания монографии П.В. Голодова позволяет сделать вывод о том, что автором исследована актуальная и недостаточно разработанная проблема. Повышение качества правового регулирования и организации труда руководителей учреждений,

Новизна исследования подтверждается полученными научными результатами.

В первом параграфе первой главы монографии автору удалось выделить основные признаки, отличающие руководителя от других должностных лиц, являющихся субъектами управленческой деятельности, и на их основе сформулировать понятие руководителя учреждения УИС. В параграфе также проанализирована управленческая деятельность руководителя учреждения УИС в роли неформального лидера, менеджера, администратора и формального лидера, что представляет определенный теоретический и практический интерес.

Содержание второго параграфа первой главы монографии посвящено выявлению специфических условий труда руководителя учреждения УИС в современных условиях и анализу факторов, оказывающих воздействие на управленческий труд. Данный аспект представляется достаточно важным в силу все большей открытости деятельности УИС, необходимости учета множества разноплановых факторов при управлении учреждением, необходимости ситуационного подхода к управлению.

В третьем параграфе первой главы монографии исследуются проблемы правового регулирования деятельности руководителей учреждений, обосновывается необходимость комплексности и системности его осуществления, предлагаются конкретные меры по совершенствованию правовой регламентации их труда. Особо отметим предложение автора переработать существующие в учреждениях УИС инструкции по организации управленческой деятельности с учетом специфики и возможностей каждого конкретного учреждения. Заслуживает положительной оценки разработанная автором структура указанной инструкции.

В первом параграфе второй главы монографии на основе изучения различных научных подходов и анализа материалов практики автором предложена классификация основных направлений деятельности руководителей с позиций информационного подхода, теоретической концепции, предусматривающей выделение самоорганизующейся, организующей и дезорганизующей разновидности организационной деятельности и др. Заслуживает внимания осуществленный автором анализ механизма деятельности руководителя учреждения УИС.

Исследование организационно-технологической стороны управленческой деятельности руководителей учреждений УИС во втором параграфе второй главы монографии позволило выявить распространенные недостатки в правовом регулировании действий руководителей с управленческими решениями, а также предложить конкретные меры по совершенствованию организационно-технологической стороны деятельности руководителей учреждений УИС.

В третьем параграфе второй главы монографии изучена сущность эффективности управленческого труда, рассмотрены критерии, показатели, методы и процедуры ее оценки, установлена взаимосвязь эффективности труда руководителя с эффективностью функционирования учреждения УИС, на научной основе определены возможные направления совершенствования

деятельности руководителя учреждения УИС. Результатом исследования стала разработка путей более рационального использования личного рабочего времени, принципы эффективной работы руководителя учреждения УИС, основные направления и конкретные способы ее совершенствования.

Вместе с неоспоримыми достоинствами представленной работы нельзя обойти стороной и некоторые ее недостатки.

В частности, представляется, что в первом параграфе второй главы монографии наряду с механизмом управленческой деятельности руководителя учреждения УИС следовало детально проанализировать механизм правового регулирования его деятельности, т. е. нормативный компонент механизма управленческой деятельности в целом.

Полагаем, что имело смысл более подробно рассмотреть вопросы взаимодействия руководителей пенитенциарных учреждений с должностными лицами других правоохранительных органов. Более подробно автору следовало бы разработать и такой аспект предмета исследования как деятельность руководителей исправительных учреждений в условиях чрезвычайных ситуаций.

Однако названные недостатки не сказываются существенно на общем положительном впечатлении от работы, составляют предмет для научной дискуссии и основу для дальнейших исследований проблем управленческой деятельности в УИС.

Таким образом, содержание работы позволяет судить, что монография «Правовое регулирование и организация деятельности руководителя учреждения уголовно-исполнительной системы» является законченным, самостоятельным научным трудом, отвечает предъявляемым к ней требованиям и может быть рекомендована к изданию.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Кондратовской С. Н. «Правовые проблемы пресечения недобросовестной конкуренции на товарных рынках»

О. С. СОКОЛОВА — доцент кафедры конституционного, международного права и политологии юридического факультета Вологодского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук

Монография С.Н. Кондратовской «Правовые проблемы пресечения недобросовестной конкуренции на товарных рынках» представляет собой комплексное научное исследование, в котором детально анализируются правовая конструкция, формы, способы борьбы с недобросовестной конкуренцией. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку развитие рыночных отношений в России влечет за собой развитие конкурентных отношений и, как следствие, — появление недобросовестной конку-

ренции. Актуальность монографического исследования С. Н. Кондратовской определяется выявленной автором недостаточной правовой защитой от недобросовестной конкуренции на товарных рынках, установленной необходимостью согласования теоретических разработок в области пресечения недобросовестной конкуренции и правоприменительной практики.

Применение разнообразных методов, используемых в предпринимательском праве, специфическое сочетание методологических подходов позволили автору достичь целей работы:

— анализа правовой сущности актов недобросовестной конкуренции и ее форм,

— выработки критериев юридической оценки действий хозяйствующих субъектов как актов недобросовестной конкуренции,

— выявления основных проблем и недостатков правового регулирования недобросовестной конкуренции на товарных рынках,

— разработки предложений по совершенствованию конкурентного законодательства.

Достоинство представленной монографии состоит в том, что автор не ограничивается теоретическим исследованием материала, а выносит в качестве отдельных выводов конкретные предложения научно-практического значения по формированию правовой конструкции акта недобросовестной конкуренции и ее форм.

Заслуживает внимания тот факт, что при написании монографии использован и систематизирован значительный по объему нормативный материал, который включает в себя законодательные и иные акты Российской Федерации, международные соглашения и договоры, а также практический материал, прежде всего, судебная арбитражная практика и административная практика антимонопольных органов.

План представленной монографии следует признать логичным и обоснованным.

В качестве базы всего исследования выдвигается правовая конструкция акта недобросовестной конкуренции. Обосновано положение о том, что в качестве недобросовестной конкуренции признаются активные действия хозяйствующих субъектов-конкурентов. Предпринимательская деятельность — не спонтанный единичный акт, она носит долговременный характер, причем многие предпринимаемые действия являются частью разрабатываемой стратегии хозяйствующего субъекта, поэтому в качестве недобросовестной конкуренции признаются виновные действия, направленные на приобретение необоснованных преимуществ.

Критерием противоправности недобросовестной конкуренции на товарных рынках определяется нарушение положений действующего законодательства, обычаев делового оборота, а также морально-этических норм и принципов. Для признания действий хозяйствующих субъектов недобросовестными достаточно одной лишь возможности наступления

неблагоприятных последствий, а действительного наступления вреда не требуется. Особенно хочется подчеркнуть то, что автор, опираясь на правоприменительную практику антимонопольных органов России, демонстрирует тот факт, что недобросовестная конкуренция крайне редко причиняет реальный ущерб в виде утраты или повреждения имущества. В большинстве случаев ее отрицательные последствия заключаются в упущенной выгоде и расходах, необходимых для восстановления нарушенного права. Актуально и важно предложение автора о принятии в России отдельного закона о недобросовестной конкуренции.

Во второй главе большое внимание уделено конкретным составам недобросовестных конкурентных действий. Проанализированы проявления недобросовестной конкуренции в виде действий, связанных с распространением дискредитирующей информации о конкуренте; действий, вводящих в заблуждение третьих лиц; действий с применением ненадлежащих сравнений; действий, связанных с продажей, обменом или иным введением в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации; действий, связанных с дезорганизацией производственного процесса конкурента.

Третья глава посвящена исследованию правовых последствий совершения недобросовестной конкуренции. Автором анализируются различные способы воздействия на правонарушителей: меры юридической ответственности, неюрисдикционные способы борьбы с недобросовестной конкуренцией. Обоснован вывод о том, что юридическая ответственность за нарушение законодательства, регулирующего недобросовестную конкуренцию, имеет как ряд общих родовых признаков, так и специфические особенности: допускается вероятность причинения будущего вреда; стороны находятся в конкурентных отношениях в определенной сфере предпринимательской деятельности или на рынке определенных товаров и услуг и пр. Интересен вывод автора о том, что осуществление предпринимательской деятельности требует от хозяйствующих субъектов определенной бдительности, что допускает самозащиту. Все это свидетельствует о глубине исследования выбранной темы и эрудированности автора.

В целом монография С. Н. Кондратовской изложена четким научным языком, читается легко, в исследовании имеется много примечаний. Данная работа может быть использована как научно-методическая основа для дальнейшего исследования правовых проблем пресечения недобросовестной конкуренции. Монография С. Н. Кондратовской является научно-квалифицированной работой, написанной автором на актуальную и практически значимую тему, обладает новизной, внутренним единством, завершенностью (с точки зрения поставленных задач), творческим характером. Основные положения и выводы по монографии в достаточной степени аргументированы. Совокупность положений и выводов по работе может быть охарактеризована как существенный вклад в развитие науки гражданского и предпринимательского права.

Таким образом, представляется возможным рекомендовать рецензируемую монографию к изданию.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

История пенитенциарной системы России в XX веке: Сборник материалов международного научного семинара / Отв. ред. канд. юрид. наук, доцент В. В. Попов. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. — 286 с. ISBN 978-5-94991-043-6.

В сборник, подготовленный в соответствии с п. 6.7 разд. VI Плана НИОКД института на 2006 г. и перспективу, включены статьи, сообщения и тезисы, освещающие различные аспекты пенитенциарной практики Российского государства в дореволюционный, советский и современный периоды.

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошло 37 статей. Их авторами являются исследователи из Москвы, Волгограда, Калининграда, Екатеринбургa, Курска, Саратова, Вологды, Архангельска, Кирова, Барнаула, Перми, Сыктывкара, Братска, Иркутска, Комсомольска-на-Амуре, Кисловодска, Уфы, Котласа, Ижевска, а также зарубежные коллеги из Италии, Украины, Беларуси и Казахстана. Среди участников семинара 8 докторов наук, 12 кандидатов наук, 8 аспирантов и соискателей, 6 представителей государственных и общественных организаций.

Исходя из тематики и круга затрагиваемых проблем статьи объединены в четыре раздела: история лагерей, тюрем и колоний России и СССР; политические репрессии и пенитенциарная практика; судьбы осужденных, депортированных, военнопленных и интернированных граждан; современная пенитенциарная система России и ее проблемы.

Разнообразная тематика, новизна обозначенных проблем, острота и дискуссионность представленных на суд читателя публикаций, с одной стороны, их объективность и взвешенность — с другой, обуславливают научную значимость и актуальность настоящего сборника.

Данное издание предназначено для историков, юристов, работников исправительных учреждений, а также всех тех, кто интересуется историей уголовно-исполнительной системы России.

Голодов П. В. Правовое регулирование и организация деятельности руководителя учреждения уголовно-исполнительной системы: Монография. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. — 184 с. ISBN 978-5-94991-064-1.

В монографии, подготовленной в соответствии с п. 1.8 Плана научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности ВИПЭ ФСИН России на 2007 г. и перспективу, рассмотрены теоретические, правовые и организационные аспекты деятельности руководителей учреждений уголовно-исполнительной системы. Автором проведено комплексное исследование, направленное на выработку научных принципов и методических рекомендаций по оптимизации управленческой деятельности руководителей учреждений уголовно-исполнительной системы в современных условиях функционирования Федеральной службы исполнения наказаний.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и курсантов высших учебных заведений ФСИН России, практических работников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Колесникова З. А. Психокоррекционная работа с осужденными, входящими в пенитенциарные группы риска: Учебное пособие: Допущено Федеральной службой исполнения наказания в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. — 232 с. — ISBN 978-5-94991-070-2.

В пособии изложены теоретические и методические основы психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы. Рассмотрены особенности организации и проведения индивидуальной и групповой психокоррекционной работы в условиях исправительного учреждения. Освещены вопросы оказания психокоррекционной помощи осужденным, входящим в пенитенциарные группы риска и состоящим на профилактическом учете в исправительном учреждении: имеющим наркотическую зависимость, ВИЧ-инфицированным, склонным к суициду, с повышенной тревожностью, испытывающим страхи и фобии.

Пособие предназначено для преподавателей, курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России, а также практических психологов и сотрудников уголовно-исполнительной системы.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Информация об итогах проведения в ВИПЭ ФСИН России международной научно-практической конференции в 2007 г. и планах проведения международных научных мероприятий в 2008 г.

В соответствии с п. 12.1 Плана организационно-практических мероприятий ФСИН России на 1 полугодие 2007 г. 23–24 апреля 2007 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России была проведена международная научно-практическая конференция «Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика».

В работе конференции приняли участие представители пенитенциарных и образовательных учреждений Беларуси, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Польши, Украины, Узбекистана и Швейцарии, Международной неправительственной организации «Международная тюремная реформа» (PRI), Голландской неправительственной гуманитарной организации «СПИД Фонд Восток-Запад» (AFEW), ведущие ученые научных и образовательных учреждений ФСИН и Минобрнауки России, практические работники органов и учреждений ФСИН России, органов государственной

власти и местного самоуправления Вологодской области, работники прокуратуры, общественных правозащитных организаций.

В пленарном заседании приняло участие 320 чел. Были обсуждены теоретические и прикладные проблемы осуществления социальной работы в УИС, подготовки специалистов ФСИН по социальной работе в контексте реализации положений Европейских пенитенциарных правил, выработаны предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства, деятельности уголовно-исполнительной системы, других государственных и негосударственных органов.

После пленарного заседания работа была продолжена в рамках трех «круглых столов»: «Правовая регламентация социальной работы в Европейских пенитенциарных правилах и их реализация в российском законодательстве», «Практика применения Европейских пенитенциарных правил в социальной работе», «Подготовка персонала социальной службы УИС в свете Европейских пенитенциарных правил».

В ходе работы обсуждены проблемы обеспечения соответствия нормативных основ социальной работы с осужденными положениям международных правовых актов, определены тенденции их дальнейшего развития. Проанализирована практика применения положений Европейских пенитенциарных правил в социальной работе с различными категориями осужденных на всех этапах отбывания ими уголовного наказания. Состоялся обмен опытом организации социальной работы с осужденными и социального образования пенитенциарных специалистов по социальной работе на межрегиональном и международном уровнях.

По результатам работы были выработаны общие рекомендации конференции.

В ходе конференции состоялись двусторонние встречи с делегациями Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Польши, Украины и Швейцарии, на которых были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества и реализации совместных мероприятий на 2007 г.

До начала конференции был издан сборник тезисов основных докладов и выступлений.

В 2008 г. институтом планируется проведение двух крупных международных научных мероприятий.

20–21 ноября 2008 г. предполагается проведение международной научно-практической конференции по теме «Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: состояние и мировые тенденции».

В ее работе ожидается участие около 300 чел., в том числе представители центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России, зарубежных пенитенциарных и образовательных учреждений, образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД и Минобрнауки России, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных правозащитных организаций.

Предметом обсуждения в ходе конференции станут теоретические и прикладные проблемы формирования и реализации государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний, подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы России в контексте происходящих социально-экономических, политико-правовых и духовных изменений общественной жизни.

Институтом подана заявка на финансирование конференции в Российский гуманитарный научный фонд.

В июне 2008 г. кафедрой уголовного процесса и криминалистики планируется проведение международной научно-практической конференции по теме

«Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России». В ее работе планируется участие широкого круга представителей практических органов и образовательных учреждений России, Казахстана, Украины и Польши.

В ходе работы конференции предполагается обсудить проблемы применения норм уголовно-процессуального законодательства органами и учреждениями УИС, некоторые особенности организации работы оперативных подразделений УИС.

Сборники материалов конференций планируется издать до начала работы указанных мероприятий.

По вопросам участия в конференции и публикации материалов обращаться по тел. (8172) 53-60-79, e-mail: ono-vipe@mail.ru.

Факультет внебюджетного образования

В соответствии со ст. 29 Закона Российской Федерации «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» и в целях более полного использования возможностей учебного заведения по подготовке специалистов с высшим юридическим образованием в Вологодском институте права и экономики ФСИН России в июне 2000 г. открыто отделение платных образовательных услуг. В июне 2002 г. оно преобразовано в факультет внебюджетного образования.

Факультет готовит юристов с высшим профессиональным образованием по специальности 030501 — «Юриспруденция» (гражданско-правовая специализация). Учебный процесс обеспечивает профессорско-преподавательский состав института и ведущих вузов города. На факультете имеются лекционные залы, учебные аудитории, в распоряжении студентов учебно-материальная база института: библиотечный фонд, компьютерные классы, аудитории, оборудованные мультимедийными системами, спортивные сооружения.

Факультет использует редакционно-издательскую и полиграфическую базу института для обеспечения учащихся учебно-методической литературой. Занятия проводятся с применением технических средств обучения, компьютерных программ, современных педагогических технологий и активных форм обучения.

Сегодня на факультете обучаются студенты из 23 субъектов Российской Федерации, в том числе из Вологодской, Мурманской, Архангельской, Ярославской, Воронежской, Московской областей, Краснодарского края, республик Коми и Карелия — всего более 900 чел., из них 370 студентов проходят обучение по очной форме обучения, 540 — по заочной.

Студенты факультета участвуют в работе научно-практических конференций, проходящих на базе института, принимают активное участие в культурно-массовых мероприятиях, проводимых в учебном заведении, вместе с курсантами представляют институт в студенческой среде города и области.

В 2005–2007 гг. дипломы о высшем профессиональном образовании получили 317 выпускников очной и заочной форм обучения, из них 9 — с отличием.

На базе факультета внебюджетного образования работают платные подготовительные курсы: заочные, вечерние и летние двухнедельные.

Поступающие на факультет внебюджетного образования Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (специальность 030501 — «Юриспруденция», гражданско-правовая специализация) представляют в приемную комиссию **следующие документы:**

Очная форма обучения

(срок обучения — 5 лет)

- заявление установленного образца;
- оригинал документа государственного образца о среднем (полном) общем образовании (аттестат, диплом);
- медицинскую справку ф. 086/у;
- фотографии — 6 штук (размер 3x4);
- характеристику с места учебы или работы;
- документ, удостоверяющий личность, для юношей — приписное свидетельство (военный билет).

Заочная форма обучения

(срок обучения — 6 лет):

- заявление установленного образца;
- оригинал документа государственного образца о среднем (полном) общем образовании (аттестат, диплом);
- медицинскую справку ф. 086/у;
- фотографии — 6 штук (размер 3x4);
- характеристику с места учебы или работы;
- справку с места работы;
- документ, удостоверяющий личность.

Другие документы представляются поступающим, если он претендует на льготы, установленные законодательством Российской Федерации.

Вступительные испытания на очную и заочную формы обучения проводятся в августе по 3 предметам:

1. Обществознание (тестирование).
2. История России (тестирование).
3. Русский язык (ЕГЭ).

По сокращенной форме обучения проводится тестирование по обществознанию.

Общежитие на период сдачи вступительных испытаний и учебы не предоставляется.

По вопросам поступления на учебу следует обращаться по адресу:

г. Вологда, ул. Гагарина, 37а
 тел. (8172) 53-77-19 (факс),
 (8172) 51-72-46 — очное отделение,
 (8172) 51-16-08 — заочное отделение,
 (8172) 53-77-19 — подготовительные курсы.

Проезд автобусами № 1, 15 до остановки «Стадион «Витязь»» или троллейбусами № 1, 2, 3 до остановки «ул. Ярославская»

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

(лицензия от 06.12.2005 г. № А165371)

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР

1) В адъюнктуру (очная и заочная формы обучения) по специальностям:

- 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
- 12.00.11 — Судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура;
- 19.00.06 — Юридическая психология.

Требования к кандидатам: в адъюнктуру на бюджетной основе принимаются лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава ФСИН России, имеющие высшее образование, возраст до 39 лет, стаж службы в уголовно-исполнительной системе не менее 2 лет.

Возможно обучение на договорной основе по указанным научным специальностям в качестве соискателя ученой степени кандидата наук.

Срок подачи заявок на обучение (направляются территориальным органом ФСИН России в УКПО ФСИН России) — до 1 ноября.

Срок предоставления документов в институт — с 1 марта по 20 мая; вступительного реферата по специальности — до 20 июня.

Срок обучения по очной форме — 3 года, по заочной — 4 года.

Начало учебного года — с 1 октября.

Вступительные экзамены (специальная дисциплина, философия, иностранный язык) проводятся в сентябре.

Имеющиеся сданные кандидатские экзамены засчитываются за соответствующие вступительные.

2) Соискателей для сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку (английский, немецкий) и по истории и философии науки для соискателей по специальностям по отраслям наук:

12.00.00 — Юридические науки;

19.00.00 — Психологические науки.

Требования к кандидатам: высшее образование.

Срок подачи документов на подготовительные курсы — до 1 ноября.

Срок подачи документов на прикрепление соискателем для сдачи кандидатских экзаменов — до 15 марта.

Срок прикрепления — 2 года.

Кандидатские экзамены проводятся ежегодно в мае.

Обращаться по тел.:

(8172) 51-82-50 — Крымов Александр Александрович, заместитель начальника института по научной работе

(8172) 51-44-67 — Ласточкин Александр Николаевич, начальник адъюнктуры

(8172) 53-01-42 — Климанов Дмитрий Александрович, начальник отдела кадров

Адрес: 160002 г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2.

Сайт в Интернете: WWW.VIPE-FSIN.RU

E-mail: vipe.vologda@mail.ru